

**ГЕРМАНИЯ
И ПРИБАЛТИКА:**

**проблемы политических
и культурных связей**

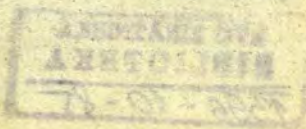
Министерство высшего и среднего специального образования
Латвийской ССР
Латвийский ордена Трудового Красного Знамени
государственный университет имени Петра Стучки
Кафедра новой и новейшей истории

ГЕРМАНИЯ И ПРИБАЛТИКА:

проблемы политических и культурных связей

СБОРНИК НАУЧНЫХ ТРУДОВ

Латвийский государственный университет им. П.Стучки
Рига 1985

1716
1985
01-4330

ГЕРМАНИЯ И ПРИБАЛТИКА:
проблемы политических и культурных связей

Германия и Прибалтика: проблемы политических и культурных связей: Сборник научных трудов /Под ред. П.Я.Крупникова.- Рига: ЛГУ им. П.Стучки, 1985. - 169 с.

Настоящий сборник продолжает начатое в 1972 году издание сборников статей по проблемам истории Германии и Прибалтики.

В течение семи веков - вплоть до Октябрьской революции - на территории Латвии и Эстонии господствовало прибалтийско-немецкое дворянство. Несколько раз в истории Прибалтика служила немецким захватчикам трамплином для дальнейшей восточной экспансии. В тоже время прогрессивные силы немецкого народа оказали положительное влияние на развитие народов Прибалтики. С развитием революционного движения в Прибалтике устанавливаются интернациональные связи пролетариата Германии, Латвии, Эстонии и Литвы.

Работы этого сборника посвящены различным - как отрицательным, так и положительным - аспектам многовековых исторических связей Германии и Прибалтики.

В сборнике использованы также материалы очередной конференции "Западная Европа и Прибалтика", состоявшейся в сентябре 1983 года на историко-философском факультете ЛГУ им.П.Стучки с участием историков СССР, ГДР, ФРГ и Швеции.

Сборник предназначен для читателей, интересующихся историей взаимоотношений Германии и Прибалтики, а также историей прибалтийских немцев.

Редактор латышского текста Д. Маркуса; редактор немецкого текста Р. Павлова.

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ:

А.Варславан, К.Даунит,
П.Крупников (отв.ред.), И.Фелдманис

Печатается по решению Издательского совета
ЛГУ им. П.Стучки

Г 10603-080у Изм. 85 .0504040000
М 812(II)-85

© Латвийский
государственный
университет
им.П.Стучки,
1985

ВЛИЯНИЕ ГЕРМАНСКОЙ "ПОЛИТИКИ НЕМЕЧЕСТВА" НА
ГЕРМАНО-ЛАТВИЙСКИЕ ОТНОШЕНИЯ /1923-1932 гг./

Праваые круги Веймарской республики всегда учитывали возможность использования немецких национальных меньшинств за границей как политический фактор. Сразу после отмены оккупации Рейнской зоны один из ответственных руководителей германского внешнеполитического ведомства, специально занимавшийся вопросом немецких национальных меньшинств - Ф. Ратенау в духе основных концепций восточной политики бросил новый клич своим подопечным: "Рейнланд свободен! Теперь очередь за Востоком!"¹ Это, разумеется, касалось и немцев, проживавших в Восточной Прибалтике.

В декабре 1929 г. этот вопрос был поднят также в журнале "Трендиоче рундшау", где в завуалированном виде В. фон Харпе разъяснял своим соплеменникам в Прибалтике: "Мы живем в период крушения старых культурных форм, из которых нам придется построить наш культурный мир"². Далее недвусмысленно раскрывалась суть провозглашенного высказывания: "С возникновением национального государства, под этим подразумевались Латвия, Эстония и Литва - М.В./ начались и отчаянные схватки окружающих его государств ... за его подчинение"; далее под предлогом необходимости защиты самобытности и собственной культуры автор призывал местных немцев к выполнению долга в интересах своего "маттерлаанда"³.

К этому времени окрепли при финансовой помощи Германии политические организации латвийских немцев, играли значительную роль в политической и экономической жизни Латвии. Однако положение в определенной степени стало изменяться, что было связано с изменением внутренней политики правящих кругов Латвии: мировой экономический кризис заставлял их не только принимать меры по стабилизации экономического положения страны, но и заботиться о том,

чтобы массы поддерживали проводимую ими политику. Наиболее удобным способом для достижения этой цели некоторые деятели правящих кругов Латвии считали разжигание националистических страстей. Средством для этого служила не только "обработка" общественного мнения, но и принятие соответствующих законов.

Таким образом, германская "политика немецчества" столкнулась с серьезными препятствиями, для преодоления которых с германской стороны прилагались немалые усилия, по своему размаху в значительной степени превышавшие действия, осуществлявшиеся в этом направлении в предыдущие годы.

Большой резонанс в германо-латвийских отношениях вызвал закон о регулировании порядка предоставления земельных участков т.н. "бордам за независимость" буржуазной Латвии⁴, предусматривавший отмену некоторых привилегий, предоставленных ранее ландесверовцам при получении земли. Германские политики видели в этом мероприятии не просто ограничение прав прибалтийских немцев, но и угрозу для их "Bodenständigkeit" - "оседлости на земле", призванную обеспечить постепенное укрепление экономического и политического влияния немцев Латвии. Поэтому с молчаливого одобрения правительства германская пресса всех мастей заговорила о "деле ландесверовцев" в Латвии⁵.

Своеобразной предпосылкой к этому "делу" стало празднование прибалтийскими немцами, проживавшими в Германии, десятилетней годовщины занятия Риги германскими и прибалтийско-немецкими отрядами 22 мая 1919 г., когда там была свергнута Советская власть. Латвийский посланник в Берлине О.Войт сообщил своему начальству о состоявшемся в мае 1929 г. в Берлине богослужении, посвященном этой дате. В церемонии принимали участие бывший кронпринц Пруссии Оскар, генерал Р.фон дер Гольц, руководитель кружка "Ринг" Х.фон Гляйхен, бывший командир ландесвера майор В.Флечер и др. О.Войт отмечает недружелюбное отношение к Латвии со стороны выступивших на этой церемонии. Так, фон дер Гольц призывал всех немцев

объединиться для борьбы за будущее германского "третьего рейха", а фон Глихен ясно дал понять, что "немцы должны обратить свое внимание в основном к Востоку. Факт взятия Риги имел большое значение для всей Германии и даже Европы. Он должен поддержать живучесть германских устремлений на завоевание балтийских стран в будущем"⁶. О. Вейт сообщал также, что анализ германской прессы свидетельствует об агрессивных настроениях националистических кругов Германии по отношению к Латвии, Литве и Эстонии⁷.

Реакция латвийского правительства на это была недвусмысленной. Заведующий западным отделом МИД Латвии Ю. Фелдманис в письме О. Вейту изложил позицию Латвии следующим образом: "Само собой разумеется, что мы эти демонстрации в Германии воспринимаем с негодованием. Странно, что граждане какой-то чужой страны празднуют день освобождения столицы другой страны⁸, при этом явно вспоминая о своих прошлых намерениях ... Господин министр иностранных дел имел беседу по этому поводу с германским послом. Последний возражал, что германскому правительству ... было трудно воспрепятствовать празднованию"⁹. Следует отметить и то, что к факту богослужения в Берлине проявили интерес также и в штабе командующего латвийской армией. Начальник 3 отдела оперативной части майор Вилтер ознакомил о донесении Вейта руководящие круги латвийской армии¹⁰.

Но по-настоящему "дело ландесверовцев" начало осложнять германо-латвийские взаимоотношения после интерпелляции, поданной нацистами от лица близкого соратника Гитлера Х. Фрика в рейхе 27 ноября 1930 года¹¹. В ней превозносились заслуги германских ландесверовцев в свержении Советской власти в Латвии в 1919 г., указывалось, что "немецкие войска освободили Латвию от большевиков, и этого же желало и само латвийское правительство. Но теперь у них /ландесверовцев - М.В./ отобраны все права ..." Далее интерпелляция содержала требования о предоставлении земельных участков бывшим "борцам

за свободу в Прибалтике" *Freiheitskämpfer im Baltikum*/ немецкого происхождения. В характерной для нацистов того времени форме были также поставлены вопросы правительству Брнинга:

" 1. Какие мероприятия по этому вопросу провело правительство?

2. Готово ли оно сию минуту предпринять соответствующие шаги в Латвии, чтобы на основе взаимного мирного, экономического и культурного сотрудничества обеспечить укрепление позиций немецчества в Латвии в интересах народов обеих стран ?

3. Готово ли оно к немедленной выработке законов ..., в которых в конце концов были бы подтверждены законные права участников борьбы за свободу Прибалтики, если речь идет о немецких соотечественниках ?"¹²

Всю эту открыто шовинистическую кампанию поддерживала германская пресса. Шаги латвийского правительства в "деле ландесверовцев" она спешила представить как "переход к шовинизму", "германофилию", "несправедливость", "неблагодарность" и в конце концов как "изгнание из дома и со двора" *von Haus und Hof vertrieben*.

Ответная реакция латвийской прессы была также бурной¹⁴. В декабре 1930 г. латвийское правительство предприняло демарш, потребовав от германского внешнеполитического ведомства опровергнуть утверждения нацистов. О.Войт оставил для германского МИДа специальную памятную записку, в которой указывалось, что земельные наделы не предоставляются только тем ландесверовцам, которые после мая 1919 г. с оружием в руках боролись в составе армии фон дер Гольца и Бермонта-Авалова против буржуазной Латвии. Остальные ландесверовцы получают земельные наделы в порядке очереди согласно закону от 22 ноября 1929 г. О.Войт разъяснил позицию латвийского правительства в консервативном "клубе господ" *Herren-Club* / в Берлине.¹⁵

Поскольку реакционная германская печать продолжала выпады против Латвии, охлаждение государственных от-

ношений, несмотря на чисто внешние ухищления германского МИД и старания латвийского посольства в Берлине, нарастало.

Латвийская печать бурно реагировала на выпады германской прессы, публикуя новейшие сведения о недружелюбной политике Германии в отношении прибалтийских государств. Ссылаясь на хорошо осведомленную в вопросах германской внешней политики литовскую газету "Рытас", рижская газета "Педея бриди" характеризует германские устремления в Прибалтике следующим образом: "Германия ассигнует приблизительно 50 миллионов лат ежегодно для укрепления позиций немецчества /Deutschum/ на Востоке. ... Большое внимание уделяется укреплению позиций в ... Эстонии, Латвии и Литве. Здесь поддерживаются немецкие школы, институты, театры, культурные общества, печать, политические партии. Некоторые издания, выдержанные в духе пангерманизма, печатаются только на иностранном /т.е. германские - М.В./ языке. Большие субсидии получают дружественные Германии партии и печатные органы местных народностей. Германские агенты работают во всех учреждениях и представлены во всех политических группировках, где необходимо влияние в желаемом для немцев направлении.

Германская национальная политика становится все более активной особенно в последнее время в связи с ростом германского нацизма. Правда, нацисты не входят в коалицию /поддерживавшую в рейхстаге Брунингга - М.В./, но влияют на правое крыло правительства, в особенности на его внешнюю политику" 16.

Замечание о правом крыле правительства представляется нам отвечающим истине, ибо кабинет Брунингга, хотя и подвергался давлению со стороны нацистов тем не менее относился в основном отрицательно к грубым выпадам нацистов в отношении прибалтийских стран 17. Что же касается финансовой поддержки разного рода учреждений

латвийских, эстонских и литовских немцев, а также их газет, то здесь Бренинг, как и его предшественники, проявил усердие, что убедительно доказал западногерманский историк К.Х.Грундман. Общая сумма, отпущенная правительством Германии для поддержки прибалтийских немцев, составила 5 млн. рейхсмарок за период с 1925 по 1932 гг.¹⁸

Грундман отмечает, что в период мирового экономического кризиса видные представители прибалтийских немцев, в том числе и латвийских, поддерживали тесные контакты с "ведущими министерствами" Германии, в т.ч. внешнеполитическим ведомством¹⁹. Поэтому не удивительно, что в 1930 г. на съезде близкой к правительственным кругам организации "Ферейн фюр дас дойтум им аусланд" /ФДА/ в Зальцбурге видный деятель латвийских немцев В.фон Ридигер был награжден почетным бронзовым значком этой организации "За заслуги перед немецеством"²⁰. Такой же медалью был в 1932 г. награжден и главный редактор газеты "Ригаше рундшау" П.Шиман. В поздравлении руководства ФДА говорилось о высокой оценке "идейной и национально-политической деятельности" Шимана²¹.

Разумеется, что все эти мероприятия официальные и полуофициальные организации осуществляли вовсе не из филантропических побуждений, а в соответствии с интересами германского империализма и той роли, которая им отводилась во внешнеполитической стратегии и тактике Веймарской республики.

Последнее обстоятельство не составляло секрета для правящих кругов Латвии. Поэтому наиболее националистически настроенные круги, группировавшиеся вокруг министра-президента М.Скуленека /дек.1931-май 1933/ старались это положение использовать в собственных интересах, что, в свою очередь, не могло не сказаться на германо-латвийских отношениях.

С конца 1931 г. в Германии пристально следят за мерами, которые проводились латвийским правительством в области школ и культуры²². Более всего германских полити-

ков беспокоил факт отчуждения Домокого собора в Риге, принадлежавшего ранее немецкому приходу. Фракция Немецкой национальной партии в прусском ландтаге вручила правительству Брунинга следующий меморандум: "Латвийский кабинет министров опубликовал чрезвычайный декрет *Notverordnung* /, согласно которому у немцев в Риге разбойнически отнят собор ... Таким образом немецкий приход грубо изгнан из собора ... Что по этому поводу предпринимается правительством?"²³

Как и в "деле ландесверовцев, в защиту интересов латвийских немцев выступила германская печать²⁴. Ответом была вспышка негодования в латвийской прессе²⁵.

Остроту ситуации усугубили действия министра просвещения и юстиции кабинета Скуениека А.Кениня в области образования и культуры. В деятельности этого министра правящие круги Германии видели угрозу интересам своего национального меньшинства в Латвии, ибо Кенинь ограничил некоторые права национальных меньшинств. Намечалось расширение обучения латышскому языку, что с германской стороны квалифицировалось как "ленификация"²⁶. Многочисленные протесты местных немцев по разным каналам поступали в Германию, о чем свидетельствуют донесения латвийского представительства в Берлине. Соответствующие демарши в адрес латвийского правительства предпринимались и со стороны внешнеполитического ведомства Германии²⁷. Вопрос о школьной политике Кениня обсуждался в беседе статс-секретаря Билова и министра иностранных дел Латвии К.Зариньша в феврале 1932 г. Однако их встреча не принесла желаемых результатов для германской стороны²⁸.

Таким образом, германо-латвийские отношения все более осложнялись. Не повлияло сколько-нибудь существенно на улучшение этих отношений пребывание в Риге весной 1932 г. бывшего министра иностранных дел Германии В.Курциуса. Его встреча с руководящими политиками Латвии носила сугубо частный характер²⁹.

В мае 1932 г. правительство Брунинга подало в от-

оставку; однако напряженность в германо-латвийских отношениях по вопросам политики латвийского правительства, касающейся немецкого меньшинства, нарастала. Последующие правительства Папена и Шлейхера в большей степени, чем правительство Брунинга, опосредствовали углублению конфликтной ситуации. Это проявилось в июле 1932 г., когда очередной раз в Берлин прибыла латвийская делегация для решения некоторых хозяйственных вопросов³⁰. Во время переговоров советник германского МИД Э. Шапк упрекает латвийское правительство в несоблюдении закона о защите национальных меньшинств. При этом он подробно касается всех аспектов новой школьной программы правительства Латвии. Латвийская сторона, представляемая на встрече К. Ульманисом, не согласилась с точкой зрения германского правительства, подчеркнув, что это внутреннее дело Латвии: "Мы не будем это дело преувеличивать, - заявил Ульманис Шапку, - но мы имеем на это право"³¹.

Масло в огонь обострения германо-латвийских отношений усиленно подливали сами латвийские немцы. В первой половине 1932 г. их руководство вручило президенту Латвии А. Клеесису, а также министру-президенту Скуменику обширный меморандум по вопросу националистических нововведений Кениша в немецких школах. В это же время "верхушка" латвийских немцев во главе с В. Фриком обратилась к Папену с просьбой поддержать их протест против школьной политики Кениша через дипломатические каналы. В буржуазной прессе Латвии появилось сообщение, что руководители латвийских немцев вели переговоры и с Гитлером, рассчитывая заручиться его поддержкой и с его помощью получить содействие правительства Папена³².

Данный факт не подтверждается, но переговоры с Дарре и Фриком в это время действительно состоялись - м.в./33

Лидер Демократического центра буржуазной Латвии Я. Брейкш в интервью газете "Йунакас зинало" охарактеризовал этот шаг как "открытую демонстрацию против ин-

нешней национальной политики правительства ... Как от- реагируют в Германии на упомянутую просьбу Биркоа и дру- гих, - писал Брейкс, - неизвестно, но если поддержат ее, это было бы скандалом"³⁴.

До "скандала" так и не дошло, ибо германское внешне- политическое ведомство на этот раз сочло лучшим отмеже- ваться от столь громкого дела и заявило корреспонденту газеты "Яунакас зиняс", что такой просьбы со стороны представителей латвийских немцев оно и получало³⁵.

Яростную кампанию против правительства буржуазной Латвии продолжала также и германская печать. Во время этой кампании пошла в ход все "трехи" буржуазной Латвии: аграрная реформа, отчуждения Домского собора и шюльная политика Кениня. Газета "Теглихе рундschau" охарактеризо- вала мероприятия латвийского правительства как "новую несправедливость" по отношению к немецкому меньшинству³⁶. Лютеранская церковь Германии также подключилась к этой кампании. Ее орган "Дас эвангелше Домланд" в простран- ной статье о положении верующих немцев пришел к выводу, что порядки, существующие в Латвии, строже, чем во вре- мена русского самодержавия³⁷.

Тем не менее несмотря на напряженность в германо- латвийских отношениях, министр иностранных дел Латвии К.Заринь, учитывая все более благожелательное отношение Великобритании к Германии, старался хотя бы внешне отладить действительное положение. В интервью газете "Яунакас зиняс" он пытался создать впечатление, будто не было никаких серьезных политических недоразумений, которые могли бы повлиять и в результате изменить дру- жественные отношения между Латвией и Германией³⁸.

Все сказанное выше позволяет сделать вывод, что в течение 1929-1932 гг. в дипломатическом плане германо- латвийские отношения претерпели период обострения, а многие проблемы, возникшие при этом, остались неразре- шенными и даже усложнились с углублением экономическо- го кризиса. Немаловажную роль в этом сыграла и герман-

ская "политика немецчества".

Примечания

- I Rathenau F. Deutschlands Ostnot - Berlin, 1930, S.5.
- 2 Harpe W. Bildung und Zerfall der baltischen Führungsschicht. - In: Grenzdeutsche Rundschau, 1930, N 12, S.349.
- 3 Там же, с.351.
- 4 Материалы Центрального Государственного ист. архива Латвийской ССР /Далее - ЦГИА ЛатвССР/; Jaunākās Zinas, 1929, 23.nov.
- 5 Там же.
- 6 Там же.
- 7 Там же.
- 8 Свержение Советской власти в правых кругах буржуазной Латвии отмечалось как праздник.
- 9 ЦГИА ЛатвССР.
- 10 Там же.
- 11 Interpellation Abg. Frick 27.11.30 Nr. 352. - In: Verhandlungen des Deutschen Reichstages 1930. Berlin, 1932, Bd.42.
- 12 Interpellation Abg. Frick 27.11.30. Nr.352.
- 13 ЦГИА ЛатвССР.
- 14 Там же.
- 15 Там же.
- 16 Pēdējā Brīdī, 1931, 15.febr.
- 17 ЦГИА ЛатвССР.

- 18 Grundmann K.-H. Deutschtumspolitik zur Zeit der Weimarer Republik. Eine Studie am Beispiel der deutschbaltischen Minderheiten in Estland und Lettland. - Hannover-Döhren, Hirschheydt Verl., 1977, S.721.
- 19 Там же, с.458.
- 20 Там же.
- 21 Там же, с. 721.
- 22 ЦГИА ЛатвССР.
- 23 Там же.
- 24 Там же.
- 25 Latviesu Balss, 1932, Nr.1; Jaunākās Ziņas, 1932, 4.janv.
- 26 Deutsche Tageszeitung, 1932, 4.Febr.
- 27 ЦГИА ЛатвССР.
- 28 Там же.
- 29 Kurtius J. Sechs Jahre Minister der Deutschen Republik. - Heidelberg, Carl Winter-Univ.Verl., 1948, S. 243-244.
- 30 ЦГИА ЛатвССР.
- 31 Там же.
- 32 Jaunākās Ziņas, 1932, 6.jūl.
- 33 ЦГИА ЛатвССР.
- 34 Jaunākās Ziņas, 1932, 5. aug.
- 35 Там же, II арт.
- 36 Tägliche Rundschau, 1932, 21.Juli.
- 37 Das evangelische Deutschland, 1932, 7.Ah.
- 38 Jaunākās Ziņas, 1932, 31.dec.

НЕКОТОРЫЕ АСПЕКТЫ ПОЛИТИЧЕСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ
ПРИБАЛТИЙСКИХ НЕМЦЕВ БУРЖУАЗНОЙ ЛАТВИИ В
20-30-Е ГОДЫ В РАБОТАХ ВОЛЬФГАНГА ВАХТСМУТА

Западногерманские историки в послевоенный период уделили немало внимания в своих исследованиях положению и политике прибалтийских немцев в буржуазной Латвии в 20-30-е годы. В частности, можно отметить работы Р.Витт-рима¹, Г.фон Римши², В.Ленца³, Г.фон Рауха⁴, К.фон Генна⁵, Л.Гарлефа⁶ и др. Особого внимания советских историков заслуживает трехтомник Вольфганга Вахтсмута "О немецкой работе в Латвии 1918-1934. Обзор деятельности. Материалы истории прибалтийского немецчества", изданная в Кельне в 1951-1953 гг.⁷, а также опубликованные в 1954 году его воспоминания "Пути, окольные пути, спутники"⁸, существенно дополняющие названный выше труд.

Вольфганг Вахтсмут⁹ родился в 1876 году в Митаве /теперь Елгава/. Окончив Рижский политехникум и получив диплом инженера-химика, В.Вахтсмут рано начал заниматься общественной деятельностью, со времени которой он становится одним из виднейших представителей политических "верхов" прибалтийских немцев в буржуазной Латвии. С 1920 по 1928 год руководит работой отделения школ в немецком управлении просвещения, а в январе 1929 года по предложению министра просвещения буржуазной Латвии был назначен начальником этого управления¹⁰. Эту должность он занимает до 17 июля 1934 года, когда после фашистского переворота были ликвидированы управления школьными делами национальных меньшинств. Кроме того, В.Вахтсмут являлся членом нескольких общественно-просветительных организаций¹¹.

В.Вахтсмут в книге "О немецкой работе ..." опирается на обширные источники: это протоколы заседаний центральной немецкой политической организации - Комитета

прибалтийско-немецких партий; протоколы заседаний отдельных немецких партий, их программы и уставы; протоколы заседаний парламентской фракции, в их числе так называемые "текущие внутренние рабочие анкеты", составленные отдельными членами парламентской фракции; сообщения некоторых представителей "верхов" прибалтийских немцев; законопроекты, вынесенные на обсуждение Учредительного собрания, сейма членами парламентской фракции. Кроме того, автор широко использует материалы немецкой периодической печати. Следует заметить, что в ЦИА ЛатвССР многие из этих документов до наших дней не сохранились или же остались только их копии.

Учитывая это обстоятельство, а также и то, что В.Вахтсмут — один из участников описываемых исторических событий, мы вправе рассматривать его труд не только как исследование, но и как источник, характеризующий, во-первых, политическую позицию и некоторые направления деятельности немецкой буржуазии в Латвии в 20-30-е годы, во-вторых, можем использовать отдельные факты о демографическом, социально-политическом и экономическом положении прибалтийских немцев. Естественно, что историкам при этом необходим критический подход к материалам В.Вахтсмута.

Первая книга трехтомника была издана в 1951 году в Кельне под заглавием "Прибалтийско-немецкое народное объединение" / Die Deutsch-baltische Volksgemeinschaft / 1923-1934 / ¹². В.Вахтсмут на основе инфраструктуры главных немецких организаций характеризует процесс создания в буржуазной Латвии системы политической организации немцев, имеющей целью сплотить и объединить немецкое национальное меньшинство и подчинить его интересам местной немецкой буржуазии. Автор рассматривает образование и дальнейший процесс развития главной организации немецкого национального меньшинства — Прибалтийско-немецкого народного объединения / Deutsch-baltisch Volksge-

meinschaft / и дает характеристику немецких организаций, товариществ, партий, существовавших до первой мировой войны и в послевоенный период вплоть до 1923 года¹³.

На основе приведенного В.Вахтсмутом фактического материала можно выделить два периода в процессе формирования системы политических организаций прибалтийских немцев в буржуазной Латвии. Первый период - с осени 1918 года до весны 1928 года; в эти годы в буржуазной Латвии существовало несколько организационных центров прибалтийских немцев: Комитет прибалтийско-немецких партий, Немецкое просветительное управление, Прибалтийско-немецкий рабочий центр в Латвии /Deutsch-baltische Arbeitszentrale in Lettland /, Немецкий союз родителей /Deutscher Elternverband /. В.Вахтсмут дает их сравнительно подробную характеристику¹⁴. Хотя эти организации и сотрудничали между собой, каждая из них по-своему претендовала на роль ведущей. Наиболее важную роль в этот период играл Комитет прибалтийско-немецких партий.

На наш взгляд, одна из причин, почему у немецкого национального меньшинства не было до 1928 года единого организационного центра, связана с тем, что лидеры немецкой буржуазии надеялись и в буржуазной Латвии, как это было в буржуазной Эстонии, добиться культурно-национальной автономии и самоуправления. В 1925 году эти надежды прибалтийских немцев в Латвии полностью рассеялись. В 1926 году они начали перестраивать созданный в 1923 году Рабочий центр прибалтийских немцев, на основе которого весной 1928 года оформилось Прибалтийско-немецкое народное объединение. Так в буржуазной Латвии завершился процесс образования центральной организации прибалтийских немцев, которая при помощи системы так называемых "управлений" в период с 1928-1934 годы оксцентрировала и руководила всей деятельностью немецкого национального меньшинства в буржуазной

Латвии.

Этот процесс Вольфганг Вахтсмут освещает во второй, третьей и четвертой главах первого тома¹⁵.

В политическую систему немецкого национального меньшинства буржуазной Латвии были включены также и местные немецкие партии, подробно охарактеризованные В.Вахтсмутом¹⁶.

В 1920 году в буржуазной Латвии проходила подготовка к выборам в Учредительное собрание, которые состоялись 16-17 апреля 1920 года. Право выдвигать своих кандидатов в депутаты Учредительного собрания имели лишь политические партии. Образование сразу нескольких немецких партий В.Вахтсмут и объясняет желанием "верхов" получить по возможности большее представительство в Учредительном собрании буржуазной Латвии¹⁷. Но, на наш взгляд, правящие круги прибалтийских немцев, стараясь объединить и вовлечь немецкое национальное меньшинство в политические партии, ставили перед собой более обширные цели, стремясь с помощью этих партий не только объединить и сплотить немецкое национальное меньшинство, активизировать его политическую деятельность, но и придать этой деятельности определенную идеологическую направленность: подчинить ее интересам и влиянию немецкой буржуазии и бывших немецких помещиков, расширить и укрепить социальную базу немецких "верхов". Все это должно было облегчить осуществление тех задач и целей, которые ставили перед собой "верхи" прибалтийских немцев в буржуазной Латвии в рассматриваемый период. Но эти планы не осуществились. Политические партии не стали основой политико-организационной системы немецкого национального меньшинства буржуазной Латвии. Значительно большую роль в этом отношении играл местное немецкие организации, союзы, как об этом свидетельствует и сам В.Вахтсмут. Это подтверждают и архивные материалы, с которыми ознакомилась автор статьи. Так, начиная уже

с 1921-1922 годов немецкие партии стали превращаться в обыкновенные политические клубы, и самостоятельную политическую деятельность они не вели, хотя и были официально распущены только в 1934 году.

Вторая книга трехтомника В.Вахтсмута под заглавием "Автономная немецкая школа в Латвии" / "Die autonome deutsche Schule in Lettland" / вышла в 1952 году¹⁸. В приложении к книге были даны материалы о деятельности частного немецкого высшего учебного заведения в буржуазной Латвии - Института Гердера - и карта расположения немецких учебных заведений на территории Латвии в 1929 году. Автор характеризует деятельность еще одного организационного центра немецкого национального меньшинства - Немецкого управления просвещения, которое входило в состав государственного аппарата буржуазной Латвии. Немецкое управление просвещения было образовано по закону 8 декабря 1919 года об устройстве школ национальных меньшинств в Латвии. В.Вахтсмут дает всестороннее представление о системе образования и организации обучения немецкого национального меньшинства не только в рассматриваемый период - 1920-1934 гг., но и в конце XIX века, а также в период с 1934 по 1939 год. Большое значение имеет помещенный в приложение материал о деятельности Института Гердера в буржуазной Латвии¹⁹. Автор свидетельствует, какое большое место "верхи" отводили воспитанию местной немецкой молодежи, из числа которой в дальнейшем вышли первые немецкие нацисты в Латвии.

Третья книга трехтомника вышла в 1953 году под заглавием "Политический портрет немецкой народной группы в Латвии в парламентский период" / "Das politische Gesicht der deutschen Volksguppe in Lettland in der parlamentarischen Periode" / и хронологически относится к 1918-1934 годам. Здесь В.Вахтсмут дает своеобразный коллективный политический портрет немецкого национального меньшинства и его правящих "верхов".

Этот "портрет" дается на фоне важнейших событий общественно-политической жизни буржуазной Латвии, в центре которых - противоречия между пролетариатом и буржуазией. Общие классовые интересы латышской и немецкой буржуазии определили и аспект взаимодействия и взаимопонимания между ними, направленные против революционной борьбы рабочего класса.

Определенную роль в политической жизни буржуазной Латвии играли противоречия между лат. лской буржуазией и буржуазией национальных меньшинств, особенно немецкой, и представителями бывших помещиков. В 20-30-е годы расхождение интересов и целей немецкой и латышской буржуазии вызвали острейшую политическую борьбу между ними.

В.Вахтомут основное внимание обращает именно на вопросы, по которым расходились точки зрения латышской и немецкой буржуазии. Одним из таких вопросов был сам факт провозглашения буржуазной республики в Латвии в ноябре 1918 года. Это событие показало отношение политических группировок латвийских немцев к буржуазной государственности Латвии в 1918-1919 годах²¹. После образования буржуазной республики немецкие помещики и часть крупной буржуазии Латвии образовали группировку, которая отстаивала права "верхов" прибалтийских немцев в Латвии. Эта группировка /В.Вахтомут называет ее "старо-балтийской"²²/ рассчитывала различными путями /договор Бинцинга-Ульманиса в декабре 1918 года, переворот Нидера в апреле 1919 года, авантюра Бермонта-Авалора во второй половине 1919 года/ сохранить позиции германского империализма и остзейского дворянства в Латвии.

Как пишет В.Вахтомут, а также подтверждается и архивными материалами, прибалтийские немцы буржуазной Латвии не были полностью единодушны в оценке образования буржуазной республики в Латвии. Так, небольшая часть немецкой буржуазии искала возможности заключения компромисса с латышской буржуазией для сотрудничества с ней²³. Характеризуя это направление, В.Вахтомут упо-

минает руководимую местным немецким бароном Э.Розенбергом Прогрессивную партию и сгруппировавшихся вокруг этой партии местных немцев²⁴.

После Ноябрьской революции и поражения Германии в первой мировой войне рассеялись все планы консервативного крыла прибалтийских немцев Латвии — образовать в Прибалтике государство под покровительством кайзеровской Германии. После политических и военных неудач 1918—1919 годов они, оказавшись в положении национального меньшинства, были вынуждены включиться в политическую жизнь буржуазной Латвии, пойти на компромисс с латышской буржуазией, официально выражая "лояльное" отношение к буржуазной республике.

Другой проблемой политической жизни буржуазной Латвии, в решении которой взгляды "верхов" латвийских немцев и латышской буржуазии не совпадали, стала аграрная реформа. Латвийской буржуазии она была нужна, чтобы ослабить глубокое революционизирующее влияние, произведенное на безземельных и малоземельных крестьян Латвии конфискацией помещичьих земель, осуществленной Советской властью, и упрочить свои экономические и политические позиции, расширить свою социальную базу.

Как указывал в одной из статей видный руководитель латышской социал-демократии П.Стучка²⁵, ничто так не упрочило позиции белой Латвии, как буржуазная аграрная реформа. Вопросы о борьбе прибалтийских немцев против буржуазной аграрной реформы В.Вахтсмут уделяет большое внимание, показав, что "верхам" удалось не только вовлечь в эту борьбу все немецкое национальное меньшинство, в том числе и проживавших в сельской местности немецких колонистов, но и втянуть в нее для защиты интересов немецких баронов также и представителей других проживавших в Латвии национальных меньшинств²⁶.

По нашему мнению, заслуживают внимания те главы третьего тома, в которых В.Вахтсмут характеризует участие "верхов" прибалтийских немцев Латвии в таких со-

бытых политической жизни буржуазной Латвии, как выборы в Учредительное собрание и сейм.

Немецкая парламентская фракция играла большую роль в высшем законодательном органе буржуазной Латвии, и В.Вахтмут показывает, какими средствами руководство латвийских немцев смогло не только обеспечить участие немецкого национального меньшинства в выборах, но и использовать голоса латышских избирателей для получения значительного числа мест в так называемом "парламенте" буржуазной Латвии. В результате предвыборной деятельности немецких "верхов" интересы крупного финансового и промышленного капитала и бывших помещиков защищала и отстаивала парламентская фракция численностью 5-6 человек, хотя немцы составляли всего лишь около 3% населения буржуазной Латвии²⁷.

В книге В.Вахтмута уделяется также внимание вопросу об отношении прибалтийских немцев к Беймарской республике²⁸ и немецкому национальному меньшинству, проживавшему в буржуазной Эстонии²⁹.

Таковы важнейшие проблемы трехтомного труда В.Вахтмута "О немецкой работе в Латвии ...". На наш взгляд, концепция всей его работы вполне совпадает с основной линией политической деятельности "верхов" прибалтийских немцев в буржуазной Латвии - желанием продемонстрировать и доказать свою "лояльность" в отношении буржуазной республики /с 1920 года/. Фактически это было вынужденным приспособлением прибалтийских немцев Латвии к изменившейся политической ситуации в стране. Они последовательно преследовали свои цели, состоявшие в сохранении и укреплении в новой политической обстановке "немецкой народной группы", представлявшей в целом интересы промышленного, финансового капитала и немецких помещиков, чтобы в конечном счете восстановить былое господствующее политическое и экономическое положение среди остального населения Латвии. Таким образом, в целом книга В.Вахтмута служит целям апологизации политической деятельности немецких "верхов", обоснованию

и идеализации консервативной и реакционной политики правых кругов прибалтийских немцев Латвии.

Те вопросы, которые хотя и играли определенную роль в политической жизни прибалтийских немцев, но не совпадали с основной концепцией его работы, В.Вахтсмут обошел молчанием. Так, в книге отсутствует характеристика экономического положения прибалтийских немцев Латвии и нет подробной характеристики экономических организаций, банков, обществ торговцев и фабрикантов, в которых крупная немецкая буржуазия имела большое влияние. Это и понятно: показав действительную экономическую силу немецкой буржуазии в Латвии, В.Вахтсмуту было бы весьма сложно обосновать свою многократно высказываемую мысль, что вся деятельность прибалтийских немцев в буржуазной Латвии — это борьба за существование, куда он включает также и экономическую сферу.

Обращаясь к периоду 1918—1934 гг., В.Вахтсмут делает исторические отступления к началу столетия, но не упоминает исторические события 1915—1918 годов, которые касаются немецких колонизаторских планов вплоть до исключения Латвии в состав кайзеровской Германии.

Сравнительно мало места уделено характеристике взаимоотношений между немецким национальным меньшинством буржуазной Латвии и Веймарской республикой.

В.Вахтсмут, как это свойственно вообще всей прибалтийско-немецкой историографии, характеризует немецкое национальное меньшинство как национально замкнутую группировку в отрыве от общественно-политической жизни буржуазной Латвии. В.Вахтсмут официальную политику "верхов" прибалтийских немцев буржуазной Латвии старается отделить от тех событий, которые не совпадали с официально провозглашенной политической линией "верхов" прибалтийских немцев в 20—30-е годы.

Прибалтийские немцы Латвии после некоторых внутренних разногласий восприняли национал-социалистскую идеологию и во второй половине 30-х годов стали составной частью гитлеровской "пятой колонны". По данным архивных

материале, уже в начале 30-х годов определенная часть прибалтийских немцев буржуазной Латвии была знакома с идеями нацистов и симпатизировала нацистскому движению в Германии. В.Вахтоут действие местных немецких партий старается обойти или же дать им весьма неточную характеристику.

Но, несомненно, книга В.Вахтоута "О немецкой работе в Латвии ...", основанная на обильном фактическом материале, дает представление о политической жизни немецкого национального меньшинства в буржуазной Латвии в 1918-1934 гг., характеризует коллективный портрет немецких "эсэлов", отрывает идеологию правящих кругов немецкого национального меньшинства, отличающегося крайним консерватизмом и реакционностью.

Следует учесть также, что работа создавалась в определенной политической обстановке - в послевоенный период, на который наложил свой отпечаток исход второй мировой войны. Работа В.Вахтоута свидетельствует о желани определенных общественных слоев Западной Германии в послевоенный период в какой-то мере уйти от ответственности за события, в пекле которых находилась фашистская Германия.

Примечания

¹ Wittram R. Rückblick auf den Strukturwandel der deutsch-baltischen Volksgruppen in letzten Jahrzehnt vor der Umsiedlung. - In: Festschrift Percy Ernst Schramm zu seinem siebenzigsten Geburtstag von Schülern und Freunden zugeeignet. - Wiesbaden, 1964, Bd.2, S.231-250.

Wittram R. Livland. Schicksal und Erbe der baltischen Deutschen. - Berlin, 1943. - 92 S.

2 Rimscha H. Aufgabe und Leistung der Baltendeutschen..
Berlin, 1940. 36 S.

Rimscha H. Zur Frage der Umsiedlung. - Baltische
Hefte, 1957, H.1. S.2-25.

3 Lenz W. Die Umsiedlung der Deutschen aus Lettland. -
Jahrbuch des baltischen Deutschtums 1964, Lüneburg,
1965, S. 80.

4 Rauch G.v. Geschichte der baltischen Staaten.-Stutt-
gart u.a., 1970. - 224 S.

5 Hehn R.v. Die Umsiedlung der baltischen Deutschen -
das letzte Kapitel baltisch-deutscher Geschichte. -
Marburg an der Lahn, 1982. - 258 S.

6 Garleff M. Deutschbaltische Politik zwischen den
Weltkriegen. Die parlamentarische Tätigkeit der deutsch-
baltischen Parteien in Lettland und Estland. - Bonn-
Bad-Godesberg, 1976. - 224 S.

7 Wachtsmuth W. Von deutscher Arbeit in Lettland
1918-1934. Ein Tätigkeitsbericht. Materialien zur Ge-
schichte des baltischen Deutschtums. Bd.1-3. Köln;
1951-1953.

8 Wachtsmuth W. Wege, Umwege, Weggenossen. Lebens-
erinnerungen.-München, 1954. - 387 S.

9 Биографические данные о В.Вехтсмуте см.: Deutsch-
baltisches biographisches Lexikon 1710-1960. Hrsg.
von W.Lenz. - Köln-Wien, 1970, S.840-841.

10 ИИИЯ ЛатвССР. Ф.1642, оп.1, л.66, л.1.

11 См.: Deutschbaltisches biographisches Lexikon
1710-1960, S.840-841.

12 Wachtsmuth W. Die deutsch-baltische Volksgemein-
schaft in Lettland 1923-1934. - Köln, 1951. - 466 S.
mit 2 Karten und 5 Bildtafeln.

- 13 Wachtsmuth W. Die deutsch-baltische Volksgemeinschaft in Lettland 1923-1934. - Köln, 1951, S.3-58.
- 14 TĀM KE, S.38-58.
- 15 TĀM KE, S.61-435.
- 16 TĀM KE, S.38-47.
- 17 TĀM KE, S.39.
- 18 Wachtsmuth W. Die autonome deutsche Schule in Lettland 1920-1934. Mit einem Anhang: Das Herderinstitut zu Riga. (Private deutsche Hochschule). - Köln, 1952. - 430 S. mit 1 Karte und 9 Bildtafeln.
- 19 TĀM KE, S.409-428.
- 20 Wachtsmuth W. Das politische Gesicht der deutschen Volksgruppe in Lettland in der parlamentarischen Periode 1918-1934. - Köln, 1953. - 462 S. mit 5 Bildtafeln.
- 21 TĀM KE, S.33-72.
- 22 TĀM KE.
- 23 TĀM KE, S.47-61.
- 24 TĀM KE, S.58-59.
- 25 Skat.: P.Stučka priekšvārds F.Pauzera grāmatai "Apcerējumi par Latvijas lauksaimniecības ekonomiku", - Stučka P. Rakstu izlas. 7.sēj. - R., 1984, 153.lpp.
- 26 Wachtsmuth W. Das politische Gesicht ..., S.297-374.
- 27 TĀM KE, S.374-424.
- 28 TĀM KE, S.203-236.
- 29 TĀM KE, S.180-203.

DIE KONZEPTION DER SCHWEDISCHEN HERRSCHAFT IM BALTIKUM IN DER DEUTSCH-BALTISCHEN GESCHICHTSSCHREIBUNG

Die Geschichtsschreibung über das Baltikum hat zwei wichtige Eigenschaften. Erstens, sie ist sehr umfangreich. Man kann sich wirklich die Frage stellen, ob die Geschichte einer anderen Region derselben Größe annähernd so erforscht ist wie die des Baltikums. Die Frage wird schon durch einen Blick auf unsere Geschichtsbibliographien gerechtfertigt, mit der umfangreichen "Bibliotheca Livoniae historica" Eduard Winkelmanns von 1870-1878 als die erste einer langen Reihe. Zweitens, diese Geschichtsschreibung weist - was aus der geschichtlichen Entwicklung im Baltikum selbst hervorgeht - mindestens drei ziemlich deutliche allgemeine Konzeptionen der Geschichte über das Baltikum auf, nämlich die deutschbaltische, die bürgerlich-nationalistische estnische bzw. lettische und litauische, und letztlich die sowjetbaltische. Andererseits kann man aber kaum über eine einheitliche polnische, schwedische, dänische oder zaristisch-russische Konzeption sprechen, vor allem in den Fragen über die Perioden, als diese Länder das Baltikum oder Teile dessen beherrschten.

Mein Vortrag wird sich mit der deutschbaltischen Konzeption auseinandersetzen, näher begrenzt auf die Geschichte des Baltikums während der schwedischen Herrschaft. Dies Thema ist bis jetzt in keiner ausführlicheren Arbeit behandelt worden. Es gibt eine Übersicht von Ragnar Liljedahl in der schwedischen Historischen Zeitschrift (*Historisk tidskrift*) von 1929, die aber doch nur einige der Historiker des 19. Jh. behandelt.

Die deutschbaltische Geschichtsschreibung ist natürlich von grundlegender Bedeutung für unser Wissen von

der Geschichte des Baltikums. Es waren diese Kreise, aus denen die ersten, im modernen Sinne, wissenschaftlichen Arbeiten hervortraten - vielleicht könnte man diesen Beginn mit den 20-er Jahren des 19. Jh. angeben, als Friedrich Georg von Bunge seine langdauernde Wirksamkeit begann - und es währte lange, wo die Geschichte des Baltikums so gut wie ausschliesslich von deutschbaltischen Historikern geschrieben wurde. Auch heute noch sind deutschbaltische Historiker wirksam - seit Ende der 40-er Jahre in der Bundesrepublik Deutschland - auch wenn die genuine deutschbaltische Konzeption nicht länger auffallend vorherrschend ist.

Was die schwedische Herrschaft im Baltikum betrifft - in Estland 1561-1710 und in Livland seit den 20-er Jahren des 17. Jh. bis 1710 - so ist gerade die Periode in der deutschbaltischen Historiographie die am wenigsten untersuchte, was sich natürlich auch auf die Gesamtbeurteilung dieser Periode ausgewirkt hat. Mangels einer genügenden Anzahl analytischer Spezialuntersuchungen, sollte die Ganzheitskonzeption über die schwedische Herrschaft im Baltikum stattdessen anders aufgebaut werden, auf Vergleich mit den ar-eren, mit Schweden um das Baltikum konkurrierende Staaten - voran Polen und Russland - und besonders auf die allgemeinen Bedingungen der baltendeutschen Adelskorporationen während der schwedischen Herrschaft.

Doch ist die deutschbaltische Geschichtsschreibung über die Schwedenzeit im Baltikum allzu umfassend, um sie erschöpfend in einem Vortrag abhandeln zu können. Eine Auswahl ist deswegen unausweichlich. Ich habe mich entschieden für meinen Vortrag vornehmlich Gesamtdarstellungen über die Geschichte des Baltikums auszuwählen, weil in diesen, sowohl die allgemeinen Konzeptionen der einzelnen Zeitabschnitte am besten hervortreten, als auch die Ergebnisse der Spezialuntersuchungen ja den allgemeinen Konzeptionen zugrunde liegen müssten. Ausserdem wird

mein Streifzug doch auch einige historische Darstellungen anderen Charakters als die Gesamtdarstellungen umfassen, wo solche, wie ich es erachte, bedeutend für meine Problemstellung sind.

Die hier behandelten Arbeiten sind sehr verschiedenen Umfanges, von Büchern mit vielen hundert Seiten bis schmalen Heften mit einigen zehn Seiten. Dies, glaube ich, hat keine grössere Bedeutung, weil ihre Durchschlagskraft, d. h. ihr Vermögen, die allgemeinen deutschbaltischen Konzeption über die schwedische Herrschaft im Baltikum zu beeinflussen, nicht mechanisch abhängig ist von dem quantitativen Umfang der Arbeiten. Zeitlich erstrecken sich die Arbeiten von den 50-er Jahren des 19. Jh., also von der Zeit, als die ersten, nach unserer Meinung, wissenschaftlichen Überblicke über die Geschichte des Baltikums vorlagen, bis zu unseren Tagen. Die letzte Arbeit, die für uns von Interesse ist, erschien 1969.

Die hier berücksichtigten Werke werden zunächst in chronologischer Ordnung vorgestellt. Die historiographischen Analysen selbst, die folgen, werden indessen nach gewissen Sachfragen strukturiert (Testfragen ans Material), aber nicht nach Verfassern oder deren Ferken.

1857-1858 erschien die von Alexander von Richter verfasste "Geschichte der dem russischen Kaiserthum einverleibten deutschen Ostseeprovinzen", deren Autor zur Zeit der Veröffentlichung ein höherer Beamter in der Provinzverwaltung in Riga war. Diese Arbeit ist eine der umfangreichsten Gesamtdarstellungen über die Geschichte des Baltikums, zusammen 5 Teile, obgleich sie nicht weiter als bis zur formellen Einverleibung des Baltikums in Russland 1721 geht. Die schwedische Herrschaftszeit umfasst fast 500 Seiten und ist die umfangreichste Darstellung dieser Periode überhaupt. Richter, der seine Übersicht auf umfassendes Quellenmaterial aufgebaut hat, behandelt alle Aspekte des gesellschaftlichen Lebens, doch mit Schwerpunkten auf die konstitutionellen Verhältnisse und das

Rechtswesen. All dies bewirkte, dass Richters Geschichtswerk einen entscheidenden Einfluss auf die nachfolgenden Gesamtdarstellungen ausgeübt hat.

1869 gab Carl Schirren, Professor für Geschichte an der Tartuer Universität, sein nur zu bekanntes Buch "Livländische Antwort" heraus. Die Arbeit kann nicht als ein wissenschaftliches Werk klassifiziert werden, aber ist doch in diesem Zusammenhang vom grossen Interesse. Die Frage betrifft die Streitschrift, eine Antwort auf Juri Samarins früher herausgekommene Publikation "Okrajny Ros-sij". Mit diesen Schriften erreichte der bittere Streit zwischen den russischen Slavofilen und den deutschbaltischen Separatisten ihren Höhepunkt, wobei der letztgenannte die deutschbaltische Oberschicht scharf kritisierte und ein Ende für deren autonome Stellung forderte, während der erstgenannte die bestehende Ordnung fanatisch verteidigte, die sogenannte Baltische Sonderstellung. Was Schirrens Schrift in diesem Zusammenhang interessant macht, ist, dass er für seine Verteidigung der Baltischen Sonderstellung sich historischer Argumente bedient, wobei er eine flammende Abrechnung mit der schwedischen, gegen den baltischen Adel gerichteten Staatsmachtspolitik während der Reduktionszeit, führt. Schirrens Argument blieb für lange Zeit das Kredo der Deutschbalten in ihrem Kampf um ihre Sonderstellung. Betreffend Schirrens Standpunkt zur schwedischen Herrschaftsperiode ist eine weitere Arbeit von ihm hier mitberücksichtigt, nämlich der schon 1854 veröffentlichte Aufsatz "Zur Geschichte der schwedischen Universität in Livland".

Im Streit gegen Samarin nahm auch der zu seiner Zeit bekannte Publizist und Historiker Julius Eckardt teil. Für meinen Vortrag ist indess eine andere seiner Arbeiten von Interesse, sein wissenschaftlich bedeutendste Werk "Livland im achtzehnten Jahrhundert. Umriss zu einer livländischen Geschichte" (1876). Hier findet man entgegen der Überschrift - einen umfassenden Abschnitt

über die agraren Verhältnisse im Baltikum während der schwedischen Herrschaft mit sehr bemerkenswerten Stellungnahmen des Verfassers.

Agrarische Verhältnisse zur Schwedenzeit im Baltikum werden auch in Astaf von Traube-Rosenecks Dissertation an der Strassburger Universität behandelt - "Gutsherr und Bauer in Livland im 17. und 18. Jahrhundert" (1890). Ohne dass es eine Gesamtdarstellung wäre, beleuchtet die Arbeit doch systematisch einen wichtigen Gesellschaftssektor während der schwedischen Herrschaft, einen Sektor, der oft in den allgemeinen Gesamtdarstellungen vernachlässigt wird, wo der Schwerpunkt immer in der konstitutionellen, rechtlichen oder diplomatischen Sphäre liegt.

Ein Aufsatz von Eugen von Nottbeck "Die schwedische Güterreduktion" (Beiträge zur Kunde Est-, Liv- und Kurlands, 4, Rev. 1890), ist deswegen aufgenommen worden, weil darin teils die für die Beurteilung der schwedischen Herrschaft im Baltikum zentrale Frage, teils weil hier sich die typische Einstellung der deutschbaltischen Historiographie zu dieser Frage widerspiegelt. Wissenschaftlich bringt dieser Aufsatz wenig Neues, er enthält eine Reihe von Sachfehlern und dabei wird ein Sprachstil angewandt, der stark an die damalige Schreibweise der livländischen Ritterschaft erinnert.

Friedrich Bienemann jr. gehört zu denen, der die meist solide, ältere Gruppe (Schicht) der deutschbaltischen Wissenschaftler auf dem Gebiet der Geschichte repräsentiert. Das Meiste in seinem Schaffen bezieht sich auf die Verhältnisse der Schwedenzeit. Sein Schaffen liegt uns in Form von Spezialuntersuchungen vor; zu einer Gesamtdarstellung der Problematik der schwedischen Herrschaft kam es nie. In meiner Übersicht ist er nicht durch eine Spezialstudie vertreten, sondern durch einen Vortrag, "Gustav Adolf und Livland" (Dåna-Zeitung 1894), der einen wichtigen Problemerkomples in der Geschichte des Baltikums berührt, in dem der Verfasser originelle Gesichtspunkte

aufweist.

Eine in der deutschbaltischen Geschichtsschreibung bedeutende Gesamtdarstellung ist von Ernst Seraphim verfasst, "Livländische Geschichte von der 'Aufsegelung' der Lande bis zur Einverleibung in das russische Reich I-II" (2.Auflage 1897-1904). Dass das Übersichtswerk von einem professionellen Publizisten verfasst worden ist, geht u. a. aus den klaren politischen Tendensen hervor: Seraphim ist ein konsequenter Vorkämpfer für die traditionellen Lebensformen im Baltikum. Ausser diesem Werk ist in meiner Übersicht auch eine andere Arbeit dieses Verfassers aufgenommen, "Klaus Kursell und seine Zeit. Ein Bild Estlands in der ersten Zeit schwedischer Herrschaft" (1897), eben aus dem Grunde, dass sowohl Estland als auch der Beginn der Schwedenzeit in den allgemeinen Gesamtdarstellungen stiefmütterlich behandelt werden.

Die letzte Gesamtdarstellung über die Geschichte des Baltikums, die von der älteren deutschbaltischen Historikerschule herausgebracht wurde, ist Leonid Arbusows jr. "Grundriss der Geschichte Liv-, Est- und Kurlands" (4., umgearbeitete Auflage 1918; die früheren Auflagen wurden von seinem Vater mit demselben Titel herausgegeben). Es ist ein kurzgefasstes, Fakten aufzählendes und streng chronologisch angelegtes Handbuch ohne Problemstellungen und mit einigen (seltenen) Werturteilen.

1940 verteidigte Werner von Schulmann an der Greifswalder Universität eine Dissertation, die ein früher wenig beachtetes Gebiet des Staatswesens im Baltikum behandelte - "Die zivile Staatsbeamtenschaft in Estland zur schwedischen Zeit 1561-1710". Die Abhandlung ist nicht Problemorientiert, sondern ist eine sorgfältige Dokumentation über die Bürokratie in der Provinz Estland während der ganzen Schwedenzeit.

Nach dem Zweiten Weltkrieg begann in der Bundesrepublik Deutschland der "Göttinger Arbeitskreis" seine Tätigkeit u.a. mit der Herausgabe einer Schriftenreihe. Ziel-

setzung der Serie war "die vertriebenen Menschen des deutschen Ostens" in ihrem Bewusstsein über ihren Wert zu stärken, und allgemein, Information über die Deutschtums-Probleme des Ostens zu verbreiten. Die Meinung war auch, dass die Veröffentlichungen in Schulen als ergänzende Lehrmittel zur Anwendung kommen sollten. Als Nr.17 der Serie gab Jürgen von Hehn ein kleines Heft mit dem Titel "Die baltischen Lande. Geschichte und Schicksal der baltischen Deutschen" (1951) heraus. Die schwedische Herrschaft im Baltikum nimmt im Heft nicht viel Raum ein, aber die Stellungnahmen sind deutlich. Im übrigen ist für die Darstellung kennzeichnend eine auffallende, traditionelle Auffassung der deutschbaltischen "Kulturträger-Mission" und ein starker Antikommunismus.

1954 wurde in München die "Baltische Geschichte. Die Ostlande Livland, Estland, Kurland 1180-1918" der vielleicht am meisten herausragenden deutschbaltischen Kulturpersönlichkeit, des Geschichtsprofessors Reinhard Wittram herausgegeben. Diese Arbeit, die von einem ganz anderen Charakter als die meisten der vorhergenannten ist, kennzeichnet sich dadurch aus, dass hier die Geschichte des Baltikums in grösserem europäischen Zusammenhang gesehen wird, sowie durch ausgewogene Urteile.

In dem Sammelband mit dem langen Titel "Baltische Kirchengeschichte. Beiträge zur Geschichte der Missionierung und der Reformation der evangelisch-lutherischen Landeskirchen und des Volkskirchentums in den baltischen Landen" (Göttingen 1956) hat A.Westren-Dell über die Kirche im Baltikum während der schwedischen Herrschaft geschrieben. Die Darstellung geht hauptsächlich von einer Beurteilung der Fakten über die wichtigsten Ereignisse im Kirchen-, Schul- und Druckereiwesen aus.

Als letztes in der chronologischen Reihe kommt zu seinem Recht das interessanteste der hier berücksichtigten Werke, nämlich Harry Thomsons "Schweden und seine Provinzen Estland und Livland in ihrem gegenseitigen Ver-

hältnis 1561-1710" (Als Manuskript gedruckt o. O.u.J. /1969/). Der Untertitel des Buches lautet nichtssagend "Materialien und Betrachtungen", aber in langen Absätzen werden interessante Analysen geboten. Die im Haupttitel angekündigten Ziele, d.h., die Verhältnisse zwischen dem Reichszentrum und seinen Ostseeprovinzen darzustellen, erfüllt der Verfasser konsequent und erhält auch reichlich Lohn für seine Mühe.

Weitere Arbeiten sind durchgesehen worden, in der Hoffnung, gewisse Spezialgebiete abdecken zu können - so z.B. O.Schmidts: "Rechtsgeschichte Liv-, Est- und Curlands" (Dorpat. Juristische Studien III, 189.) - aber es hat nichts erbracht.

Nun kommen wir dazu, die durchgesehene und eben dargestellte Literatur an Hand einiger Sachfragen zu prüfen, welche in diesem Zusammenhang als die wesentlichsten beurteilt worden sind. Diese sind eingeteilt nach Auffassungen über:

1. Beziehungen zwischen dem Reich und seinen Provinzen, zwischen Zentralmacht und den baltischen Ständekorporationen;
2. Bedingungen des Bauernstandes;
3. Reduktion und die karolingische Alleinherrschaft;
4. leitende Staatsmänner und Politiker.

Es wird kein pedantischer Bericht über alle Anhaltspunkte, die man in der durchgesehenen Literatur antreffen kann, was auch nicht die Absicht dieses Vortrages ist. Dagegen wird erstrebt das Typische und das Abweichende zu markieren, was als eine Konzeption, das als deutschbaltisch bezeichnet werden kann, angesehen werden muss.

BEZIEHUNGEN ZWISCHEN DEM REICH UND SEINEN PROVINZEN, ZWISCHEN ZENTRALMACHT UND DEN LOKALEN STÄNDEKORPORATIONEN

Eine kardinale Frage in der Geschichte der schwedischen Ostseeprovinzen ist die staatsrechtliche Stellung der Provinzen: exakt, wie gehörten sie zum schwedischen Reich? War es eine Frage der Realunion oder nur der Personalunion? Die Frage kompliziert sich noch, da ein bestimmter Unterschied zwischen Estland und Livland vorlag: Estland war unter Schweden durch Abkommen gelehrt, Livland wurde erobert. Sollte dieser Unterschied, der in bestimmter Hinsicht während der ganzen Schwedenzeit bemerkbar war, auch auf die staatsrechtlichen Bindungen zu Schweden gelten? Man kann feststellen, dass die konstitutionelle Unbestimmtheit, die mit Estlands Vereinigung mit Schweden 1561 entstand, die ganze Periode hindurch dauerte und die Praxis variierte in Abhängigkeit von den jeweiligen Kräfteverhältnissen zwischen der Staatsmacht und der lokalen Selbstverwaltung.

Die staatsrechtliche Frage der Personal- oder Realunion widerspiegelt sich in hohem Masse in der deutschbaltischen Geschichtsschreibung. Eine geschlossene Einheit waltet da, wo es um die Personalunion handelt. Die wichtigsten Argumente, die hierbei angeführt werden, betreffen den Umstand, dass die Provinzstände nicht in dem schwedischen Reichstag vertreten waren und dass dieser deswegen keine Beschlüsse fassen konnte, die die Ostseeprovinzen betrafen, sowie, dass die Ritterschaft der Provinzen und grössere Städte Privilegien erhalten hatten, die den Provinzen eine umfassende Selbstverwaltung garantierte. Die Betonung der staatsrechtlichen Sonderstellung wird z.B. bei von Richter schon in der Überschrift seines grossen Werkes deutlich gemacht. Die Hauptüberschriften lauten: "Geschichte der ...deutschen Ostseeprovinzen" und für den zweiten Teil "Die Ostsee-

lande als Provinzen fremder Reiche 1562-1721".

Aus dieser Position sieht man in der deutschbaltischen Geschichtsschreibung auch alle Versuche der schwedischen Regierungszeit, ähnliche Verhältnisse in Schweden und seinen Provinzen zu schaffen, als mehr oder minder schwere Beeinträchtigung der Privilegien. Dies gilt speziell dem Versuch das allgemeine schwedische Recht im Baltikum einzuführen, der wegen des geschlossenen Widerstandes der lokalen Adelskorporation a schliesslich auch scheiterte. Dagegen gelang es das schwedische Kirchenrecht (Kirchenordnung) von 1686 in die Ostseeprovinzen einzuführen, wodurch das Kirchenwesen der am meisten integrierte Sektor wurde. Am Ende des 17. Jh. wuchs der Druck auf die Provinzen sehr wesentlich. Ausgehend von der Ausrichtung und der Intensität teilt Thomson die schwedische Regierungspolitik in den Provinzen in drei Perioden:

1. 1562-1634 Inkorporationsversuche mit der Parole "gleiche Rechte, gleiche Pflichten";
2. 1634-1680 staatsrechtlicher Dualismus, da die Provinzen in relativer Ruhe gelassen wurden;
3. 1680-1710 Unifizierungstendenzen unter schwedischer Dominanz - Verschwedischungspolitik während des königlichen Absolutismus.

Wenn man sich von den staatsrechtlichen Gegensätzen zu der politischen Praxis wendet, so bekommt der Konflikt den Charakter eines Gegensatzes zwischen der zentralen Königsmacht und der Provinzaristokratie. Die Spannung zwischen diesen zwei Polen geht wie ein roter Faden durch die ganze schwedische Herrschaftszeit, wobei doch einige Perioden mit ruhigerem Verlauf vorkommen.

Beschreibungen dieser Konflikte können in der deutschbaltischen Geschichtsschreibung teilweise variieren, aber die Werturteile gehen immer zugunsten ihrer

Landsleute aus. In einigen Fällen werden vom Verfasser einige Fakten relatiert, aber ohne jede Stellungnahme. Am deutlichsten äussert sich Seraphim, der den Gegensatz zwischen der schwedischen Königsmacht und dem baltischen Adel als unüberbrückbar sieht. Ganz allgemein wird auch die Ursache des Konfliktes erklärt, dass die Zentralmacht in Stockholm nicht die lokalen Verhältnisse und Gewohnheiten beachtet habe. Durch eine umfassende Adellung versuchte die Königsmacht ausserdem den bodenständigen Adel (Indigenatsadel) in Estland und Livland zu schwächen, aber Wittrams Beurteilung ist, dass diese Politik misslang und dass das Umgekehrte eintrat, nämlich dass sich der Adel festigte.

Während der karolingischen Alleinherrschaft stiegen dramatisch die Übergriffe der schwedischen Staatsmacht gegen den baltischen Adel, und man schreibt: "bis endlich der unerschrockene und der Verfolgung preisgegebene Verteidiger der Rechte und der Wohlfahrt seines Vaterlandes, Johann Reinhold Patkul, verband sein politischen Scharfblick und seine heldenmüthige Ausdauer mit Peters des Grossen Riesengeiste zur Befreiung der Ostseeprovinzen vom unerträglich gewordenen schwedischen Joche" (von Richter). Für viele deutschbaltische Historiker ist es doch wichtig zu betonen, dass der baltische Adel dem schwedischen König bis zum Ende, bis zur Kapitulation 1710, treu blieb - eine grosse Zahl baltischer Adliger diente als Offiziere in der Armee Karl XII (man rechnet mit ca. 1/3 aller Offiziere).

Die hervorragende Rolle des baltischen Adels in der Gesellschaft wird insbesondere von von Mehn unterstrichen. Für ihn war die Ritterschaft der rechte Vertreter der Interessen der Ostseeprovinzen. Und noch grössere Aufgaben warteten auf sie, nachdem die Russen 1710 das Baltikum erobert hatten: "Die geschichtliche Mission der Abwehr des europafeindlichen Ostens wandelte sich in die grosse Aufgabe Russland für Europa zu gewinnen, es dem Abendland in Kultur und Gesittung einzufügen".

Wenn es in der Geschichtsschreibung um die Beziehungen zwischen der schwedischen Zentralmacht und den baltischen Ständekorporationen geht, so dominiert auf der ganzen Linie die Ritterschaft. Die Städte, vor allem, die zwei grossen - Riga und Reval - führen in den historischen Übersichtswerken ein ganz verborgenes Dasein, obwohl man weiss, dass sie eine bedeutende Rolle in diesem aktuellen Zusammenhang gespielt haben.

Ein Grund dazu mag darin liegen, dass die Städte im Allgemeinen bessere Beziehungen zur schwedischer Staatsmacht hatten als die Adelskorporationen. Die Städte wurden nicht von denselben harten Massnahmen der Regierungspolitik getroffen wie der Adel. Vielmehr begünstigte die schwedische Regierung auf verschiedene Weise die Wirtschaft der Städte und der allgemeine Handelsaufschwung bezeugte die gute Zeiten der Städte.

Ein merkbare Schweigen in den Gesamtdarstellungen waltet auch in den ökonomischen Verhältnissen zwischen Schweden und den Ostseeprovinzen. Dies kann durch das Fehlen von Spezialuntersuchungen erklärt werden. In der hier benutzten Literatur berührt nur von Transehe-Roseneck dies Problem und da auch aus einem sehr interessanten Aspekt. Er vertritt die These der schwedischen Ausbeutung der Ostseeprovinzen. Aus dieser Perspektive möchte er auch die Abneigung der schwedischen Zentralregierung gegen die Leibeigenschaft im Baltikum sehen. Diese soll nämlich die volle Ausnutzung der Bauern als Steuerobjekte gehindert haben.

Eine spezielle Form des Konfliktes zwischen der Zentralmacht in Schweden und den lokalen Selbstverwaltungen im Baltikum wollte man schliesslich in den nationalen Gegensätzen zwischen Schweden und Deutschbaltikum sehen, aber hierin sind die Meinungen geteilt.

Der vorderste Vertreter der Konfliktperspektive ist Schirren in seiner stark polemischen Schrift "Livländische Antwort". Schirrens Standpunkt ist eindeutig: die

1690 wiedereröffnete Universität in Dorpat war eine Anstalt mit dem Ziel der Verschwedischung Livlands und auch die Reduktion war ein nationaler Racheakt: "Der König hatte umsonst geschworen, Livland mit der Reduktion zu verschonen. Der schwedische Adel konnte den Gedanken, ruiniert zu sein, nicht ertragen, ohne alles Erreichbare in seinen Ruin mit herunterzureissen. Als Sühnopfer forderte er die Abschachtung Livlands. Die ultraschwedische Partei der Königlichgesinnten und Demokraten stimmte in den Ruf und die wüthende Verfolgung begann". In den "Landtagsrezessen 1681-1711", die Schirren 1865 veröffentlichte, ist er diese Zeit als einen "Kampf deutscher Autonomie gegen schwedischen Absolutismus und Nationalhass" gekennzeichnet.

Natürlich kamen in den Ostseeprovinzen während des 17. Jh. teilweise Veränderungen vor, welche wachsende nationale Spannungen zwischen Schweden und Deutschen beinhalten konnte., z.B. der stark steigende Grundbesitz des schwedischen Hochadels und die totale Dominanz der schwedischstämmigen Professoren an der 1690 wiedereröffneten Dorpater Universität, aber als grundlegende gesellschaftliche Gegensätze werden diese von der Mehrzahl der deutschbaltischen Historiker nicht betrachtet. Von Schulmann, der eine Spezialuntersuchung über die Zusammensetzung der Verwaltung in Estland während der Schwedenzeit vorgenommen hat, bemerkt sehr richtig, dass man überhaupt nicht von nationalen Gegensätzen im heutigen Sinne sprechen kann, wenn es sich auf die Verhältnisse im 17. Jh. bezieht. Er kann in seiner Untersuchung nachweisen, dass die Zahl der schwedischen Beamten im Baltikum im 16. Jh. höher war als im 17. Jh., als die Zahl sehr gering war, sowie, dass man in den Quellen keine Anhaltspunkte für Gegensätze zwischen Deutschen und Schweden findet.

Schliesslich hat Bienemann aus seinen Analysen geschlossen, dass der Streit zwischen Karl XI. und dem livländischen Adel kein staatsrechtlicher Konflikt war, noch weniger ein nationaler Gegensatz, sondern eine Situation,

in der die Staatsinteressen frontal mit den Korporationsprivilegien kollidierten.

BEDINGUNGEN DES BAUERNSTANDES

Ein hervorstechender Zug in der älteren deutschbaltischen historischen Beschreibung der bäuerlichen Lebensverhältnisse ist das idyllische Bild, das sie von den Verhältnissen malen. Dies geschieht meistens durch die Wiedergabe bestimmter normativer Regeln, welche nicht zulassen, dass die Wirklichkeit hervortritt.

Dies Bild geht ganz gut mit der Beschreibung der Bauernfreundlichkeit des schwedischen Königs und seines humanen Strebens zusammen, den Bauern eine "menschenwürdige Existenz" zu geben. Dass man dabei gezwungen ist gewisse Mängel im System anzuerkennen, gehört zur Sache, aber irgendeine konsequente Kritik über die Verhältnisse ist äusserst ungewöhnlich. Ein Beispiel, das aus dem Übersichtswerk Seraphims genommen ist, soll die Lage verdeutlichen: "Wenn irgendwo, so hatte Schweden das Recht hier bessere Zustände zu schaffen, da der Bauer thatsächlich Leibeigener geworden war und sein Leben, seine Familie und seine Habe von der Willkür seines Herrn abhing, der sein Unterdrücker und sein Richter in einer Person war. In Schweden besonders, wo es seit alten Zeiten einen freien, auf eigener Scholle sesshaften Bauernstand gab, musste die Lage des livländischen Bauern Befremden hervorrufen".

In Wirklichkeit war die bedrückte Situation der estnischen und lettischen Bauern während der ganzen schwedischen Herrschaftszeit eine äusserst kontroverielle Frage zwischen dem schwedischen König und dem baltischen Adel. Es war häufig gerade die Uneinigkeit in der Bauernfrage, die den schwedischen König zu seinen hetzerischen Angriffen gegen den Adel im Baltikum aufbringen konnte. So befahl, z.B. bereits Erik XIV. seinem Befehlshaber in Reval, "dem estnischen Adel gegenüber misslieblich zu sein",

weil der den Druck auf die Bauern nicht mindern wollte. Gustav Adolf wiederum drohte all denen Adligen in Estland und Livland die Nase abzuschneiden, die sich vornehmen wollten, die freien finnischen Bauern, die ins Baltikum gezogen waren, zu Leibeigenen zu machen.

Eine ganz und gar speziell strittige Frage war die Befreiung der Bauern von der Leibeigenschaft. In diese Richtung wirkten schon die ersten schwedischen Könige in Estland, ohne etwas zu erreichen, und es war erst während der Reduktion in den 80-er Jahren des 17. Jh., als die Bauern auf den Kron Gütern als persönlich frei erklärt wurden - eine Freiheit, die nicht zu irgendeiner nennenswerten Veränderung in ihrem sozialen Leben führte.

Für eine so bedeutende politische und soziale Frage, wie die Aufhebung der Leibeigenschaft, bekommt sie in der historischen Literatur bemerkenswert wenig Platz. Von den älteren Schriftstellern hatte der Pastor Johann von Jannau schon 1786 einen flammenden Protest gegen die Leibeigenschaft in seiner Arbeit "Geschichte der Sklaverey und Charakter der Bauer in Lief- und Ehistland" veröffentlicht. Die in diesem Vortrag ausgewertete Literatur scheint indes - mit einer Ausnahme - die ganze Frage zu unterdrücken. In vielen Arbeiten versucht man ausserdem den Adel indirekt von einer negativen Einstellung zur Aufhebung der Leibeigenschaft zu befreien: gewiss war der Adel für die Bauernbefreiung, aber ... Von Richter schreibt: "So lange in keiner Provinz eine feste Schätzung der Bauernländereien und eine auf derselben begründete Gleichmässigkeit der Bauernleistungen stattfand, fehlte die Grundlage zu einem transitorischen Zustande, der die Bauern aus der Leibeigenschaft in die Freiheit zu führen geeignet war. Es ist also nicht zu verwundern, dass sie die von der polnischen und der schwedischen Regierung begünstigte und von Karl XI sogar beantragte Freilassung der Bauern nicht stattfinden konnte".

Ekardt kommentiert die Frage auf folgende Weise:

"Mit der politischen Emancipation des Bauernstandes vorzugehen, ehe für denselben eine wirtschaftliche Basis geschaffen worden, musste um so bedenklicher erscheinen, als die Arbeit für Regulierung der bäuerlichen Leistungen noch im Fluss war, jede Unterbrechung derselben einen Rückschritt bedeutete und die Gefahr involvierte, den Bauer mit einer Freiheit ausgestattet zu sehen, die angesichts seiner ökonomischen Abhängigkeit völlig wertlos gewesen wäre".

Arbusow hat folgendes zu sagen: "Schon 1681 hatte die Regierung an Liv- und Estland zwei Propositionen gestellt: eine neue Vermessung (Katastrierung) des Landes und Freigabe des Bauernstandes aus der Hörigkeit, da in Schweden selbst nur ein freier Bauernstand existierte. Die Notwendigkeit einer Neuvermessung ward zugegeben; die zweite Forderung zu Recht erkannt, aber darauf hingewiesen, dass diese Massregel sich nur allmählich werden in Werk setzen lassen, die Durchführung mit einem Federstrich bloss Verwirrung und keinerlei Nutzen herbeiführen werde".

Diese Art von Gedankengang bei den eben zitierten Historikern kann mit grosser Wahrscheinlichkeit auf die Kenntnis der Folgen, die die Bauernbefreiung im Baltikum 1816-1819 hatte, zurückgeführt werden, wo die neugewonnene persönliche Freiheit der Bauern nicht viel Wert war, da gleichzeitig die Möglichkeiten des Landesbesitzes drastisch verschlechtert wurden.

Wenn es schliesslich um Totalbeurteilungen der Bauernverhältnisse während der schwedischen Herrschaft geht, kann man beinahe diametral entgegengesetzte Meinungen finden. Dies kann mit zwei Beispielen verdeutlicht werden:

von Transehe-Roseneok: "Durch die Normirung der Leistungen und das Klagerecht der Bauern war die persönliche Willkür des Gutsherrn über seine Erbbauern sehr beschränkt, auch scheint es, dass nur selten

Ausschreitungen der gutsherrlichen Gewalt vorgekommen sind und das die materielle Fürsorge des einzelnen Gutsherrn für seine Bauern nicht unbedeutend gewesen ist".

Thomson: "Zu den am wenigst erfreulichen Kapiteln der baltischen Geschichte gehört das Verhältnis des deutschen Gutsherrn zu seinen nichtdeutschen Bauern ... Eine dünne deutsche Oberschicht hatte sich der Herrschaft bemächtigt und die indigene Bevölkerung durch eine schrittweise zunehmende Entrechtung auf die Stufen von Hörigen herabgedrückt. Beim Fehlen deutscher bäuerlicher Siedler hatte sich dieser Prozess radikaler vollzogen, als es sonst möglich gewesen wäre ... Unvermittelt standen sich zwei Welten gegenüber, die Welt der Herren und die Welt der rechtlosen Hörigen. Und wie es in Kolonialgebieten in der Regel zu sein pflegt, half die Peitsche dort nach, wo es an Verständigung mangelte".

Die Behandlung der Bauernfrage weist in der deutsch-baltischen historischen Übersichtsliteratur eine eindeutige Tendenz auf. Je näher unserer Zeit, umso klarere Stellungnahmen gegen das System leibeigener Bauern. In dieser Frage sind die Stellungnahmen also durchgehend "zeitgemäß", indem sie die allgemeinen Wertungen der Zeit widerspiegeln. Dagegen ist es nicht der Fall, z.B. in der Frage zu den Auffassungen über die Rolle des Adels als führende Gesellschaftsschicht.

DIE GROSSE GÜTERREDUKTION

Die Reduktion, kann man sagen, ist das wichtigste besondere Ereignis - oder richtiger Ereigniskomplex - während der schwedischen Herrschaft in den Ostseeprovinzen gewesen. Sie bekam ihre zentrale Bedeutung nicht minder dadurch, als sie in allen Sphären der Gesellschaft vor sich ging: der politischen, der staatsfinanziellen, der privatökonomischen und der sozialen. Für Probleme, die in diesem Vortrag berührt werden, ist dies ferner von ausser-

ordentlich grosser Wichtigkeit, dass die Reduktion die baltischen Provinzen härter als irgendeinen anderen Teil des schwedischen Herrschaftsgebietes, und dass diese direkt und folgenscharf die deutschbaltische Bevölkerungsgruppe traf.

So ist es nicht unerwartet, dass die deutschbaltische Geschichtsschreibung über die schwedische Herrschaftszeit der Reduktion und damit zusammenhängenden Fragen viel Platz einräumt. Ein Aspekt dominiert vollständig, der rechtliche, und Einmütigkeit in den Beurteilungen ist gross. Man hatte kein Recht die Reduktion in den baltischen Provinzen durchzuführen, weil diese nur auf der Grundlage eines Beschlusses der dem schwedischen Reichstag entsprechenden Institution in den Ostseeprovinzen geschehen konnte, d.h., die Ritterschaften der verschiedenen Provinzen, und man findet keinen solchen entsprechenden Beschluss. Ausserdem hatte König Karl XI. 1678, zwei Jahre vor dem prinzipiellen Reduktionsbeschluss in Schweden, eine spezielle Versicherung mit Garantien über den Güterbesitz dem livländischen Adel gegeben. Dadurch, dass die Reduktion auch auf das Baltikum ausgedehnt wurde, hätte der König also sein Versprechen gebrochen.

Aber die Sache hatte in seiner Ausdehnung - weiterhin gemäss der deutschbaltischen Geschichtsschreibung - noch grössere Proportionen. Die ungerechtfertigte Reduktion bedrohte nämlich die allgemeine Rechtssicherheit und war ein offener Angriff gegen einen der Grundpfeiler der ganzen Gesellschaft, das private Eigentumsrecht. Für eine Kategorie der Güter im Baltikum konnte man einsehen, dass ein juridisch korrekter Reduktionsbeschluss vorliegt, nämlich für die ganz vielen Güter, die im Besitze von schwedischen Adelsfamilien waren, die ja während des Reduktionsbeschlusses im schwedischen Reichstag vertreten waren. Diese Auffassung, die sowohl gleichzeitig vom deutschbaltischen Adel als auch später von deutschbalti-

schen Historikern geteilt wird, ist in erster Linie nicht ein Produkt der Sorge um Objektivität und formelle Korrektheit, sondern von Gruppeninteresse. Denn, nämlich, der baltische Adel selbst hoffte in den Besitz derjenigen Güter zu kommen, die den Schweden im Baltikum wegreduziert worden waren.

Die Durchführung der Reduktion, die in der deutsch-baltischen Geschichtsschreibung grosses Interesse auf sich gezogen hat, aber wenig gediegene Forschung, erfährt auch eine geschlossene Verurteilung: sie war hart und oft willkürlich, sowie gekennzeichnet durch grosse Rücksichtslosigkeit. Bestechungen und streberhafte "Kommissare" steigerten die Unsicherheit. Besonders arg wurde dem livländischen Adel mitgespielt, während die Reduktion in Estland einen etwas ruhigeren Verlauf hatte.

Unter den Reduktionsfolgen werden am häufigsten die der privaten Natur genannt, nämlich, dass vielen Adligen ihre Güter eingezogen wurden. Weil lange es an Spezialuntersuchungen gefehlt hat, wurden die Einziehungen gewöhnlich mit vagen Formulierungen folgenden Types, dass der Adelsmann "vollständig ruiniert wurde", umschrieben. Die Reduktion wurde von der Güterrevision und Katasterarbeit begleitet, womit u.a. auch die feudalen Abgaben (Steuern, Dienste) der Bauern festgelegt wurden. Wenn die Historiker in ihrer Beurteilung der Reduktion auch einig sind, so scheiden sich die Geister, wenn es um die Revisionen geht. Ein Teil sieht die Revision als einen Teil der verabscheuten Reduktion, wodurch die Revision einen negativen Wert bekommt (von Transehe-Roseneck); andere wieder beurteilen die Revision als eine progressive Erscheinung (Eckardt).

Wenn es sich sowohl auf den Verlauf der Reduktion als auch auf die Folgen bezieht, so ist die Wiedergabe am häufigsten durch eine hohe Tonlage gekennzeichnet. Man spricht z.B. von "Raubsystem", schreiendsten Ungerechtigkeit", "Konfiskation des gesamten ländlichen Grundbesi-

tzes", "beispiellose Vergewaltigung", "den einzigen Fall in der allgemeinen Weltgeschichte" und "der Adel war buchstäblich an den Bettelstab gebracht worden". E. von Mottbeck schrieb: "Wie im menschlichen Dasein, so kommen auch im Leben der Staaten Zeiten krankhafter Verirrung vor, deren Früchte desto unheilvoller zu sein pflegen, je intensiver eine Trugidee verfolgt wird und je weniger sie selbst oder das Mittel ihrer Ausführung sittlich ist. Als Ausgeburt einer solchen Verirrung muss die schwedische Güterreduktion gelten".

Die gerade Linie der Reduktionsgegner wird von einem hier behandelten Historiker gebrochen, nämlich Harry Thomson. Er sieht die Reduktion vornehmlich aus gesellschaftsökonomischer und staatsfinanzieller Perspektive, nicht aus privatökonomischer, und er betont deren offenbar revolutionären Charakter. Darin tritt er in die Fußstapfen einiger der älteren deutschbaltischen Schriftsteller - Kelch und Jannau.

Die grosse Bedeutung der Reduktion geht schliesslich auch daraus hervor, dass diese eine durchgehend vitale Bedeutung für die Beurteilung der schwedischen Herrschaft gehabt hat.

LEITENDE STAATSMÄNNER UND POLITIKER

Die ältere, idealistische Geschichtsschreibung war sehr auf die in den historischen Prozessen handelnden Personen aufgebaut. Ungeachtet der ideologischen, der politischen und moralischen Standpunkte der verschiedenen Historiker, wurden die historischen Personen in Helden und Schurken eingeteilt. Diese agieren auch in den Gesamtdarstellungen der Geschichte des Baltikums während der Schwedenherrschaft. Vier von diesen haben sicherlich Ausstrahlungskraft: die Könige Gustav Adolf und Karl XI., der Generalgouverneur Livlands Jacob Johann Hastfjehr sowie der livländische Adelsmann Johann Reinhold Patkul.

König Gustav Adolf ist für die traditionell protestantischen deutschbaltischen Kulturkreise vor allem der Retter des Protestantismus, "Heros des evangelischen Glaubens ... denn nach menschlicher Berechnung war es ohne ihn verloren" (Bienemann). Aber er rettete auch Livland vor dem polnischen Joch und dem "Jesuitenzögling" Sigismund, wodurch er eine neue Zeit einleitete, "vielleicht der grössten eine, die Livland erlebt hat". Es war nämlich während Gustav Adolfs Zeit, als die grossartige Neuorganisation im Kirchen-, Schul- und Rechtswesen, sowie Verwaltung in den Ostseeprovinzen durchgeführt wurde. In der deutschbaltischen historischen Literatur begegnet man einer stark positiven und vollständig einhelligen Beurteilung des Königs.

Diametral entgegengesetzt ist die Beurteilung des Königs Karl XI, auch wenn die Einhelligkeit der Beurteilung nicht so hervorstechend ist. Er ist es, der für die verhasste Reduktion einsteht und für die Zerschlagung der Machtorganisation der livländischen Ritterschaft - des Landesstaates sich verantwortlich zeichnet. Nie vorher war der livländische Adel so groben ökonomischen Eingriffen und kränkenden politischen Einschränkungen ausgesetzt worden. Es ist eigentlich nur eine grössere Regierungsmassnahme gewesen, für welche Karl XI. eine mehr allgemein positivere Beurteilung in der deutschbaltischen historischen Literatur bekommen hat: die Wiedereröffnung der Universität Tartu 1690. Aber eine Sache ist auffallend: trotz heftiger, oft massloser Kritik gegen Karls XI. livländische Politik, wird der König selbst nie irgendwelchen persönlich kränkenden Beschuldigungen ausgesetzt, was im übrigen, in der hier erwähnten Literatur nicht ungewöhnlich ist.

Der livländische Generalgouverneur Jacob Johann Hastfehr ist der "bad boy" aller Kategorien in der deutschbaltischen historischen Literatur. Er war es, der nicht nur die unpopulärsten Massnahmen Karls XI, aus-

fährte, sondern an h den K^o ig zu diesen inspirierte. Das Schlimmste von allem war indess, dass Hastfehr selbst Livländer war, ein Renegat also. Die unbarmherzigsten Urteile findet man bei Schirren und Seraphim.

"Noch heute nennt der Livländer dieses Renegaten mit Abscheu, dieses Sohnes unserer Heimat, der aus brennendem Strebertum sie verderben half." Der Beginn der Karriere Hastfehrs wird von Seraphim auf folgende Weise beschrieben: "Ein Lieleshandel mit Frau Sigrid Gyllenstierna, einer 9 Jahr Alteren Frau, der Witwe des Reichsrats Göran Fleming, führte ihn 1674 zur Ehe mit ihr und damit zur Verbindung mit (mehrere wichtige Personen), die seinem weiteren Fortkommen den Weg ebneten". Gegen dieses Zerrbild steht indessen eine solide wissenschaftliche Studie von Bienemann jr., wo der Generalgouverneur in ganz alledem Lichte dasteht. Die Studie zeigt, dass Hastfehr, der genaue Kenntnisse der livländischen Verhältnisse hatte, eine unermüdliche Arbeit für die Aufrichtung der Provinz leistete, und dass aus dieser Arbeit sowohl ökonomischer als auch kultureller Fortschritt erwuchs.

Johann Reinhold Patkul ist fast ein symbolischer Vorkämpfer für die Baltische Sonderstellung geworden, wann auch immer sie bedroht war. Speziell während des Streites mit den Slavofilen in den 60-er Jahren des 19. Jh. bekam er wieder die Rolle als historisches Beispiel, wodurch seine Position faktisch auch in den Geschichtsbüchern gefestigt wurde, die seine eigen Zeit behandelten. Lobgesänge auf Patkul hat es viele gegeben. Eines der Höhepunkte erreichte von Richter in seinem vorher genannten Werk:

"Männer, wie Peter der Grosse und Patkul, mussten sich verstehen, sich verbinden und füreinander arbeiten, obwohl keiner des anderen Werkzeug war, sondern jeder zugleich auch für die Idee seines Lebens kämpfte ... Russland ist ihm (Patkul) also eben so sehr als Liv- und Estland verpflichtet. Jenes dankt ihm die Erwerbung dieser

Provinzen, eine der Hauptgrundlagen seiner Macht und Kultur; diese aber danken ihm die Vereinigung mit Russland und beinahe anderthalb Jahrhunderte des Friedens und einer meist ungestörten materiellen und geistigen Entwicklung". Auch bei Schirren hatte Patkul einen sehr herausragenden Platz, aber eine Umwertung, so scheint es, hat während Schirrens langjähriger Arbeit an der Geschichte des Nordischen Krieges stattgefunden, die aber nie herausgekommen ist. Patkuls Zielsetzung hat eine allgemeine Bewertung bei den deutschbaltischen Historikern erfahren, dagegen ist die Beurteilung seiner Taktik und Person geteilt.

SCHLUSSBEMERKUNGEN

Gibt es eine eingermassen einheitliche deutschbaltische Konzeption bei der Darstellung der schwedischen Herrschaft im Baltikum und worin besteht sie in so einem Fall?

Trotz Verschiedenheit in der Stoffbehandlung und Auffassungen in konkreten historischen Fragen, kann man über eine deutschbaltische Konzeption zur schwedischen Herrschaft im Baltikum sprechen. Deren wesentlichste Eigenschaft ist eine gemeinsame ideologische Grundeinstellung, deren zwei wesentlichsten Komponenten sind:

1. Politisch: Wachdienst für die Sonderstellung der Ostsee-Provinzen innerhalb des schwedischen Imperiums;
2. Sozial: Wachdienst für die führende Stellung der deutschbaltischen Bevölkerungsgruppe im Lande.

Die im Vortrag erwähnten Arbeiten weisen - mit einigen Ausnahmen - eine verblüffende Übereinstimmung mit der Ideologie des baltischen Adels zur Schwedenzeit auf, obwohl sie zweihundert Jahre später geschrieben worden sind. Das Historiker in ihren Arbeiten in der Regel die Interessen und Wertungen ihrer Schicht oder sozialen Gruppe widerspiegeln, darüber braucht man sich nicht wundern, sich

nicht lustig machen oder sich entsetzen. Dagegen sollte man die Möglichkeit nutzen, die sich hierbei öffnet, die Verhältnisse zwischen Ontologie und Epistemologie blosslegen, zwischen Wirklichkeit und unseren Vorstellungen von der Wirklichkeit, woraus wir vieles zu lernen haben. Es ist eben dies, was die Historiographie zu einer so interessanten und wichtigen Disziplin macht.

Sehr charakteristisch für die deutschbaltische Konzeption der Schwedenzeit in den Ostseeprovinzen ist auch deren dialektische Begutachtung der schwedischen Epoche: guter Anfang, schlechtes Ende. Eingebettet in einem grösseren nordosteuropäischen Zusammenhang wundert man sich fast, ob man hier nicht ein Fragment einer latenten Entwicklungstheorie (Stadieteori) versteckt findet. Das Verhältnis wird am besten mit zwei weiteren Zitaten aus der, in dem Vortrag verwendeten Literatur, beleuchtet.

Livlands Übergang von Polen an Schweden laut Schirren:

"So kam dann Livland unter Schweden; die Seelen athmeten auf; die Geister folgten dem Zuge; es war eine Zeit voll Erwartung, voll Freude, eine Zeit des Aufbaus, der Erneuerung, der Gewissheit: dass nun aller Jammer auf ewig überstanden sei".

Der Übergang der Ostseeprovinzen von Schweden an Russland gemäss von Richter:

"Liv- und Estland sahen sich von der Verbindung mit einem Staate befreit, dessen frühere Verdienste um die Landesverwaltung durch spätere Ungerechtigkeiten und Gewalttätigkeiten bei weitem aufgewogen waren und der stark genug war um die Provinzen zu bedrücken und auszusaugen, nicht aber mächtig genug um sie nach aussen zu schützen. Sie sahen sich dagegen mit einem kräftig aufblühenden Volk vereinigt, dessen Macht Sicherheit, dessen Bildsamkeit Achtung für die angestammte geistige Cultur der Ostseeprovinzen und für den durch den nystädter Frieden auf neue gewährleisteten Rechtszustand der-

selben verhiess. Die Gewaltstreich e der schwedischen Regierung waren in ihren Folgen ausdrück lich aufgehoben und der frühere Rechtszustand war wieder hergestellt; die Morgenröte einer neuen Zukunft brach an".

Р е з ю м е .

Автор выделяет три важнейшие концепции исторического развития Прибалтики: прибалтийско-немецкую, буржуазно-националистическую и советскую.

А. Лойт ставит целью проанализировать только первую, т.е. прибалтийско-немецкую, тем более, что не достаточно шведских работ, посвященных этой теме.

Прибалтийско-немецкая историография имеет важное значение для изучения истории Прибалтики. Периодом шведского господства прибалтийско-немецкая историография интересовалась мало. А. Лойт поставил цель — проанализировать работы по данной проблеме в хронологическом порядке, начиная с 50-х годов 19 столетия и до наших дней. Проанализированы работы А. фон Рихтера, которые автор статьи считает влияющими на всю последующую литературу; Карла Ширрена, опиравшегося в ответе Ю. Самарину на аргументацию, почерпнутую из истории шведского господства.

Аграрные отношения в Прибалтике в период шведского господства изложены в работах Ю. Экардта, А. фон Транзе-Розенека.

Общим проблемам посвящены работы Ф. Бинемана, К. Серафима, Л. Арбузова. В 1940 г. защищена диссертация В. Шульмана, основанная на документах о шведском господстве 1661—1710 годов в Эстонии. После второй мировой войны в Геттингене стали выходить работы Ю. фон Хена, Р. Витрама и последняя работа, вышедшая в 1969 году, Г. Томсона "Швеция и провинции Эстляндии и Лифляндии и их взаимоотношения".

менту империей 1/ провинциями; между центральной властью и прибалтийскими сословиями; 2/ условия жизни крестьянства; 3/ редукция имений и единовластие; 4/ государственные и политические деятели.

Автор статьи считает основными вопросами истории шведского господства следующие: на каком основании Прибалтийские провинции принадлежали Швеции? Была ли эта реальная уния или персональная уния?

В прибалтийско-немецкой историографии именно государственно-правовые вопросы занимают ведущее место.

В заключение автор заявляет, что, несмотря на частные различия, существует единая прибалтийско-немецкая концепция истории шведского господства в Прибалтике.

ПЕРВОЕ МАРКСИСТСКОЕ ИССЛЕДОВАНИЕ ПРОБЛЕМ
ПРИБАЛТИЙСКО-НЕМЕЦКОЙ ИСТОРИОГРАФИИ
/ЗУТИС Я. ОЧЕРКИ ПО ИСТОРИОГРАФИИ ЛАТВИИ. Ч. I.
ПРИБАЛТИЙСКО-НЕМЕЦКАЯ ИСТОРИОГРАФИЯ/

Академик Я. Зутис принадлежал к числу тех редких в наше время историков, в творчестве которых невозможно выделить какую-то одну или хотя бы главную сферу привязанностей. Всякий раз, обращаясь к работам Я. Зутиса, вновь и вновь поражаешься тому, насколько ему были подвластны все основные области исторической науки - экономическая история, где особенно весома его роль историка-аграрника, политическая - с фундаментальной монографией по балтийскому вопросу, история идей, в которой он, ученик академика В. Волгина, тоже чувствовал себя, как в своем доме, и, наконец, историография, о чем пойдет речь в настоящей статье.

Думаю, что мы в Латвии вправе считать Я. Зутиса не только историком-универсалом, но и создателем школы. При этом имеются в виду не только его непосредственные ученики и сотрудники, но и все те, кто учится искусству исследователя по его творческому наследию. Ведь и по сей день Я. Зутис преподносит нам уроки научной мудрости и академической строгости его исследований, и умением проникать в самую суть исторических явлений, и неприятием скольжения по обочине истории, и способностью в простом и сложном всегда оставаться на уровне настоящей науки, и четкостью идейных позиций.

Известный литературовед В. Шкловский рекомендовал своим обратьям по перу писать так, чтобы читали медленно, чтобы удивлялись и останавливались. Думаю, что это правило соблюдалось и Я. Зутисом. Читая и перечитая его работы, приходится и на самом деле останавливаться и удивляться, поскольку каждый раз постигаешь что-то

новое. И хотя ре- и идет далеко не всегда о теме, исследуемой тобой, оказывается, что это именно то, над чем ты давно задумывался. В этом, как мне представляется, и состоит особая ценность книг Я.Зутиса. Они не просто убеждают в правильности того, о чем он сам писал, но и содержат множество мыслей, которые служат базисом и подспорьем для исследования других тем и, будучи пересаженными в новую почву, способны дать новые всходы. Речь, стало быть, не о бесхитроном повторении пройденного по книгам Я.Зутиса, не о том, чтобы индивидуально прожить за счет его идей, не о канонизации выхваченных из контекста формул и их бездумном цитировании, а о творческом прочтении этих трудов с учетом всего нового, что внесено наукой за последние 20 лет. Именно в этом смысле наследие Я.Зутиса неисчерпаемо, и шиоде его предопределен долгий век.

Разбор темы предлагаемой вниманию читателя статьи можно начать с вопроса: чем вызвано обращение Я.Зутиса к проблематике прибалтийско-немецкой историографии? Ведь даже для многих, близко знавших ученого, первая часть очерков по историографии Латвии¹ была в некоторой степени сюрпризом. Наиболее очевидный ответ на поставленный вопрос известен. Дело в том, что Я.Зутис готовил историографическую главу к "Балтийскому вопросу", но делал это с той сгройженной ему обстоятельностью, что накопленного и осмысленного материала оказалось так много и автора он улек настолько, что пришло естественное решение — написать самостоятельную книгу. Так появились очерки по прибалтийско-немецкой историографии. Однако, как мне кажется, это лишь одна, хотя и наиболее очевидная, причина обращения Я.Зутиса к новой теме. Если же взять вопрос шире, то есть, по-видимому, основания утверждать, что выделение прибалтийско-немецкой историографии в самостоятельный объект исследования связало с подходом к решению главной задачи, которая стояла перед историками нашей республики в конце 40-х и начале

50-х гг., - с разработкой марксистской концепции истории Латвии. Любое продвижение в решении этой задачи представлялось затруднительным без критического рассмотрения немарксистских концепций, достаточно широко распространенных ранее. Среди них же наиболее сложившейся была концепция прибалтийско-немецкой историографии. Этим, по-видимому, и объясняется, что первая часть задуманных Я.Зутисом очерков по историографии Латвии посвящена ей. Значение, которое он придавал критическому анализу прибалтийско-немецкой историографии, подчеркивает и такое немаловажное обстоятельство, как выбор этой проблемы в качестве темы для доклада на Международном конгрессе исторических наук в Риме, в 1955 г.² Оценка историографических работ Я.Зутиса дана А.Бироном, В.Дорошенко, Т.Зейдом, П.Крупниковым³ и рядом других историков Советской Латвии. Высказанные в них соображения учтены при подготовке данной статьи, основная задача которой видится в продолжении упомянутой мысли о школе Я.Зутиса или, говоря более конкретно, применительно и избранному сюжету, в выяснении того, чему учат исследования Я.Зутиса в области прибалтийско-немецкой историографии. Каковы их уроки?

1. Я.Зутис четко определил главную задачу историографа, ученого, который изучает историю исторической науки, историю того, как познавалось прошлое. Эти задачи сформулированы уже в первых строках книги: "Объектом историографических исследований является смена исторических школ и воззрений, а также развитие приемов работы над первоисточниками нашего исторического познания"⁴.

Таково кредо автора. И он ему следует на протяжении всей книги. Это, разумеется, отнюдь не означает, что Я.Зутис не видел других задач историографа. Но из всего многообразия элементов историографического исследования он особо выделял выделение концепции исто-

риков, и в конкретном случае — систему взглядов прибалтийско-немецких историков на прошлое Латвии, как и того, чем эти взгляды были обусловлены.

Я.Зутис еще в процессе изучения Балтийского вопроса установил, что осью всей политики немецких сословий была борьба за привилегии. Соответственно, как показывал он, и прибалтийско-немецкая историография своей главной целью видела в том, чтобы изыскать доводы для оправдания привилегий и даже их апологизации. Отсюда и принятое в ней /Историографии/ толкование многовековой истории латышских земель в виде борьбы между теми, кто, отстаивая привилегии, будто бы нес благо всему населению Восточной Прибалтики, включая и ее коренное население, и теми, кто своим противостоянием привилегиям опосредствовал утверждение зла. Не задерживаясь пока на критике Я.Зутисом научной несостоятельности этой концепции, отмечу лишь, что он особенно подчеркивал ее наитеснейшую связь с политическими потребностями привилегированных сословий. Как типичное явление, Я.Зутис отмечал и то, что даже "более крупные историки остзейского происхождения", касаясь проблемы сословных привилегий, "перестают быть историками-исследователями и становятся публицистами"⁵. Политичность проявлялась также и в той, в целом полезной для науки деятельности, которая велась по выявлению исторических источников, ибо и эта работа была в значительной мере нацелена на поиск подтверждения правомерности привилегий.

Добавим к сказанному, что о производности своей концепции от интересов среды в последние — по меньшей мере 15 лет — пишут и некоторые прибалтийско-немецкие историки. Так, крупнейший из них Р.Биттрам в 1968 г. прямо говорил о защите прибалтийско-немецкими историками прав провинций и сословий и слишком большой их связанности своим положением, чтобы быть непредвзятыми и справедливыми⁶. Еще через три года он же в более общем плане писал об очевидной заданности того, что делает историк

уже при подходе к предмету изучения. Биттрам провел тогда любопытное сравнение заголовков работ, вышедших из-под пера историков Советской Латвии и прибалтийско-немецких историков, показав, как элементы заданности отражены уже в названиях работ.⁷

Производность концепции прибалтийско-немецкой историографии от политических потребностей тех общественных сил, которые она представляла, конечно, не исключение, и не в этом ее порок, критикуемый Я.Зутисом. Суть, как мы могли видеть, в другом: какие силы она представляла и что за цели эти силы перед собой ставили.

II В первых же строках книги Я.Зутис сформулировал еще одно из своих исходных положений - об обязательности изучения историографии в ее развитии⁸, что, в свою очередь, предполагало анализ смены школ и воззрений, а также выяснение причин и характера происходившей эволюции. Применительно к прибалтийско-немецкой историографии его вывод заключался в следующем: главная целевая установка - оправдание привилегий - оставалась неизменной. Менялись лишь доводы, факты, литературные приемы, при помощи которых историки пытались придать правдоподобность и убедительность отстаиваемой ими идее⁹. Что касается источника происходивших временами изменений, то его Я.Зутис видел прежде всего в менявшейся общеполитической обстановке, в условиях которой остзейцы вели борьбу за собственные привилегии. Так, проповедь ливляндского генерал-суперинтендента К.Зонтага в 1817г., которой Я.Зутис датировал начало одного из этапов в развитии прибалтийско-немецкой историографии, была прямой реакцией на начавшееся освобождение латышских и эстонских крестьян. Изображая это освобождение как заслугу одного лишь дворянства, К.Зонтаг предлагал переписать историю заново и "впредь вместо "истории рабства прибалтийских крестьян", которую на предыдущем этапе излагал просветитель Г.Яннау, рассказывать об "истории свободы и благосостоянии наших националов"¹⁰. Т.к. вкладывались начала

апологизации историками деятельности дворян, которые нашли затем свое продолжение в школе Г.Бруйнинга, названной Я.Зутисом апологетической, причем и начало этого этапа Я.Зутис связывал с очередным обострением борьбы за привилегии — на сей раз на рубеже 70-80-х гг. XIX в.¹¹.

Изменением характера общеполитической обстановки объяснял Я.Зутис также начало следующего этапа прибалтийско-немецкой историографии в 30-х гг. XX в., охарактеризованного в "Очерках..." как этап национал-социалистского толка¹². Здесь же зафиксированы и точки соприкосновения этого этапа с предыдущим — апологетическим, отмечены одинаковость оценок привилегий и превознесения роли немецких сословий¹³.

Указание на сходство обоих этапов может показаться неосновательным. Ведь речь все-таки идет о переходе прибалтийско-немецкой историографии на рельсы фашистской идеологии. Вспомним, однако, еще раз Р.Виттрама и сделанное им в 1968 г. признание о том, что от К.Ширрена — предтечи Г.Бруйнинга — оставалось лишь несколько шагов до национально-идеологического толкования прибалтийской истории¹⁴. А четырьмя годами ранее Р.Виттрам сказал еще прямее о подготовленности прибалтийско-немецких историков к восприятию национал-социалистского мировоззрения¹⁵.

III. Особенно важным представляется убедительное доказательство Я.Зутисом научной неосостоятельности прибалтийско-немецкой концепции истории Латвии, а следовательно, и невозможности на такой основе дать правильное освещение прошлого латышского народа и его земель. В тезисной форме заключения Я.Зутиса на этот счет можно свести к следующему: избрав в качестве стержневой проблемы истории Латвии борьбу между сторонниками и противниками привилегий, прибалтийско-немецкие историки ограничили все изложение историей "верхов", в которой к тому же приглушены мотивы союза привилегированных сословий с царизмом. Столь односторонняя и зауженная интер-

претация "почти ничего не дала для изучения прошлого коренного населения"¹⁶. Констатация может показаться, на первый взгляд, излишне острой, но в том смысле, какой в нее вкладывал Я.Зутис, она в целом правильна, ибо в истории "верхов", написанной прибалтийско-немецкими историками, для латышского народа и впрямь не оставалось места. После второй мировой войны на это не раз указывали и сами прибалтийско-немецкие историки. В 1952 г. с требованием пересмотра такой позиции выступил А.Таубе¹⁷, несколько позднее об этом же писал Х.Римша¹⁸, еще позднее /1968 г./ Р.Виттрам¹⁹. Однако в 1980 г. журнал "Ост-Еуропа" в обзоре об остфоршунге за 70-е годы вновь констатировал, что в указанном направлении сдвигов не произошло²⁰. Естественно, что при таком подходе из истории Латвии оказались выхолащенными главные противоречия - социальные и национальные конфликты, без учета которых нельзя понять ни прошлое Латвии в целом, ни даже историю самих привилегированных сословий.

Хотелось бы поэтому отметить как очень отрадное явление, что среди историков ФРГ мы находим сегодня и тех, кто понимает несостоятельность старой концепции и по-новому решает многие вопросы истории Прибалтики. Я имею в виду прежде всего Г.Листолькорса, монографию которого мы вправе оценить как проявление нового в прибалтийской историографии ФРГ²¹.

IV Я.Зутис называл прибалтийско-немецкую историографию феодально-сословной. Причем эту оценку он относил и к началу XX в., т.е. к периоду капиталистического развития Латвии. Свою точку зрения сам Я.Зутис обосновывал неизменностью целевой установки, продолжавшегося, несмотря на смену эпох, оправдывания феодально-сословных привилегий. К тому же, что, с точки зрения Я.Зутиса, было особенно важным, в прибалтийско-немецкой историографии не утвердилось обособленное буржуазное направление с критическим подходом к феодально-сословным привилегиям, что, в свою очередь, объяснялось общей заин-

тересованностью г дворян, и бюргеров в сохранении их привилегированного положения²².

У. Хотя в оценке Я.Зутисом прибалтийско-немецкой историографии доминируют мрачные тона, он сумел, однако, увидеть и оттенить в ее общей картине также элементы светлой тональности. От внимательного читателя не ускользает, что в любой из глав своей книги Я.Зутис нашел место, чтобы рассказать о высокой профессиональной подготовленности отдельных авторов, пусть даже с несостоятельными в научном отношении взглядами /Г.Бреверн, Э.Тадебуш, Э.Винкельман/. В книге говорится и о ценности эмпирического материала, содержащегося в работах многих прибалтийско-немецких историков, а также об организации исторических обществ и издании документальных материалов. Не случайно, наконец, что глава книги, посвященная историкам-просветителям, — самая большая по объему и составляет почти четвертую часть всего текста "Очерков..."²³. Об И.Эйзене в ней говорится, как о первом последовательном критике крепостного права²⁴; Г.Яннау назван основателем истории прибалтийского крестьянства и первым историком местного крепостного права²⁵; подчеркнута энциклопедическая образованность А.Гушеля и ценность его сочинений как источника для изучения общественной жизни²⁶. Много лестного сказано о Г.Меркеле, высокая оценка дана И.Петри²⁷ да и в целом просветителям.

Однако с таких позиций значительной группой прибалтийско-немецкие авторы выступили всего лишь на одном отрезке времени. В иные времена, да и то изредка, это были лишь одиночки. Но голоса критиков, как писал Я.Зутис, "всегда заглушаются дружным хором апологетов крепостничества"²⁸. Нельзя не сказать, что и это замечание не вскользь брошено Я.Зутисом. И здесь им вскрыты не отдельные факты, а явление. Речь идет о неакадемических методах полемики, к которым прибегали представители прибалтийско-немецкой историографии в борьбе со своими оппонентами. Первые это испытал Б.Руссов, на которого обру-

шился Т. Тизенгаузен, более ста лет шельмовали Г. Мерделя, в чем только не обвиняли О. Рутенберга, а позднее — А. Агте. Кстати, О. Рутенберг даже в изданном уже в 1970 г. прибалтийско-немецком биографическом словаре так и не значится как историк.

VI. Уже говорилось, что направленность главных тенденций историографии Я. Зутиса вытекает из особенностей исторической обстановки. Но можно сказать и наоборот: анализ трудов историков помогал ему лучше понять современную этим авторам эпоху. Историограф в этом смысле чем-то сродни археологу, который должен в обнаруженных им материалах уметь увидеть и воссоздать ускользающий от потомков процесс или хотя бы какие-то его части. Так и историограф по работам историков прошлого постигает состояние общественно-политической мысли и всего духовного настроения современного им общества. Такие наблюдения содержат и очерки Я. Зутиса. Назовем, к примеру, хотя бы чрезвычайно глубокую характеристику так называемого остзейского либерализма. Заметим при этом, что, подобно тому, как для археолога решающим является правильный выбор места раскопок, так и для историографа обязательно умение найти и отобрать /соответственно их значению/ нужные для его целей источники. Предмет надо изучать прежде всего "изнутри", из непосредственных свидетельств. И лишь дополнительную информацию можно черпать через "посредников" и внеэные отклики, из "третьих" рук. Я. Зутис и в этом смысле преподнес нам урок. Своё понимание остзейского либерализма он, как видим из пятой главы его книги, черпал прежде всего из сочинений самих либералов и особенно из материалов их печатного органа — журнала "Балтисхе монатсрифт".

VII. Приступив к "Очеркам...", Я. Зутис взял на себя гарнулесов труд первооткрывателя. Правда, и до него труды П. Стучки, Ф. Розинья-Азиса, Я. Янсона-Брауна, а вслед за ними и историков-марксистов опровергали концепцию прибалтийско-немецкой историографии. Но в

реализации взятой им на себя задачи - дать марксистский анализ этой историографии - Я.Зутис почти все сделал впервые.

Легко ли это ему давалось? Такая задача /об этом уже говорилось/ была, бесспорно, посильна только подготовленному высокоэрудированному талантливому ученому, каким был Я.Зутис. Но вспомним, что говорим о гениальности /даже не о таланте!/ такой поистине гении, как Т.Эдисон: "Гениальность - это 2 процента вдохновения и 98 - потения". Без черновой работы нет плодов и в исторической науке. Вот что писал В.Ключевский: "Талант - это дар сырой и тяжелый, который надо отработать напряженным, часто мучительными усилиями и оправдать полезными для человечества плодами, соответственными его качествам и размерам"²⁹.

Я.Зутис всплощал для знавших - именно такой тип исследователя, который не позволял себе обольщаться легкостью и быстротой достижимости целей. Все его книги - итог больших усилий. И каждая их строка питалась упорной черновой работой, ибо до того, как стать автором-новатором, ему пришлось перекопать горы источников, подобно рудокопу. И Я.Зутис шел этим прямым, но в то же время самым трудным путем, сумев первым из историографов /включая немарксистов/ охватить своим анализом весь "'пантеон" прибалтийско-немецких хронистов, историков, публицистов"³⁰. Тоже первым без готовых рецептов он решает остальные вопросы: как построить работу, какой принцип /хронологический или проблемный/ положить в основу структуры, о чем писать и что оставить нерассказанным.

Так возник этот труд, крайне необходимый в то время и по-прежнему нужный сейчас. Одним из свидетельств высокой оценки и одновременно признания важности самой темы было включение доклада Я.Зутиса на эту тему для выступления в Риме, о чем говорилось выше.

Такими мне представляются некоторые из главных

уроков Я.Зутиса. Наверное, он и не думал, как и чему учить, когда писал. Но книги его учат преданности труду, и мысли. Читая в наши дни "Очерки по историографии Латвии", нельзя, конечно, не учитывать, что в конце 40-х гг., когда книга создавалась, многие из затронутых автором вопросов еще не были достаточно исследованы, и сейчас мы знаем о них намного больше. Поэтому не все суждения звучат сегодня достаточно убедительно. Это, и примерчу, /из области мне наиболее близкой/ постановка вопроса об онемечении, признании К.Ширрена либералом, а Шульца - противником отсейского варианта. Можно сожалеть, что неодинаково подробно освещено творчество разных историков. В "Очерках" совсем не упоминают крупный историк Р.Шталь-Хольштейн. "Обижен" Я.Зутисом К.Ширрен, который сыграл огромную роль в разработке прибалтийско-немецкой истории Латвии и положил, как мне представляется, даже начало одному из важных этапов ее развития. Незаслуженно мало сказано об О.Рутенберге. Как же объяснить такое неравнозначное отношение к отдельным авторам? Сам Я.Зутис частично ответил на этот вопрос, рассматривая труды А.Тобина: "Тобин считается знатоком истории XIX в. и лишь частично касается ... второй половины XVIII в."³¹ Я.Зутис с наибольшим интересом отнесся и историкам, изучавшим XIII-XVIII вв. Отсюда и определенная диспропорция в освещении им деятельности отдельных историков, о чем, разумеется, можно сожалеть.

Быть может, и сам Я.Зутис о многом написал бы сегодня иначе. Но научность не только в том, чтобы дать окончательные, неотменяемые ответы на все вопросы /да и часто ли такие бывают ?/. Научность и в том, чтобы своими решениями... дать толчок мысли дальше, открывать для науки новые просторы. Именно поэтому Я.Зутис был бы вправе провозгласить известную формулу, которой римские консулы по традиции заклю-

чал свою отчет /у речь: "Feci quod potui, faciant meliora potentes /я сделал, что мог, и пусть кто может, сделает лучше/".

Примечания

- 1 Зутис Я. Очерки по историографии Латвии. Ч. I. Прибалтийско-немецкая историография. - Рига, 1949. - 259 с.
- 2 Зутис Я. Основные направления в историографии народов Восточной Прибалтики /XIX-XX вв./. - В кн.: X Международный конгресс историков в Риме. М., 1956, с. 286-319.
- 3 Бирон А.К., Дорошенко В.В. Советская историография Латвии. - Рига, 1970. - 498 с.; Zeids T. Jāra Zuša noīme Latvijas historiogrāfijā. - Grām Akadēmiķis Jānis Zutis. R., 1964, 35.-140. lpp.; Krupņikovs P. Melu un patiesības palete. - R., 1980. - 196 lpp.
- 4 Зутис Я. Очерки ..., с. 3.
- 5 Там же, с. 5.
- 6 Wittram R. Die moderne Geschichtsforschung und die baltische Tradition. - Jahrbuch des baltischen Deutschtums, 1958, Bd. 15, S. 49.
- 7 Wittram R. Methodologische und geschichtstheoretische Überlegungen zu Problemen der baltischen Geschichtsforschung. - Zeitschrift für Ostforschung, 1971, H. 4, S. 602.
- 8 Зутис Я. Очерки ..., с. 3.
- 9 Там же, с. 240.
- 10 Там же, с. 123.
- 11 Там же, с. 166-216.
- 12 Там же, с. 208.
- 13 Там же, с. 208-209.

- 14 Wittram R. Die moderne Geschichtsforschung..., S.49.
- 15 Wittram R. Rückblick auf den Strukturwandel der deutsch-baltischen Volksgruppen im letzten Jahrzehnt vor der Umsiedlung. - Festschrift Percy Schramm zu seinem siebzigsten Geburtstag von Schüler und Freunden zugeeignet, Bd.2. Wiesbaden.1964, S.247.
- 16 Зутис Я. Основные направления ..., с.290.
- 17 См.: Wittram R. Die Baltische Historische Kommission. - Nachrichtenblatt der Baltischen Ritterschaften, 1970, H.4, S.51.
- 18 Baltische Briefe, 1958, N 3,
- 19 Wittram R. Die moderne Geschichtsforschung..., S.51.
- 20 Martiny L. Osteuropäische Geschichte und Zeitgeschichte. - Osteuropa, 1980, H. 8/9, S.712.
- 21 См.: Duhanovs M., Ronis J. Par dažām jaunām iezīmēm mūsdienā Baltijas historiogrāfijā Vācijas Federatīvajā Republikā. - LPSR Zinātņu Akadēmijas Vēstis, 1982, N 10, 35.-51.lpp.
- 22 Зутис Я. Очерки ..., с.239-240.
- 23 Там же, с.62-II7.
- 24 Там же, с.70.
- 25 Там же, с.72.
- 26 Там же, с.82.
- 27 Там же, с.103.
- 28 Там же, с.238.
- 29 Ключевский В.О. Неопубликованные произведения. - М., 1983, с.151.
- 30 Бирон А.К., Дорошенко В.В. Советская историография Латвии ..., с.471.
- 31 Зутис Я. Очерки ..., с.203.

DIE BALTISCHEN PROVINZEN RUSSLANDS IM
19. JAHRHUNDERT UND DIE DEUTSCH-BALTISCHE
GESCHICHTSFORSCHUNG

Im Jahre 1971 - zwei Jahre vor seinem Tode - hat mein akademischer Lehrer Reinhard Wittram in seiner letzten baltischen Arbeit über "Methodologische und Geschichtstheoretische Überlegungen zu Problemen der baltischen Geschichtsforschung" Forderungen an eine moderne baltische Geschichtsschreibung niedergelegt, die den Ausgangspunkt für diesen Aufsatz bilden sollen. Sie lauten: "Das Fernvergangene verlangt von uns weder Reform noch Revolution. Nur noch etwas anderes, immer dreierlei: intellektuell begriffen, nach Chancen und Härten beurteilt und historisch eingeordnet werden müssen die Institutionen und Rechtsverhältnisse, die Produktionsformen und mit ihnen alle Bedingungen der Existenz; erkannt werden müssen die Veränderungen im Sinne eines vielschichtigen, ungleichartigen, Ereignisse und Abläufe umschliessenden Prozesses von heterogener Zeitqualität und widerspruchsvoller Zeitstruktur; die die Verhältnisse und Begebenheiten sich aber immer in den Menschen darstellen, ist dem Historiker auferlegt, soweit an Gerechtigkeit zu üben - Gerechtigkeit gegen jedermann -, wie den Späterlebenden mittels ausdauernden Studiums allenfalls zugänglich werden kann"¹.

Den hiermit gekennzeichneten hohen Anspruch an die Geschichtsschreibung über die Baltischen Provinzen Russlands im 19. Jahrhundert hat R. Wittram als noch nicht eingelöst betrachtet, weder durch die deutsch-baltische Geschichtsforschung noch durch die dem Marxismus-Leninismus verpflichtete sowjetische Historiographie. In dem erwähnten Aufsatz zur baltischen Geschichte hat er

aber den Dialog gesucht, und ihm ist bekanntlich auch von den beiden Hauptangesprochenen, Maksim L. Dychanov² und Juhan Kakk, ausführlich geantwortet worden. Der Dialog hat auf Tagungen, in Büchern und Rezensionen Fortsetzungen gefunden³. Wenn auf der Tagung in Riga vom Oktober 1983 nunmehr sogar eine ganze Session der deutschen und deutsch-baltischen Historiographie über das 19. und 20. Jahrhundert im Baltikum gewidmet wurde, so ist dies als Ausdruck einer sachorientierten Dialogbereitschaft zu werten und zu begrüßen. Vor den 1970-er Jahren dominierte eher die Herausarbeitung der Unterschiede und Gegensätze, die natürlich auch heute noch bestehen, wenn es um die Einordnung der baltischen Regionalgeschichte und baltischen Regionalpolitik im 19. Jahrhundert geht. So hat der Begründer der sowjetletischen Geschichtswissenschaft, Jānis Zutis, mit Schärfe herauszuarbeiten gesucht, dass die deutsch-baltische Geschichtsforschung durchgängig vom Kulturträgergedanken geprägt und durchgängig einer apologetischen Haltung verpflichtet gewesen sei. Vor Julius Eckardt und Theodor Schiemann über Hermann Baron Brušningk bis hin zu Hans Rothfels und Reinhard Wittram seien die deutschen bzw. deutsch-baltischen Historiker der baltischen Geschichte, besonders des 19. Jahrhunderts, durchgängig von den oben erwähnten Leitgedanken ausgegangen. Heute sollte es u.ä. aber nicht schwerfallen anzuerkennen, dass die Voreingenommenheit für deutsche Kultur bei einem Publizisten der 1860-er Jahre wie Julius Eckardt und einem 70 Jahre später wirkenden Historiker wie Hans Rothfels, der von den Nationalsozialisten im Jahre 1935 der Universität Königsberg verwiesen wurde, etwas grundlegendes anderes war als die mit rassistischen Pseudargumenten untermauerte Propaganda von der grundsätzlichen Überlegenheit des Deutschen schlechthin⁴. Auch die Begriffsbildung

"Ostzejoy" - Ostseeleute -, die Maksim M. Duchanov im Titel seines von R. Wittram so stark beachtetes Buches gebraucht, suggeriert mehr Einheitlichkeit, als m.E. bei einem differenzierenden historischen Befund für die deutschen Provinzbewohner, auch sofern sie sich als Angehörige der deutschen Oberschicht angesehen haben, nachgewiesen werden kann.

"Das Fernvergangene verlangt von uns weder Reform noch Revolution", sagt Wittram, und meint in dem genannten Aufsatz über die baltischen Agrarverhältnisse, dass es müßig sei, die deutsch-baltische Oberschicht schlechthin mit einer "reaktionären" Rolle zu identifizieren, nur weil sie zugegebenermaßen keine revolutionären Situationen entstehen lassen wollte. Wir befinden uns nicht in der Rolle von Staatsanwälten - das will Wittram sagen - die nachträglich sozusagen den historischen Prozess gewinnen müssen. Auf der anderen Seite ist Wittram bereit einzuräumen, dass es einseitig gewesen sei, die Reformbereitschaft und den Reformwillen der Ritterschaften seit Beginn des 19. Jahrhunderts so stark zu betonen, wie es die Historiker des 19. Jahrhunderts aus deutsch-baltischer Sicht vor allem getan hätten (und man kann hinzufügen: viele des 20. Jahrhunderts eher noch mehr). So hat Wittram im genannten Aufsatz die Werke Alexander Tobiens einem kritischen Urteil unterworfen, wenn er etwa feststellt, dass Tobiens Urteile zur baltischen Agrargeschichte "mit der ganzen Einseitigkeit, die dem politischen Interesse entspricht", geschrieben worden seien⁵. Hierin ist aus der Sicht Wittrams freilich auch ein gutes Stück Revision zu sehen, denn zu einem solchen Urteil wäre er wohl noch in seiner "Baltischen Geschichte" aus dem Jahre 1954 kaum bereit gewesen⁶. Auch 1971 wollte er mit dieser Wertung nur die Vorfangenheit des Autors kennzeichnen, eines po-

litisch engagierten Zeitgenossen, der teils bewusst verkürzend, teils unbewusst wichtige Zusammenhänge auslassend oder verschleiern, den Ritterschaften eng verbunden gewesen ist. Nicht aber wollte Wittram Tobien als dem führenden Statistiker und Agrarhistoriker das Gesicht als Wissenschaftler nehmen und ihm sozusagen zur Funktion eines Interesses machen. In der Tat würde z.B. jedes Urteil über Tobien, das ihn nur zum Funktionär eines ritterschaftlichen Parteinteresses machen würde, die Tatsache unterbewerten, dass Tobien mit seinen frühen Arbeiten reformerische Positionen im Umkreis der "Baltischen Monatsschrift" zwischen 1860 und 1880 favorisierte, während er später, insbesondere in seinem ganz auf den deutsch-russischen Konflikt abhebenden Buch "Die Livländische Ritterschaft in ihrer Verhältnis zum Zarismus und russischem Nationalismus" (1925, 1930) den Konflikt in den eigenen Reihen weitgehend einebene und die Auseinandersetzung in den Ostseeprovinzen zum Prinzipienkampf zwischen Kräften des Rechts und Kräften der Gewalt hochstilisierte.

In der Tat sollte diese zunehmende Starrheit Tobiens nicht dazu führen, seine sämtlichen Äusserungen auf den Generalton eines durchgängigen Dominanzinteresses einzustimmen und die Deutschbalten als einheitlicher anzusehen, als sie es jemals gewesen sind. In der langen Periode von der unangefochtenen Existenz einer privilegierten Oberschicht, die im Rahmen beschworener Vorrechte selbständig agieren konnte, bis hin zur Infragestellung dieser Privilegien, bis hin zur Existenz als nationale Minderheit in den Staaten Esti und Lettland, bis hin zur Umsiedlung nach Kriegsausbruch 1939 und zur landsmannschaftlich organisierten Flüchtlingsgruppe auf dem Boden der Bundesrepublik Deutschland nach 1945 domi-

nieren die Brüche doch wohl so stark, dass die pauschalisierende Rede vom einheitlichen Typus Ostseelente wohl zu kurz greift. In bezug auf den baltischen Adel etwa ist nicht daran zu zweifeln, dass "Adel" zu Beginn des 19. Jahrhunderts nicht dasselbe war wie in den 1860-er Jahren, wie nach der revolutionären Krise von 1905 oder gar wie nach 1919, als massgebliche Gruppen des deutsch-baltischen Adels ihre Zukunft in der deutschen Weimarer Republik suchten (zumeist im rechten Spektrum), die Mehrzahl aber mit der Existenz eines Kleinlandwirts auf den sog. "Restgütern" vorliebnahm. Seit der Mitte des 19. Jahrhunderts spielten geburtsständige Rechte in der deutsch-baltischen Oberschicht nicht mehr die ausschlaggebende Rolle. Vielmehr gab es trotz der traditionell Vorherrschaft des Adels von der Jahrhundertmitte an einen Bürgerstand, genannt die Literaten, die sich davon abhebende selbständige und selbstbewusste Kaufmannschaft in den Städten und, nicht zu vergessen, auch in den Ostseeprovinzen die Entfaltung und Entstehung einer Öffentlichkeit, die vielfach, wie z.B. die "Revalische Zeitung"; die "Rigasche Zeitung"; die "Neue Dörptsche Zeitung" und die "Baltische Monatsschrift" zu den Inhabern der Privilegien auf eine kritische Distanz ging⁸.

Dass die deutsch-baltische Oberschicht im grossen und ganzen allerdings spätestens von den 1870-er Jahren an selbst bemüht war, sich einheitlicher zu geben, als sie es war, und herauszudrängen; wer nicht zu ihr zu passen schien, ist selbst das Ergebnis zeitgenössischer geschichtlicher Entwicklungen, die es zu analysieren gilt. In ihnen manifestierte sich nicht so sehr die ungebrochene Kontinuität eines ungebrochenen Rechtsbewusstseins; vielmehr wurden auf neuartige Herausforderungen, den Druck der nationalen Be-

wegungen von unten und den Druck aus den Zentren des russischen Staates, übersteigerte Antworten gefunden, die in dieser Pointierung neuartig waren. Paradoxiertweise sollte mit der verschärften Betonung des vergangenheits-orientierten Anspruchs die Zukunft gesichert werden. "Ausharren" und "Feststehen" hat Carl Schirren im Jahre 1869 diese Position genannt⁹.

In diesem Kontext kann an den zweiten Satz der Wittrock'schen Eingangsformulierung angeknüpft werden. Es käme darauf an, die Institutionen und Rechtsverhältnisse, die Produktionsformen und mit ihnen alle Bedingungen der Existenz nach Chancen und Härten zu beurteilen und historisch einzuordnen. Der estnische Historiker Juhan Kahk bezeichnet in diesem Zusammenhang die 1840-er Jahre in Estland als die Krisenjahre des Feudalismus und will damit ausdrücken, dass am Ende dieses Jahrzehnts auch der zurückhaltende und schwerfällige baltische Grundbesitzliche Adel zu Reformen gezwungen gewesen sei, d.h. die Institutionen und Produktionsformen habe ändern müssen¹⁰. Hier bleiben allerdings manche Fragen, die m.E. als nicht befriedigend gelöst zu betrachten sind. Bekanntlich ist es Teil des preussischen Weges in der baltischen Agrarreform gewesen, dass der Bauer nach 1856/1860 in den Stand gesetzt werden sollte, durch Gewährung eines 60%-Kredites das Land zu kaufen, das er bestellte. Über diese Kreditpolitik und die damit zusammenhängenden Konflikte ist noch viel zu wenig bekannt. Es gibt kaum Arbeiten, die die praktische Bankenpolitik etwa der "Livländischen Adelligen Güterkreditsozietät" umfassend analysieren¹¹. Auch die Arbeit von E. Neuschäffen/H.D. von Engelhardt über die ökonomische Sozietät von 1792 bis 1939 schliesst diese Lücke nicht¹². Inzwischen scheint es im übrigen auch in der sowjetestnischen Geschichtsforschung nicht mehr ganz so sicher zu sein, ob noch in der gleichen Schärfe von der tief liegenden Diskrepanz zwi-

sehen der langsam wachsenden ökonomischen Reformbereitschaft und der beharrlichen politischen Intransigenz des baltischen Adels gesprochen werden kann. Im Jahr 1980 erschien in Tallin das Buch von August Traat "Vallakohus Bestis" (volostnoj sud v Estonii), das sich mit dem Gebietsgerichten in Estland und Livland von der Mitte des 18. Jahrhunderts bis zur Landgemeindef-Reform von 1866 beschäftigt. In einer differenzierten Darstellung untersucht der Autor die Wirkung der Gemeindegerichte, die nach den Bauerbefreiungen von 1816 in Estland und 1819 in Livland eingeführt wurden. In seiner Zusammenfassung stellt Traat fest, dass schon in der zweiten Hälfte der 1620-er Jahre "die Gemeinde zur grundlegenden ständischen Organisationsform der freigelassenen Bauern ..." geworden sei. In Livland hätten sich die Gemeindegerichte "zum wichtigsten Zentralorgan einer Bauerngemeinde" entwickelt. Sie hätten ausgedehnte Kompetenzen gehabt, regelmässig getagt und Erkenntnisse und Erfahrungen vermittelt, die in den Jahren zwischen etwa 1820 und 1866, bis zu Einführung der Gemeindefreform in Livland, als grundlegend für die Fähigkeit der Bauern angesehen werden müssten, ihre Angelegenheiten selbständig zu besorgen. Traat kommt zu dem Fazit, "dass die Gebietsgerichte, die in der Periode der Auflösung des Feudalismus fast überall gegründet wurden, aktiv dazu beitragen, diesen Prozess (der zunehmenden Selbständigkeit) zu beschleunigen und den Übergang zum Kapitalismus in der Dorfgemeinschaft rechtlich zu fixieren."¹³

Es scheint, dass immer noch Unsicherheit darüber besteht, was denn unter dem Übergang vom Feudalismus zum Kapitalismus im Zeitraum zwischen 1820 und etwa 1860 verstanden werden soll. Es besteht Übereinstimmung, dass die Reformbereitschaft der Ritterschaften nicht weit genug ging und dass im übrigen überhaupt

zögerlich verfahren wurde. Es ist anderseits aber nicht zu übersehen, dass Konzessionen an Veränderungswünsche der Landbevölkerung eingeführt wurden, z.B. die Gemeindegerichte. Es ist ferner unstrittig, dass die deutschbaltische Pastorenschaft und massgeliche Vertreter der Ritterschaften eine Hebung der Volksbildung als einen ganz wichtigen Faktor angesehen haben¹⁴. Ob man aber die Karten einseitig verteilen und die Ritterschaften auf die Schiene der retrograden Politik, die ökonomischen und politischen Emanzipationsbestrebungen der Bauernwirte aber auf die Seite des gesellschaftlichen Fortschritts stellen kann, das ist doch durchaus fraglich¹⁵. Angesichts der tiefgreifenden Veränderungen der Sozialstruktur in den Ostseeprovinzen zu Beginn des 19. Jahrhunderts, der ökonomischen Veränderungen hinsichtlich der Entwicklung und auch der Krise von Monostrukturen (Merino-Schafzucht, Kornbrennen etc.), angesichts der zunehmenden Tendenz, bestehende Schwierigkeiten öffentlich zu diskutieren, scheint unklar, was in bezug auf die 1840-er Jahre eigentlich mit dem Begriff "feudal" noch gekennzeichnet werden soll.

Schon soziologisch stimmt die Zuordnung nicht. Garlieb Merkel (1769-1850) war bekanntlich der Sohn eines Pastors, als eines Kirchenherrn¹⁶. Die Brüder Alexander (1802-1842) und Carl Ferdinand von Hueck (1811-1884), auf die Juha Kekkonen sich in seinen Darlegungen gern beruft und deren Bücher zur Agrarpolitik er als vortrefflich bezeichnet, entstammten dem estländischen Adel¹⁷. In diesen Büchern aus dem Jahre 1845 tadeln die Brüder Hueck die Politik der Mehrheit ihrer Standesgenossen in aller Schärfe. Nichts scheint ihnen wichtiger als die Einführung der Methoden der rationalen Landwirtschaft und die Überwindung der Fronwirtschaft. Es wird auf Veränderungen gedrängt. Merkel wird zum Zeugen angerufen, wenn das

System der Front als schließlich gekennzeichnet wird. Nord- und westeuropäische Agrarreformen in Schweden, in Österreich, Sachsen, Württemberg und vor allem Preussen werden als beispielhaft hingestellt. In Preussen würden die Ritter- und Bauerngüter arrondiert, Ökononiekommissionen würden, modern gesprochen, eine Flurbereinigung vornehmen, um die Zerstückelung von Bauernhöfen vermeiden zu helfen. Auch in den Ostseeprovinzen müsse dem Gutsbesitzer der Weg zum Bauernlandverkauf gewiesen werden. Zwar wird nicht der Zwangsverkauf empfohlen, wohl aber eine moralische Verpflichtung darin gesehen, zum Marktpreis zu verkaufen: "Aber ist es denn nicht genug, wenn die Nachkommen jener deutschen Einwanderer ... den dritten Theil sämtlichen ehemals den Ersten gehörigen Landes für sich behalten und den Rest den Bauern für einen angemessenen Kaufpreis abtreten? ..." Er könne keine Ungerechtigkeit darin erblicken, wenn die Gutsbesitzer "zum Verkauf bestimmt" würden¹⁸.

Wohl sind bei der sogenannten zweiten Agrarreform in den Ostseeprovinzen bis zum Beginn der 1860-er Jahre die Interessen der Gutsbesitzer, die von Kapitalarmut bedrängt waren und es schwer fanden, eigene Gutswirtschaften aufzubauen, voll berücksichtigt worden, und die Last wurde von den Gesindewirten getragen. Aber als dann schliesslich der Entschluss zur Reform sich durchgesetzt hatte, versuchten die Ritterschaften eine Reformpolitik auf breiter Basis. Der estländische Adel trat nachdrücklich für den Eisenbahnbau ein und bildete 1869 eine "Eisenbahnkommission"¹⁹. Nicht-ständische Kommissionen wurden für die Justizreform eingerichtet²⁰, kurz, es wurde manches versucht, um Entwicklungen einzuleiten, die eine Modernisierung der baltischen Provinzen gewährleisten sollten. Diesem Zwecke dienten auch Publikationen, die bisher weder in der deutsch-baltischen Geschichtsforschung noch in der Kritik anderer

eine angemessene Rolle gespielt haben. Zu denken ist etwa an die statistischen Untersuchungen von Mitarbeitern der drei Gouvernements und der Ritterschaften wie Alphons Baron Heyking (1829-1900), Paul Eduard Jordan (1825-1894), dem Leiter der Volkszählung in Reval (Tallin) 1871 und 1881, Friedrich von Jung-Stilling (1836-1888), der im Jahre 1887 zum ersten internationalen Statistiker-Kongress nach Rom reis^t, sowie Alexander Tobien (1854-1929), der als Statistiker sowohl in ritterschaftlichen, wie in städtischen, wie auch in gouvernementalen Diensten gestanden hat²¹. Deren Publikationen und zahlreiche andere, z.B. in der "Baltischen Monatsschrift", zeigen an, dass es spätestens seit den 1860-er Jahren gerade auch unter Deutsch-Balten gewichtige Kräfte gegeben hat, die auf eine Durchsetzung neuer Lebensformen und neuer Produktionsformen gedrängt haben (Ausbau des Schifffahrtswesens, Schulbau, Ausbau der Universität Dorpat, Förderung des Rigaer Polytechnikums, Erneuerung des Steuerwesens u.a.m.). Der Anteil von deutsch-baltischen Gruppen und Personen an Modernisierungsbestrebungen in den Ostseeprovinzen nach 1860 ist noch nicht klar genug bestimmt worden.

Zu diesem Defizit haben die Deutsch-Balten selbst beigetragen, weil sie die traditionelle ständische Rolle einseitig übertronten. Zur Aufhellung der Lebensverhältnisse und der Politik von Esten und Letten in den baltischen Provinzen um 1860 trägt die deutsch-baltische Geschichtsschreibung freilich noch weniger bei. Wie an andere Stelle ausgeführt, war der Verfasser des Buches über die "Lettische Revolution", Astaf von Transehe, im Jahre 1906 in grosser Verlegenheit, als er den Weg der lettischen nationalen Bewegung von ihren Anfängen bis hin zur revolutionären Bewegung von 1905 knapp kennzeichnen wollte. Mühsam

musste das Material erst beschafft werden, das schliesslich zu einer Darstellung verarbeitet wurde, die wissenschaftlichen Ansprüchen in keiner Weise genügt²². Aber trotz einiger guter Zusammenfassungen aus jüngerer Zeit, trotz mancher Arbeiten über die Anfänge des Kapitalismus in Estland und Lettland fehlen meines Wissens genauere Untersuchungen zur Frage, auf welche sozioökonomischen Kräfte sich die nationalen Bewegungen der Letten und Esten nach 1860 letztlich stützen konnten. Besonders interessiert, wie der Bauernlandverkauf von den Bauernwirten finanziert worden ist, welche Einnahmen sie hatten, wie sich ihre Wirtschaften entwickelten, wie sie den Übergang von der Fron - zur Geldpacht und schliesslich zum Landkauf verkrafteten²³. Es wäre gut, wenn die Feststellung von J. Kahk, dass die Pläne der deutsch-baltischen Gutsbesitzer, den preussischer Weg einzuschlagen, "eine der allerschlimmsten Varianten darstellten", die überhaupt denkbar gewesen seien, durch entsprechendes Tatsachenmaterial für die Zeit nach 1860 untermauert werden könnte²⁴. Aus der Tatsache, dass die nationalen Bewegungen von Anfang an eine Normierung der Verkaufssummen des Bauernlandes forderten, kann noch nicht gefolgert werden, dass der eingeschlagene Weg des Bauernlandverkaufes insgesamt erfolglos gewesen sei. Wie der Verkauf vonstatten gegangen ist, könnte z.B. an Hand der Gouvernementszeitungen nachgewiesen werden, und zwar in der Weise, wie Kemming von Wistinghausen dies für den estländischen Güterbesitz in einer Quellensammlung versucht hat²⁵.

Disher noch wenig ausgewertet wurde z.B. die aus dem Jahre 1902 stammende Agrarstatistik Estlands von Eduard von Bodisco mit dem Titel: "Der Bauerland Verkauf in Estland und Materialien zur Agrar-Statistik Estlands"²⁶. Die Akten, die Eduard von Bodisco verarbeitet hat, stammen zum grössten Teil aus einer

ritterschaftlichen Institution, und zwar der Estländischen Steuerkommission. Diese und andere statistische Angaben müssten an Hand ungedruckter Quellen überprüft und neu ausgewertet werden, damit man endlich festeren Boden unter den Füßen gewinnt, wenn die Politik der verschiedenen politischen Parteien und Gruppierungen im Zusammenhang mit der Agrarpolitik beurteilt werden soll. Schliesslich ist es ja unstrittig, dass die zunehmend wohlhabender werdenden Gesindewirten die ländlichen Stützen der nationalen Bewegungen gewesen sind²⁷.

Wenn man schliesslich an die Forderung Wittrams noch einmal anknüpft, dass nämlich die Institutionen in ihrer Arbeit beurteilt werden müssten, so ist ein Bereich meines Wissens noch kaum von den Quellen her analysiert worden. Gemeint ist die Politik der Gouvernementsregierungen, soweit sie sich auf die Tagespolitik und die Eingriffe in bestimmte ökonomische und soziale Probleme bezieht. Es leuchtet unmittelbar ein, dass die Verhältnisse in den Baltischen Provinzen in den 1860-er Jahren und danach nicht ohne die Entwicklung in Russland nach der Reformpolitik von 1861 gesehen werden können. Zu den Entwicklungen in Russland gehört aber die zunehmende Bürokratisierung der Verhältnisse von oben, eine Bürokratisierung, die eben auch in den Baltischen Provinzen ihre wesentlichen Auswirkungen hatte. Weder ist ausreichend untersucht, wie die russische Zentralbürokratie nach 1860 die Unterschiede zwischen Russland und den Baltischen Provinzen beurteilt hat, noch ist die Politik der russischen provinziellen Bürokratie, die doch immer stärkeren Einfluss innerhalb der Provinzen gewann und von den Ritterschaften z.B., aber auch von den städtischen Magistraten, zunehmend als konkurrierender Machtträger angesehen worden ist, in ihren Grundzügen und

Schwerpunkten analysiert worden²⁸. So ist es kein Wunder, dass die deutsch-baltische Historiographie zu ihrem eigenen Nachteil schon von ihrem Quellenmaterial her auf die Optik der Kritiker eingeschworen ist, die sich im eigenen Lager fanden. Damit ist zwar nicht ausreichend erklärt, warum sich die deutsch-baltische Geschichtsschreibung über das 19. Jahrhundert so stark auf die Gruppe der deutschen Oberschicht selbst fixiert hat. Aber auch die Analytiker der Geschichte der nicht-revolutionären und der revolutionären Bewegungen in den Baltischen Provinzen Russlands dürften auf längere Sicht einer Verengung ihres Blickwinkels unterliegen, wenn sie die Rolle der russischen Gouvernementsregierungen und der ihr unterstellten russischen Bürokratie nicht nach eigenem Gewicht einzuschätzen vermögen.

In diesem Zusammenhang ist vom Begriff der "Russifizierung" zu sprechen. Von M. Duchanov und I. Ronis ist darauf hingewiesen worden, dass Russifizierung nicht zu jeder Zeit dasselbe bedeutet haben kann, eine Auffassung, der zuzustimmen ist²⁹. Dem Vorschlag jedoch, den Begriff aufzugeben und stattdessen von staatlichen Druck zu sprechen, kann aber wohl nicht durchgängig gefolgt werden. Seit den 1880-er Jahren mussten in den Ostseeprovinzen bestimmte Funktionsträger eben Russen sein oder sich innerhalb der russischen Bürokratie wenigstens unauffällig bewegen können. Das führte zu Verdrängungsprozessen, die nach der Gerichts- und Schulreform von 1885-1887 auf Kosten deutscher Juristen, deutscher Lehrer und auch deutscher kleinerer Angestellter gingen. Die steigende Machtposition der griechisch-orthodoxen Kirche stand ebenfalls im Zeichen einer gewissen Unifizierungstendenz, die von der Zentrale, nicht zuletzt von Pobedonoscew, unterstützt wurde. Die deutsch-baltische Historiographie hat durch lange Jahre die Manipulation von aussen sicher überbort. Das kann

aber nicht bedeuten, dass es nicht auch innerhalb der Provinzen von oben nach unten Tendenzen gegeben hat, die Präsenz Russlands in den Baltischen Provinzen über das Militärische hinaus massgeblich zu fördern³⁰.

Wir kommen damit zu Problemen der Periodisierung der baltischen Regionalgeschichte im 19. Jahrhundert und damit auch zum dritten Teil der Bemerkungen Wittrams zum Stand der baltischen Geschichtsforschung: "Erkannt werden müssen die Veränderungen im Sinne eines vielschichtigen, ungleichartigen, Ereignisse und Abläufe umschliessenden Prozesses von heterogenen Zeitqualität und widerspruchsvoller Zeitstruktur" ... Hier versucht Wittram an eine Diskussion anzuknüpfen, die in Frankreich in der Schule "Annales" geführt worden ist und in Deutschland vor allen Dingen von Reinhart Koselleck aufgenommen wurde. Koselleck fordert eine "Theorie der historischen Zeiten" und meint damit, bezogen auf den Gegenstand unseres Interesses etwa den Umstand, dass in ständisch geprägten Gesellschaften Veränderungen in einem viel längeren Zeitraum sich abspielten, viel mehr Zeit brauchten, als etwa in modernen hochentwickelten Industriegesellschaften, wo in der Tat ja gerade im historischen Bewusstsein der Gegenwärtigen mancher, was noch vor wenigen Jahren höchste Brisanz beanspruchte, angesichts der allenthalben konstatierten Schnelllebigkeit und Geschichtslosigkeit schon zur Steinzeit geworden zu sein scheint³¹.

Allerdings ist Wittram nicht zuzustimmen, wenn er feststellt, dass in den baltischen Sozialverhältnissen des 19. Jahrhunderts "das Mittelalter noch Gegenwart" gewesen sei. Dass das Mittelalter im Bewusstsein der deutschen Oberschicht noch bis ins 20. Jahrhundert "ungewöhnlich präsent" gewesen sei, mag im Hinblick auf ein in der Tat erstaunlich ausgeprägtes, aktuell politisch-historisch verbrämtes Interesse am Mittelalter

zutreffen³², deshalb kann aber nicht von einer "ungewöhnlichen Präsenz des Mittelalters" gesprochen werden. Das "ständische Gefüge" (Wittram)³³ war doch schon zu Beginn des 19. Jahrhunderts gesprengt, vor allem angesichts der verschärften ökonomischen Beziehungen zwischen dem Gutsherren und dem Froner, angesichts des Ausbaus kapitalistischer Mächtsinteressen, der ökonomisch bedingten Differenzierung der Landbevölkerung, des Bevölkerungswachstums überhaupt, der vom Westen her vordringenden Ideale der Garantie verfassungsmässiger Freiheiten (Freiheit, Gleichheit, Brüderlichkeit), auch angesichts bestimmter geistiger Veränderungen durch Reformation, Aufklärung und öffentliche Meinung. Eine Theorie der historischen Zeiten müsste im Rahmen unseres engeren Themas klarmachen, dass der Druck, sich für einen Weg der Veränderung zu entscheiden, sich für die Inhaber der regionalen Macht, namentlich für die Ritterschaften, beschleunigte, weil der Druck von unten und der Druck des Staates gleichzeitig zunahm. Es scheint als Tatsache nicht so wichtig, dass "die Beschäftigung mit der Vergangenheit der Provinzen bis über die Mitte des 19. Jahrhunderts fast ausschliesslich auf die deutschen privilegierten Stände und die in diese Schicht eintretenden deutschen Zuwanderer beschränkt blieb"³⁴. Wichtig scheint hingegen, dass diese scheinbar so unangefochtenen Inhaber der privilegierten Rechtspositionen nunmehr gezwungen waren, die Vergangenheit zu interpretieren, weil sie die Gegenwart verändern mussten. Eine Zeitenwende deutete sich insofern an, als Geschichte ein "Reflexionsbegriff" (Koselleck) wurde, dass gerade auch die Deutsch-Balten sich genötigt sahen, Geschichte voranzusehen und schliesslich zu "machen". Wenn aber die Neuzeit im Sinne des ausgehenden 18. Jahrhunderts die Baltischen Provinzen mit nur geringer Verspätung erreichte, dann wird auch auf

diesem Hintergrund der Begriff des Feudalismus immer suspekter. Denn die Deutsch-Balten haben schon im ausgehenden 18. Jahrhundert, schliesslich bewusst daran anknüpfend von den 1830-er, 1840-er Jahren an, eine öffentliche Auseinandersetzung um Veränderungen im Sinne des modernen Geschichtsbegriff führen müssen und geführt. Der Nachweis kann hier nicht im einzelnen gegeben werden, aber er fiel nicht schwer. Die Haupt Sorge die z.B. die Brüder Hueck um 1845 ausserten, gipfelte in der Feststellung, dass die Baltischen Provinzen im Verhältnis zu technischen Entwicklungen im Agrarbereich in England, Frankreich, Württemberg, Sachsen und insbesondere in Preussen hoffnungslos in Rückstand geraten könnten. Historische Vergleiche und Anknüpfungen wurden zumindest punktuell gesucht, um die Rolle der Ritterschaften und der wachsenden Zahl der dem agrarpolitischen Fortschritt Verpflichteten neu zu bestimmen³⁵.

In seinem Buch "Murrangulised nel'jakümnendad" (perelomnye sorokovye gody) aus dem Jahre 1978 hat J. Kahk die Feststellung getroffen, dass es den baltischen Adligen gelang, "ihre Pläne, die für die Bauern freilich eine der allerschlimmsten Variante darstellten, vor allen Dingen dank einem für sie günstigen Zusammentreffen historischer Umstände, durchzusetzen. Die Ritterschaft des Baltiku 3 war in der Lage, die Grundsätze der Agrarreformen gerade vor der Gestaltung der revolutionären Situation in Russland auszuarbeiten und eine spätere radikale Veränderung der Reformprinzipien zu vermeiden"³⁶. Offenbar geht J. Kahk davon aus, dass die Agrarreform von 1861 für Russland auch in den Ostseeprovinzen der bäuerlichen Landbevölkerung eher zugute gekommen wäre, als der eingeschlagene "preussische Weg". In diesem Zusammenhang ist festzustellen, dass eine Übertragung der russischen Agrar-

verfassung, des "mir", niemals zur Debatte gestanden hat. Unter diesem Aspekt scheint die Verknüpfung mit den Veränderungen in Russland also unhistorisch zu sein. Es war ja gerade das Kennzeichen der Agrarreformen in den Baltischen Provinzen Russlands, dass auf Veränderung bedachte Vertreter der russischen Reichsregierung im Zusammenwirken mit Vertretern der baltischen Ritterschaften Reformparagraphen ausarbeiteten, die in den Ostseeprovinzen Russlands eine vom übrigen Russland unabhängige Entwicklung einleiten sollten. Die Übertragung der Mir-Verfassung auf die Ostseeprovinzen wäre einer sozialen Revolution von oben gleichgekommen und hat meines Wissens niemals zur Debatte gestanden. Keineswegs allein aus Revolutionsfurcht, sondern in ausgesprochener Anerkennung der führenden Rolle der Ritterschaften in den Baltischen Provinzen sind dort vielmehr Agrargesetze zum Zuge gekommen, die den Übergang zur Geldpacht und zum Bauernlandverkauf beschleunigen und vereinfachen sollten. Der staatliche Druck bezog sich weniger auf den materiellen Gehalt dieser Gesetzparagraphen, sondern vor allen Dingen auf die Beschleunigung des Tempos bei der Durchsetzung von Agrarreformen³⁷.

Damit soll keineswegs einer zu engen Provinzialisierung der Geschichtsschreibung über die baltischen Gebiete das Wort geredet werden. M. Duchanov und I. Ronis machen zu Recht den Einwand, dass die bisherige deutsch-baltische Geschichtsforschung die Veränderungen in den Ostseeprovinzen insgesamt zu wenig im Lichte der sozialökonomischen und politischen Veränderungen in Russland nach 1861 gesehen habe. Dabei äussern sie allerdings die Auffassung, dass die Ängste der Ritterschaften vor allem durch das mögliche Suchen der Regierung nach einer breiteren Basis in der Region hervorgerufen worden seien; die Tatsache, dass konstitutionelle und nationale Strömungen von Russland aus gefördert

wurden, sei von der deutsch-baltischen Historiographie einseitig nur als Gefahr für die deutsche Oberschicht ausgelegt worden. Gefragt wird, warum in diesem Zusammenhang immer noch von Russifizierung und von bürokratischen Tendenzen gesprochen werde. Faktisch würde auf diese Weise der hauptsächlichste Widerspruch im Innern der herrschenden Schichten ganz Russlands übergangen - das durch die Erschütterung der Revolution hervorgerufene Schwanken der Selbstherrschaft in Richtung zur Grossbourgeoisie hin. Die Autokratie habe sich nach 1861 doch von der feudalen Selbstherrschaft zu einer bürgerlichen Monarchie hin entwickelt. Zusammen mit dem rechten russischen Adel (im Unterschied etwa zum Zemstvo-Adel) sollen nach M. Duchanev und I. Ronis die deutsch-baltischen Ritterschaften eine "oligarchische Opposition" innerhalb Russlands gebildet haben, die darauf ausgerichtet gewesen sei, die Reformen der frühen 1860-er Jahre grundsätzlich in Frage zu stellen³⁸.

In der Tat wäre eine aufschliessende Untersuchung über den Zusammenhang zwischen den Reformen in der baltischen Region und in Russland selbst ein Desiderat. Dazu wären einige Vorstudien nötig, die sich, wie erwähnt, auf die russische Reichsregierung, die Gouvernementsregierungen, aber auch auf die russische Residenzpresse und die lokalen Presseorgane beziehen müssten³⁹. In der Periodisierungsfrage schliesslich besteht aber wohl in der sowjetischen Geschichtswissenschaft noch keine Sicherheit darüber, ob die Behauptung von Übergang zur bürgerlichen Monarchie seit 1861 überhaupt zutrifft. Während Avrech ja den Versuch machte, den Charakter eines bereits bürgerlichen Herrschaftssystems und eines Rechtsstaates, eines dualistischen oder zweiklassigen Staates, nachzuweisen, wurde z.B. von Aleksandr M. Davidov in seinem Buch "Samoderžavie v epochu imperializma" (Klasso. i sotsialno-ekonomičeskaja evolyucija

absolutizma v Rossii). Moskau, 1975, jede Zuordnung der Bourgeoisie zur Selbstherrschaft als verfehlt angesehen und festgestellt, dass die Selbstherrschaft ihrer Klassenbasis wie auch dem Staatstyp nach im Wesen unverändert geblieben sei. Die neue politische Klasse der Bourgeoisie sei politisch nach wie vor unterjocht worden, obwohl sie ökonomisch zunehmend geherrscht habe. Die These läuft auf die Bonapartismustheorie hinaus, an deren Stelle wird aber auch von der fast uneingeschränkten Selbstherrschaft des Zaren gesprochen⁴⁰. In Bezug auf den deutsch-baltischen und den russischen Adel kann freilich unter keinen Umständen von einem Klassenbündnis gesprochen werden. Der deutsch-baltische Adel blieb vielmehr an einer Sonderrolle interessiert. Auch wenn gute Verbindungen zu bestimmten Spitzenpolitikern des russischen Adels bestanden, gab es eine ausgeprägte Gegnerschaft zu den russischen Adels-Institutionen unterschiedlicher Provenienz. Die baltischen Ritterschaften hatten an einer oligarchischen Opposition gegen die Selbstherrschaft nicht das geringste Interesse. Ihr Ziel war es vielmehr, bis zur Revolution von 1905 und darüberhinaus in enger Anpassung an die Selbstherrschaft und in absoluter Loyalität zum Zaren Freiräume zu erstreiten, die es der Ritterschaft als dem führenden Teil der deutschen Oberschicht ermöglichen sollten, im regionalen Bereich die konkurrierenden Herrschaftsansprüche der Bürokratie und der nationalen Bewegungen zu mildern oder gar auszuschalten⁴¹. Der in der russischen Residenzpresse so stark geschürte nationale Konflikt zwischen Russen und Deutschen im baltischen Gebiet diente wohl dem Zweck, die Angleichung dieser Westprovinzen an Russland zu beschleunigen. Sicherheitsinteressen angesichts des neugegründeten Deutschen Reiches von 1870/71 waren in Spiel, nicht zuletzt auch Reaktionen auf den zweiten polnischen Aufstand von 1863. Es hat aber den Anschein, dass aufs

Ganze gesehen Unifizierungs- und Russifizierungstendenzen dadurch gemildert wurden, dass es den Ritterschaften immer wieder gelang, unter anderem den fiskalischen Nutzen ihrer Selbstverwaltung eindrucksvoll zu demonstrieren. Das Prinzip der Selbstbesteuerung der Ritterschaften, das System der Verteilung der Lasten des Wegebau etc. durch selbstorganisierte Kräfte in den Landgemeinden, die scheinbar stabilen Sozialverhältnisse vor 1905 müssen als so gewichtig angesehen worden sein, dass eine radikale Revolution von oben im Sinne einer Angleichung der Institutionen an die des Russischen Reiches in wichtigen Bereichen unterblieb⁴². Die Vielfalt und Besonderheit baltischer regionaler Institutionen müsste stärker als bisher in den Blick treten, wobei durchaus nicht nur an die deutsch-baltischen Institutionen zu denken ist. Die deutsch-baltische Geschichtsforschung zu den Jahren 1860-1900 hat angesichts ihrer Betonung nationaler Konfliktlagen die Wichtigkeit deutsch-baltischer Institutionen zu einseitig herausgearbeitet, so dass von ihr über lettische, estnische, jüdische und regionale russische Institutionen zu wenig gewusst wird.

Betrachtet man schliesslich die Ergebnisse der deutsch-baltischen Geschichtsforschung zum Krisenjahr 1905, so muss ohne weiteres eingeräumt werden, dass es bisher nur sehr unzureichende, ja abwegige Erklärungsversuche zu den Ereignissen von 1905-1907 gegeben hat⁴³. Charakteristischerweise fehlt überhaupt eine tragfähige deutsche Darstellung zur baltischen Geschichte zwischen 1900 und 1914, was nicht als zufällig anzusehen ist. Die revolutionäre Krise von 1905/06 hatte den Zusammenbruch aller bisherigen Ordnungsvorstellungen zur Folge, wie sie die Ritterschaften unter dem Gesichtspunkt der L. iernisierung des Landes

im 19. Jahrhundert entwickelt hatten. Nach 1905 spielten die Ritterschaften politisch ohnehin eine ganz untergeordnete Rolle. Unter Stolypin erstarkte vielmehr die russische Bürokratie in der Region noch einmal sehr deutlich. Studien zur Politik der Generalgouverneure in den Baltischen Provinzen, die es ja charakteristischerweise ab November 1905 wieder gab, und das erstmals seit 1376, fehlen meines Wissens fast ganz.

Wir kommen zur Schlusszusammenfassung. Mit Recht haben M. Duchanov und I. Ronis darauf hingewiesen, dass deutsch-baltische Geschichtsforschung zum 19. und beginnenden 20. Jahrhundert im wesentlichen Erforschung des politischen Verhaltens der deutsch-baltischen Oberschicht gewesen ist und in gewisser Weise auch noch ist. Als fauschauburteil über die baltische Geschichtsforschung schlechthin scheint mir eine solche Kennzeichnung allerdings unzutreffend zu sein. Die deutsche Mittelalterforschung etwa und die Erforschung der frühen Neuzeit sind weit weniger einseitig auf deutsche Gruppen und Belange fixiert, als es die Geschichtsschreibung zum 19. Jahrhundert sein mag⁴⁴. Dass Geschichte der baltischen Region aus deutscher Sicht vielfach nur Geschichte der Deutsch-Balten gewesen ist, hat gewiss etwas mit dem besonderen Interesse zu tun, das im Deutschen Reich rechts von der liberalen öffentlichen Meinung an den deutsch-baltischen "Stammesbrüdern" entwickelt wurde. Über die baltische Emigration des 19. Jahrhunderts in Deutschland müsste noch einmal breiter gearbeitet werden.⁴⁵ Die politischen Traditionen des Historismus haben ein übriges getan. Weil bis über die 1860-er Jahre hinaus faktisch nur Deutsch-Balten und Russen einen durchschlagenden regionalen Einfluss hatten, wurde in der Geschichtsschreibung der "deutsch-russische Konflikt an der Ostsee" (von 1869) so deutlich hervorgehoben.

Schliesslich wurde unter dem Zeichen der "Volksgeschichte" aus der baltischen Regionalgeschichte sogar eine Geschichte der baltischen Deutschen. Aber das war eine temporär begrenzte, wenn auch sehr folgenreiche nationale Hypertrophie, die überwunden ist. Es gibt vielmehr Anzeichen, dass die deutsche, auch gerade die westdeutsche Geschichtsforschung über die baltische Region sich mit den rationalen Bewegungen, den revolutionären Bewegungen, der Geschichte der gewandelten Institutionen und Produktionsformen der Sache nach beschäftigt. Gewiss werden wir einer politischen Sozialgeschichte verpflichtet bleiben, weil für uns sozialer und politischer Wandel eng zusammengehören. Im Übergang von der Agrargesellschaft zur Industriegesellschaft, der sich am Ende des 19. Jahrhunderts deutlich manifestiert, müssen vor allem die Grenzen der nationalen Geschichtsschreibung überwunden werden. Denn den Niedergang der deutsch-baltischen Oberschicht, die gerade nach 1905 so gern führende Schicht bleiben wollte, kann man nur erklären, wenn man über den engeren Rahmen der deutsch-baltischen Geschichte weit hinausgreift. Gründe für diesen Niedergang liegen in der Stärkung der russischen Bürokratie unter Stolypin, in der geringen Teilhabe der Deutsch-Balten an konstitutionellen Entwicklungen in Russland nach 1905⁴⁶ und an der gleichzeitigen wachsenden Bedeutung lettischer und estnischer Parteien und Gruppierungen nichtrevolutionärer und revolutionärer Provenienz.

Anmerkungen

¹ R. Wittram. Methodologische und geschichtstheoretische Überlegungen zu Problemen der baltischen Geschichtsforschung. In: Zeitschrift für Ostforschung, 20, 1971, S. 601-640, Zitat S. 639 f.

² M.M. Duchanov. Ostzeļcy. Politika ostzeļskogo dvorjantstva v 50-70-ch gg. XIX v. i kritika ee apologetičeskoj istoriografii. 2-e pererabotannoe i dopolnennoe izdanie, Riga, 1978, bes. S. 53ff., 84ff., 227ff; J. Kahk, Murrangulised neljakūnendad (perelomnye sorokovye gody). Tallin, 1978, bes. S. 183-208.

³ Vgl. die Tagungsprogramme des 1. und 2. Marburger Symposiums vom Juni 1979 und Oktober 1981 im Herder-Institut in Marburg/Lahn in der Bundesrepublik und das Programm der Vorgänger-Tagung in Riga vom April 1981. Werke aus den Sowjetrepubliken Estland, Lettland und Litauen werden vor allem in der "Zeitschrift für Ostforschung", Marburg/Lahn, rezensiert. Die neueste grössere Rezension von Werken aus der Bundesrepublik:

M. Dušanovs, I. Ronis. Par dažām jaunā iezīmēm mūsdienu Baltijas istoriogrāfijā Vācijas Federatīvajā Republikā (Sakarā ar G. Pistorkorsa grāmatu "Brūnleības reformu politika starp rusifikāciju un revolūciju). In: Latvijas PSR Zinātņu Akadēmijas Vēstis 10, 1982, S. 35-51. Auch in: Germanija i Pribaltika, Sbornik naučnych trudov, Riga, 1981, S. 109-134 (russisch).

⁴ Jānis Zutis. Očerki po istoriografii Latvii. Čast 1: Pribalstisko-nemeckaja istoriografija. Riga, 1949, S. 44, 49, 67, 72, 116, 122, 127 ff, 140, 144, 147ff., 152ff. (Über J. Eckardts Kulturbegriff), 166-182 (Über die apologetische Richtung mit Hermann Baron Bruiningk

als Exponenten), 194ff. (Über Astaf von Transehes Russlandfeindschaft), S.217ff. (Deutschbaltische Historiographie nach dem Ersten Weltkrieg), S.236-257 (Schlusszusammenfassung).

5 R.Wittram. Methodologische ... Überlegungen, S.612. Wenn Wittram ebd. feststellt, dass Tobien "nicht eigentliche Agrargeschichte - die Geschichte der Produktivkräfte und Produktionsverhältnisse, des Rentabilitätsproblems, der Lohn- und Preisrelation, der Sozialstruktur, des Arbeitsprozesses und des Lebensstandards"... geschrieben habe, so verweist er damit freilich auf ein Defizit, das von der deutsch-baltischen Geschichtsschreibung jedenfalls bis auf den heutigen Tag nicht eingelöst werden konnte.

6 R.Wittram. Baltische Geschichte. Die Ostseelände Livland, Estland, Kurland 1180-1918. Grundzüge und Durchblicke. München, 1954, bes.S.152 ff.

7 Vgl. etwa A.Tobien. Zur Geschichte der Bauernemanzipation in Livland. In: Baltische Monatsschrift (B.M.) 27, 1880, S.273-303; Beiträge zur Geschichte der livländischen Agrargesetzgebung. B.M. 28, 1881, S.699-731; B.M. 29, 1882, 81-109, 370-408. Dazu seine Hauptwerke aus späterer Zeit: Die Agrargesetzgebung Livlands im 19. Jahrhundert, 2 Bände. Berlin, 1899, Riga, 1911. Die Livländische Ritterschaft in ihre Verhältnis zum Zarismus und russischen Nationalismus, 2 Bände, Riga 1925, Berlin 1930 (posthum).

8 Zur wachsenden Rolle des Bürgerstands grundlegend: Wilhelm Lenz sen., Der baltische Literatenstand, Marburg 1953 (Wissenschaftliche Beiträge zur Geschichte und Landeskunde Ost-Mitteleuropas 7) sowie R.Wittram. Liberalismus baltischer Literaten. Zur Entstehung der baltischen politischen Presse, Riga 1931 (Abhandlungen der Herder-Gesellschaft u. des Herder-Instituts zu

Riga, 4.Bd. Nr.9). Mit einigen kritischen Nuancierungen zum bisherigen Forschungsstand der Beitrag des Verfassers: "Hamlet in Reval": Bürgerbewusstsein und Meinungsfreiheit in den Ostseeprovinzen Russlands. Nach den Papieren Leopold von Pezolds 1855-1871. In: Reval und die baltischen Länder. Festschrift für Hellmuth Weiss zum 80.Geburtstag, hrsg.v. Jürgen von Hehn und Csaba J. Kenez, Marburg 1980, S.27-46. Lenz sieht den baltischen Literatenstand als etwas Einmaliges an, der nur in der baltischen Ständegesellschaft entstehen konnte, vgl. Literatenstand, S.1.

9 Carl Schiören, Livländische Antwort an Herrn Jurij Samarin, Leipzig 1869, S.174.

10 Juhan Kahk. Die Krise der feudalen Landwirtschaft in Estland (Das zweite Viertel des 19.Jahrhunderts). Tallinn 1969, passim. (Russ.Titel im Impressum: Kriisid feodal' nogo sel'skogo chozjajstva v Estonii vo vtoroj četverti XIX veka). Auf die Krisenzeit zwischen 1825 und 1850 ist Kahk auch in "Murrangulised neljakümnead" (vgl.Ann.2) und in seinem neuesten Buch "Peasant and Lord in the Process of Transition from Feudalism to Capitalism in the Baltics, Tallin 1982, eingegangen. Vgl. auch seine Auseinandersetzung mit Kahk in: Ritterschaftlicher Reformpolitik zwischen Russifizierung und Revolution, Göttingen 1978 (Göttinger Bausteine zur Geschichtswissenschaft 48, S.45ff.

11 Auf den Quellenwert der entsprechenden Fonds verweist L.Baležica mit ihrer Arbeit: Vidzemes Muiznieku Kredītbiedrības fonds - plašs avots Vidzemes muizku un zemnieku saimniecību pētīšanai XIX gs.beigās un XX gs.sākumā. In: LPSR ZA Vēstis 1975.

12 Hans Dieter von Engelhardt/Hubertus Neuschäffer. Die Livländische Gemeinnützige und Ökonomische Sozietät (1792-1939), Köln 1983 (Quellen und Studien zur balti-

schön Geschichte, hrsg. v. Paul Kaegbein u. Gert von Pistohlkors, Bd. 5).

13 August Traat, Vallakohus Eestis, Tallin 1980, Zitate S. 228 und 232.

14 Neueste Arbeit: Horst Garve, Konfession und Nationalität. Ein Beitrag zum Verhältnis von Kirche und Gesellschaft in Livland im 19. Jahrhundert, Marburg 1978 (Wirtschaftliche Beiträge zur Geschichte und Landeskunde Ostmitteleuropas 110), bes. S. 68ff., S. 95ff.

15 Kahk hat in "Peasant and Lord" (Anm. 10) die Sozialbeziehungen auf eine Kurzformel gebracht, die meines Erachtens den Verhältnissen im 19. Jahrhundert nicht gerecht wird: "The evolution of the relations between the manor and peasant households proceeded according to a quite simple scheme. As on the manor fields so on the peasant farm the only productive force was peasantry"... Bei aller Bereitschaft, den Reformimpuls der Ritterschaften deutlich zu relativieren: Kahk selbst führt Beispiele dafür an, dass die Rittergutsbesitzer selbst um eine Verbesserung der Fruchtwechselwirtschaft und die Abschaffung der Frone gerungen haben, vgl. Kahk, Krise, S. 26 ff., bes. S. 165 ff.

16 Über Merkel: Deutsch-baltisches biographisches Lexikon (DBBL), hrsg. v. Wilhelm Lenz sen., Köln, Wien 1970, S. 509. Auch Baron Fölk...sahm wird von Kahk, Krise, S. 165, mit kritischen Bemerkungen über die Agrarzustände positiv zitiert.

17 Über die Brüder Alexander und Carl Ferdinand von Hueck vgl. DBBL, S. 345. Kahk, Krise erwähnt die Brüder von Hueck insgesamt 33 mal als Protagonisten der rationalen Landwirtschaft.

18 Zitat aus C.F.von Hueck, Das Munnalas in Ehistland und meine Bewirthschaftung desselben in den Jahren 1838-1845. Mit besonderer Berücksichtigung der landwirtschaftlichen Verhältnisse Ehistlands, Reval 1845, S.49 f. Vgl. auch A.v.Hueck, Darstellung der landwirtschaftlichen Verhältnisse in Ehst- Liv- und Curland. Leipzig 1845, bes.S.V und 199.

19 Vgl. u.a. A.Tobien. Die Livländische Ritterschaft II S. 110 f. Vgl. auch z.B. den ungezeichneten, aber dem späteren Revaler Staathaupt, Thomas Wilhelm Greiffenhagen, zuzuschreibenden Artikel "Die projectirte Eisenbahn in Ehistland" (Revalsche Zeitung 36, 11.8.1860), aus dem die breite Diskussion gerade auch in deutschbaltischen Kreisen über die 1870 eingerichtete Eisenbahn St.Petersburg-Narva-Reval hervorgeht. Über Greiffenhagen DBBL, S. 257.

20 Vgl. etwa die Artikel Greiffenhagens "Streiflichter auf dem Gebiet einheimischer Rechtspflege" (Revalsche Zeitung 275, 25.11.1861, u.folgende Nummern).

21 Zu den angeführten Statistikern vgl. DBBL S.316, 359, 359 f., 803. Im Manuskript abgeschlossen liegt ein Beitrag des Verfassers vor mit dem Titel: Geschichtsschreibung und Politik: Die Agrar- und Verfassungsproblematik in der deutschbaltischen Historiographie und Publizistik 1800-1918. Er wird in einem Sammelwerk über die deutschbaltische Geschichtsschreibung von den Anfängen bis zur Gegenwart erscheinen, das von Georg von Rauch herausgegeben und in der Reihe des J.G.Herder-Instituts "Ostmitteleuropa in Vergangenheit und Gegenwart" voraussichtlich im Jahre 1985 erscheinen wird. Dort wird auch ausführlicher auf die einschlägigen Abhandlungen in der "Baltischen Monatschrift" eingegangen, die von 1859 an in Riga erschien.

22 Vgl. den Beitrag des Verfassers "Das Urteil Alexander Wäbers über das Scheitern der lettischen nationalen Bewegung und die Ursachen der lettischen Revolution von 1905/06". In: Das Vergangene und die Geschichte. Festschrift für Reinhard Wittram zum 70. Geburtstag, hrsg.v. Rudolf von Thadden, Gert von Pistohlkors und Hellmuth Weiss. Göttingen 1973, S.232-271, bes.S. 254 ff.

23 Neuere Zusammenfassungen: M.Kozins. Dažas agrārā kapitālisma attīstības problēmas Latvijā (19.gs. otrā pusē). In: Kapitālisma attīstības un revolucionārās kustības problēmas Latvijā, Riga 1980, S.140-157. Tiit Rosenberg, Über die Vertiefung der sozialen Schichtung im estnischen Dorf in der zweiten Hälfte des 19.Jahrhunderts Vortrag auf der 7. Konferenz über baltische Studien in Skandinavien, Stockholm 1983, Manuskript vervielfältigt).

24 Vgl. J.Kahk. Murrangulised neljakümendad, S.240, wo an die entsprechende Feststellung der Hinweis geknüpft wird, dass die Bauern schon in den 1860er Jahren ähnliche Reformen wie in Russland nach 1861 gefordert hätten. Sie hätten damit objektiv für einen schnelleren gesellschaftlichen Fortschritt gekämpft. Eine solche Verknüpfung und Wertung scheint "unhistorisch", da an eine Übertragung der Mir-Verfassung zu Zeitpunkt gedacht wurde und der Agrarstand in den Ostseeprovinzen immer höher war als im Innern Russlands.

25 Vgl. Henning von Wistinghausen. Quellen zur Geschichte der Rittergüter Estlands im 18. und 19.Jahrhundert (1772-1889), Hannover 1975 (Beiträge zur baltischen Geschichte 3).

26 Erschienen Reval 1902. Über Bodisco (1863-1940), zwischen 1894 und 1920 Sekretär der Landsteuerkommission der Estländischen Ritterschaft, DBBL, S.81 f.Zum

Komplex der Agrarpolitik des frühen 20. Jh.: Sirje Kivimäe, Stolypinskaja agrarnaja reforma v Pribaltike. (Kandidatskaja dissertacija) Tallin 1981.

27 Zu diesem Komplex jetzt grundlegend: Eduard C. Thaden, Hrsg., Russification in the Baltic Provinces and Finland, 1855-1914, Princeton University Press 1981 (dort vor allem die Beiträge von Andrejs Plakans über die Letten und Toivo U. Raun über die Esten, S. 207-284; 287-354).

Aus sowjetestnischer Sicht: T. Karjahärm, Estonskaja buržuazija i samodržavie v 1905-1907 gg. (Doktorskaja dissertacija) Tallinn 1983.

28 Zur Einstellung der zentralen Bürokratie zum Problem der westlichen Randgebiete aber E. C. Thaden, ebenda, S. 15-108, unter dem Titel: The Russian Government.

29 Vgl. Duchanov/Ronis, Par dažām jaunā iezīmēm, S. 46. In ähnlichem Sinne Pistohlkors, Ritterschaftliche Reformpolitik, S. 61.

30 Eine Verbrämung von staatlich-staatskirchlichem (russisch-orthodoxem) Machtanspruch stellten etwa die "Pastorenprozesse" dar, denen in den 50er. mehr noch in den 1890er Jahren bis über 90% der livländischen Pastoren ausgesetzt waren, weil sie zur rechthgläubigen Kirche Übergetretene zum Abendmahl zugelassen haben sollten oder zugelassen hatten. Vgl. dazu H. Carve, Konfession und Nationalität, S. 183ff., 251 ff.

31 Vgl. Reinhart Koselleck, Wozu noch Historie? In: Historische Zeitschrift (HZ) 212, 1, 1971, S. 15 f.

32 R. Wittram, Methodologische ... Überlegungen, S. 625.

33 R. Wittram, Das ständische Gefüge und die Nationalität. Zum Strukturwandel in den baltischen Adelslandschaften im 19. Jahrhundert. In: Derselbe, Das Nationale als europäisches Problem, Göttingen 1954, S. 149-160.

- 34 wie Anm. 32.
- 35 Vgl. C.F. von Hueck, Munnalas, S. 49, aber auch A. von Hueck. De. Stellung, S. 104-114 und passim.
- 36 J. Kahk, Murrangulised neljaktünnendad, S. 240.
- 37 G. v. Pistohlkors, Ritterschaftliche Reformpolitik, S. 56 ff.
- 38 Vgl. Duchanov/Ronis. Pär dažām jaunām lezinām, S. 46 f.
- 39 Wertvoll ist immer noch die Untersuchung von S. G. Isakov, Ostzejskij vopros v russkoj pečati 1860ch godov. Tartuskogo gosudarstvennogo universiteta 107 vypusk, Tartu 1961.
- 40 Besonders deutlich wohl in A. Ja. Avrechs Arbeit "Carizm i tret' eijunskaja sistema", Moskva 1966. Hart kritisiert wird er von Aleksandr M. Davidovič, "Samoderžavie v epochu imperializma" (Klassovaja suščnost' i evolucija absoljutizma v Rossii), Moskva 1975. Vgl. auch die Rezension des letztgenannten Buches von Manfred Hagen, in: Jahrbücher für Geschichte Osteuropas 25, 1977, S. 444-447.
- 41 Gert von Pistohlkors. Ritterschaftliche Reformpolitik, bes. S. 122 ff.
- 42 Dazu gibt es eine Reihe von Hinweisen, die am überzeugendsten im erwähnten Buch von E. C. Thaden und seinen Mitarbeitern Haltzel, Plakans und Raun herausgearbeitet worden sind (vgl. Anm. 27).
- 43 R. Wittram musste sich in Ermangelung besserer Ausarbeitungen noch in seiner Baltischen Geschichte von 1954 auf Astaf von Transe, Die Lettische Revolution, Berlin 1906 07 2 Bde. anonym stützen, ein Werk, das, wie erwähnt nur als Kampfschrift zu bezeichnen ist.
- 44 Vgl. z. B. Paul Johansen/H. L. von zur Mühlen,

Deutsch und Undeutsch im mittelalterlichen und frühneuzeitlichen Reval, Köln, Wien 1973 (555 S.) (Ostmitteleuropa in Vergangenheit und Gegenwart 15).

45 Vgl. aber P. Krupnikov. Der Meinungskampf in der Publizistik Deutschlands über die sozialen und nationalen Probleme der Revolution von 1905 in Lettland. In: Die baltischen Provinzen Russlands zwischen den Revolutionen von 1905 und 1917, hrsg. v. Andrew Ezergailis u. Gert von Pistohlkors, Köln, Wien 1982, S. 173-185; Wilhelm Lenz, Baltische Propaganda im Ersten Weltkrieg. Die Broschürenliteratur über die Ostseeprovinzen Russlands, ebenda, S. 187-204.

46 Vgl. Manfred Hagen. Die Deutschbalten in der III. Duma. Zwischen nationalem Abwehrkampf, Autonomiestreben und Klassenkampf., In: Zeitschrift für Ostforschung 23, 1974, S. 577-597. Derselbe, Die Entfaltung politischer Öffentlichkeit in Russland 1906-1914, Wiesbaden 1982 (Quellen und Studien zur Geschichte des östlichen Europa Band XVIII, hrsg. v. Günther Stökl). In dieser Habilitationsschrift werden die Veränderungen nach 1905/06 in ganz Russland in einen Gesamtzusammenhang gestellt.

Резюме

Автор опирается на ряд методологических положений Р. Виттрама, послуживших началом развертывания плодотворного диалога с советскими историками. Р. Виттрам считал неправомерной оценку позиции прибалтийских дворян по вопросу о реформах как реакционной, хотя и признавал, что готовность этих слоев к изменениям была в XIX в. недостаточной.

Не следует считать прибалтийских немцев более едиными, чем они были на самом деле, и видеть в их действиях преэминентность на протяжении длительного времени. Доминировали переломные моменты /*Brüche*/. Менялось и само дворянство. К тому же, несмотря на свое преобладание, оно как носитель привилегий, подвергалось с середины XIX в. критике.

Аграрные реформы 40-60-х гг. — вариант прусского пути. Ряд аспектов этой проблемы еще недостаточно изучен, но в целом эти реформы — пример того, что, хотя дворяне к реформам особого влечения не проявили, они все же шли навстречу крестьянам. Поэтому сомнительным представляется противопоставление ретроградов прогрессивным силам, как и применение термина "феодальный". После преодоления материальных трудностей в ходе реализации реформ дворяне отступили на путь модернизации.

Нельзя при оценке социальных условий в XIX в. соглашаться с Р. Виттрамом, что в Прибалтике еще "присутствует средневековье": основная структура уже к началу XIX в. была взорвана. Прибалтийские немцы были вынуждены "предвидеть" историю, а затем "делать" ее. Автор не согласен с Кахком, что был избран худший для крестьян вариант. Не согласен он и с тем, что это делалось только из страха перед революцией: сказались

понимание собственной вешней роли в обеспечении перехода к крестьянской земельной собственности и аренде. Давление государства вело лишь к ускорению мер, а не к улучшению материальных условий.

Не согласен автор и с мнением о классовом союзе прибалтийских и русских дворян. Между ними были большие отличия: прибалты — противники русских дворянских институтов, к правительству — абсолютно лояльны, не участвовали в олигархической оппозиции и для себя требовали лишь свободы противодействия притязаниям конкурентов — местной бюрократии и представителям национального движения.

В заключение говорится об ориентации прибалтийско-немецкой историографии на изучение истории "верхов", причинах этого явления и путях его преодоления.

"ДИНА-ЦЕЙТУНГ" ОБ АГРАРНОМ ВОПРОСЕ В
ПРИБАЛТИЙСКИХ ГУБЕРНИЯХ В РЕВОЛЮЦИИ
1905-1907 ГОДОВ

Аграрный вопрос являлся главным вопросом первой буржуазно-демократической революции в России, что было признано не только пролетарскими и мелкобуржуазными партиями, а также либералами, а отчасти и консервативными кругами. Показательно, что в указе сената от 28 ноября 1905 года, которым учредилось временное Прибалтийское генерал-губернаторство и Особое совещание для подготовки необходимых реформ, аграрный вопрос был поставлен на первое место. Иначе говоря, аграрный вопрос, по признанию весьма различных слоев общества, был главным полем борьбы в революции 1905-1907 годов.

В дворянской среде Российской империи оуществовали слои, которые отрицали значение аграрного вопроса в развернувшейся борьбе. К их числу прежде всего следует отнести прибалтийское немецкое дворянство. Рассмотрим его отношение к аграрному вопросу по материалам одной из ведущих немецких газет Прибалтики "Дина-цейтунг", выражавшей интереса немецких привилегированных сословий.

Развернувшееся весной 1905 года революционное движение в прибалтийских губерниях, являвшееся составной частью движения общероссийского, в котором все более активную роль играло аграрное движение, заставило немецкое дворянство и его печать поставить вопрос, в чем причина этого движения, т.к. на страницах латышской, эстонской и русской печати утверждалось, что почвой для аграрного движения, помимо причин, общих для всей России, послужили ненормальные местные аграрные отношения, отсутствие всесословного местного самоуправления, сосредоточение земских, церковных и иных местных дел в руках одного сословия - дворян.

Отвечая критикам, "Дюна-пейтунг" уже в марте 1906 г. в связи с утверждениями о том, что почвой для революционных выступлений в сельской местности Остзейских провинций явились аграрные отношения, писала: "... мы должны выразить самый решительный протест...; наши аграрные отношения, без всякого сомнения, здоровы"¹. Никакого аграрного вопроса в Прибалтике, по мнению газеты, не существует. "Аграрный вопрос служит демократическим партиям, к сожалению, лишь агитационным средством в целях поддержания общего недовольства"². Подобные утверждения встречаются во многих номерах за 1905-1907 гг.³, впрочем, как и других немецких газет Прибалтики.

Отрицая значение аграрного вопроса как причины революционных выступлений в деревне, остзейская печать должна была дать свое толкование этих причин.

В изложении "Дюна-пейтунг" этими причинами были следующие: Изъятие правительственными реформами 80-х годов XIX в. из ведения местного дворянства суда, полиции и школ и передача их в ведение назначаемых правительством чиновников. В памятной записке литовляндского дворянства, направленной министру внутренних дел, прямо указывалось, что "происшедшее в народе смещение понятий о религии, праве и обязанностях" есть следствие реформ 80-х гг.⁴ Более резко об этом говорится в одной из газетных статей: "... на смену порядку, благосостоянию и образованности, господствовавшим в крае, пришла полофа необразованности, бедности и выступлений против любых авторитетов и властей"⁵.

В этих условиях, по мнению газеты, возникновению и разрастанию народного движения способствовала антинемецкая направленность латышской и эстонской прессы и в особенности - деятельность социал-демократии⁶. Значение социал-демократии в руководстве борьбы рабочих и крестьян общеизвестно. Но немецкая печать Прибалтики пыталась убедить общественное мнение, что пожар в деревне разожгли социал-демократы своей агитацией, принуждая

крестьян, в особенности безземельных, выступать против помещиков.

Правда, на страницах печати встречаются и признания, что в сложной ситуации, в которой оказались крупные землевладельцы, есть доля их собственной вины: в свое время они не позаботились о создании прочной опоры онемечиванием латышей или переселением в Прибалтику колонистов немецкой национальности. Более того, еще в 70-80-х годах XIX в. довольно обширный слой немецких специалистов, работавших в имениях, разъехался по городам Прибалтики, а также другим губерниям России из-за неуважительного отношения к ним помещиков, предъявлявшим к ним такие же жесткие требования, как и к латышам⁷. Со страниц газеты звучит призыв сейчас, т.е. в начале XX в., исправить то, что не сделали раньше, — привлечь в Прибалтику немецких колонистов, создав из них опору для поддержки крупного помещичьего землевладения. Как указывала "Дюна-цейтунг", "...нас заботит чувство самосохранения, а не стремление к германизации. Тех латышей и эстов, которые хотят жить с нами в мире, мы, само собой разумеется, отодвигать не намереваемся"⁸.

На страницах латышской, эстонской и русской печати самых разных политических направлений содержались упреки в адрес прибалтийского дворянства в том, что оно все еще цепко держится за свои средневековые привилегии, продажные и арендные цены на землю слишком высоки, в собственности местных помещиков находятся огромные латифундии, слой безземельного крестьянства слишком многочислен. Немецкая печать, естественно, вынуждена была систематически возвращаться к этим вопросам и давать им свою точку зрения. В ряде статей, опубликованных в "Дюна-цейтунг", утверждалось, что привилегии или не имеют значения, так как они практически не используются, или же редуцируют собой права, которыми может пользоваться любой подданный государства, например, право владельцев имений устраивать

базары и ярмарки, право содержать корчмы и продавать пиво и т.д. Даже исключительное право вотчинников на винокурение и пивоварение якобы не имеет существенного практического значения. Что же касается права владельцев имений держать собственную вотчинную полицию, то это не привилегия, а обязанность. Самым же главным доказательством того, что привилегии не наносят вред обществу, немецкие помещики, а вслед за ними и печать считали то, что все эти привилегии предоставлены дворянскому имению, а не его владельцу. Но так как имение может приобрести любой подданный государства, то эти привилегии носят якобы общесословный характер⁹. Этот же довод использовался в связи с политическими правами в самоуправлении краем, которыми пользовались владельцы имений. Столь низкая оценка привилегий не означала, однако, готовности дворянства от них отказаться. "Благ. приобретенные права, будь они не имеющими значения или малоценными, могут быть отменены лишь для всеобщего блага, а не просто потому, что другие лица хотят их получить". Но так как, по мнению газеты, "распространение остатков привилегий на всех землевладельцев не было бы полезным"¹⁰, то единственное разумное решение — оставить эти привилегии за помещиками.

Разумеется, газеты не очень распространялись на тему, что 85% частных имений принадлежало немецким дворянам¹¹, немецкое дворянство ревностно следило за тем, чтобы продаваемые имения не оказывались в руках лиц другой сословной и национальной принадлежности. Так, в связи с тем, что в годы революции было несколько случаев продажи имений не дворянам, на страницах немецкой печати, в том числе и на страницах "Дюна-цейтунг", была поднята целая кампания против продажи имений не дворянам, хотя материально это и было выгодно продавцу. "Разве можно традиции и древнее фамильное владение измерить деньгами?" — патетически восклицает "Дюна-цейтунг".

Материальные интересы отдельных владельцев имений должны быть подчинены интересам корпорации дворянства в целом. "Земля - это наша спора, а мы - консервативная опора государства", - так коротко можно изложить позицию остзейского дворянства, нашедшую отражение на страницах газеты¹³.

В условиях нарастающего крестьянского движения "Дюна-цейтунг" вынуждена была многократно обращаться к положению латвийских крестьян. Особого внимания заслуживает большая статья, опубликованная в пяти номерах газеты в июне-июле 1906 года под названием "Аграрный вопрос в Остзейских провинциях"¹⁴, в основу которой была положена брошюра секретаря статистического бюро ливляндской ландратской коллегии А.Тобина "Аграрный строй материковой части Ливляндской губернии" /Рига, 1906 г./.

Касаясь положений крестьян-собственников, газета решительно не согласна с тем, что цены, по которым крестьянам пришлось покупать землю, слишком высоки, а из-за задолженностей крестьян владельцам имений многие их дворы были проданы с аукциона. Упадок части хозяйств крестьян-собственников обязан, по мнению газеты, с недостатком культуры их хозяев, неумением применять целесообразные методы хозяйствования, а не с высокими покупными ценами¹⁵.

Оправдывая тот факт, что к 1906 году часть крестьянских дворов все еще не была даже запрошена их арендаторам, "Дюна-цейтунг" заявляет, что для земледельческой культуры было бы даже вредно, если бы слой арендаторов вообще исчез и вся арендная земля перешла бы в собственность арендаторов. Польза аренды якобы состоит именно в том, что, в отличие от собственника, арендатор всегда может взять участок, который соответствует его рабочим силам и средствам производства. Ну, а если арендатор ошибся в своих предположениях, то ведь он связан с участком лишь

несколько лет и потом исправит свою ошибку; возьмет в аренду другой участок по своим силам и средствам. Сравнивая арендную плату в Прибалтике с арендной платой в Полтавской и Херсонской губерниях, газета заявляет, что в Прибалтике она невысока, забывая добавить, что издержки производства в южных степных губерниях были значительно ниже, чем в Прибалтике¹⁶.

Требование крестьян о законодательном нормировании арендной платы газета называет "величайшей несправедливостью", далеко идущим государственно-социалистическим вторжением в частно-правовые отношения. Кстати, при рассмотрении арендных отношений газета делает неожиданное признание, что, хотя в Прибалтике законом разрешено заключение лишь денежных арендных договоров, но "допускается и находит всеобщее применение, чтобы аренда по установленному договором в деньгах арендную сумму погашал определенными работами и поставками натурой по единым ценам, что, несомненно, отвечает общим интересам"¹⁷. В этой фразе заключено не только признание, что барщина все еще существует, но и ее оправдание.

О положении батраков, т.е. большинства земледельческого населения края, редакция газеты заявляет, что их, батраков, материальное положение в целом даже лучше, чем многих сельских предпринимателей, а их превращение в самостоятельных хозяев было бы нецелесообразной утопией.

Нарисовав столь благополучную и радужную картину аграрных отношений, редакция, однако, понимает, что читатель может воскликнуть: "Итак, никаких реформ! Все должно остаться по-старому". "Да, — отвечает редакция, — никаких реформ, которые хотя бы отдаленно напоминали думские проекты, исходили бы из изменения нашего аграрного строя насильственными мерами и вели бы к передаче земельной собственности"¹⁸. Процесс надо предоставить его собственному течению.

Исходы из таких предпосылок, "Два-цейтунг" не-

мечает ту меру уступок крестьянству, которую затем защищали представители дворянства в Особом совещании при прибалтийском генерал-губернаторе, где выработывались проекты реформ. Предложения газеты сводились к трем пунктам:

1. Облегчить для крупного землевладения правовые и финансовые условия для основания новых /при том мелких/ хозяйственных единиц на необрабатываемых или нерегулярно обрабатываемых землях имений о последующей сдачей в аренду или продаже таких участков.

2. Расширить для батраков и бобылей институт наследственной аренды участков под домики и огород. Такие наследственные участки, поясняет редакция, в Голштинии обеспечивают крупным хозяйствам "поколения прилежных сельскохозяйственных рабочих"¹⁹.

3. Отменить установленный для крестьянских дворов минимальный размер, разрешить деление дворов ниже установленного минимума.

Применительно к имениям эта программа означала не что иное, как стремление под видом решения вопроса о безземельных включить в сельскохозяйственное пользование пустовавшие земли имений, обеспечить имения постоянной рабочей силой и сделать это за счет труда безземельных и государственного кредита.

Отстаивая изжившие себя экономические и политические институты, остзейское дворянство неизбежно впадало в противоречие. Утверждения, что между помещиками и крестьянами сохраняются патриархальные отношения, чередовались на страницах газеты с жалобами, что латыши неблагодарны, они ненавидят немцев вообще и что эта ненависть родилась не сегодня²⁰.

Отрицая наличие местных причин для недовольства, немецкая печать утверждала, что в революционном движении принимают участие различные хулиганы, они силой принуждают и батраков, и дворохозяев выступать против помещиков. Но, признавая правительство подавить революционное движение силой, требовало прекращения репрессий,

присылки для этой цели в большее число воинских команд, и официальные органы местного дворянства, и немецкая печать утверждали, что "большая часть сельского населения находится в состоянии открытого восстания"²¹.

Как только революционная волна пошла на спад и наступила полоса реакции, остзейское дворянство попыталось использовать ситуацию для усиления своего господствующего положения в крае. Эта крайне реакционная политика прибалтийского дворянства не находила достаточно прочной поддержки даже в среде российского дворянства. На страницах "Дйна-цейтунг" и других местных немецких газет немало жалоб на то, что русские либеральные круги не поддерживают остзейцев²², что они доверяют в оценке последних информации, идущей из среды латышей и эстонцев. Надежную опору остзейское дворянство видело лишь в монархии. "Для нас, немцев, политическим долгом является поддержка сильной монархии... Правильно понятие нужды империи и наше собственное будущее идут рука об руку"²³, - этими словами редакция "Дйна-цейтунг" завершает дискуссию о направлении политики остзейцев. С падением монархии - опасались они - кончится и их собственное господство в Прибалтике. Так оно и произошло.

Примечания

- 1 "Düna-Zeitung", 1905, N 68, 27. März.
- 2 Там же, 1906, N II 7.
- 3 Там же, 1906, N 1, 2. Januar; N 123, 1. Juni; N 131, 10. Juni; N 142, 23. Juni; N 150, 4. Juli.
- 4 Там же, 1905, N 261, 29. November.
- 5 Там же, 1905, N 142.
- 6 Там же, 1905, N 66, 22. März; N 87; N 93, 1. Mai.
- 7 Там же, 1905, N 116.
- 8 Там же.

- 8 Там же, 1905, N 191, 1.Sept.
- 9 Там же, 1905, N 99, 9.Mai; 1906, N 123, 1.Juni; N 131, 10.Juni.
- 10 Там же, 1905, N 99, 9.Mai; 1906, N 123, 1.Juni.
- 11 ИГИА ЛатвССР, ф. 1308, оп.13, д.535, л. 252,253.
- 12 "Dāna-Zeitung", 1905, N 94, 2.Mai.
- 13 Там же, 1905, N 104, 16.Mai.
- 14 Там же, 1906, N 123, 1.Juni; N 131, 10.Juni; N 142, 23.Juni; N 150, 4.Juli; N 154, 8.Juli.
- 15 Там же, 1906, N 150, 4.Juli.
- 16 Там же.
- 17 Там же.
- 18 Там же.
- 19 Там же, 1906, N 154, 8.Juli.
- 20 Там же, 1905, N 191, 1.Sept.
- 21 Там же, 1905, N 261, 29.November.
- 22 Там же, 1906, N 12, 16.Januar.
- 23 Там же.

ПРИБАЛТИЙСКО-НЕМЕЦКИЙ ПОЭТ ВИКТОР ФОН АНДРЕЙНОВ:
В ОПЛОТНИИ К ОСТРЕЙСКОМУ "ОБЩЕСТВУ"

В публикациях прибалтийско-немецких авторов в ФРГ нередко встречается признание того, что остзейское "общество" второй половины прошлого века наблюдало стремительное общественное и культурное развитие латышей и эстонцев как бы за "стеклянной стеной". Действительно, в это время /фактически и позже/ личные контакты прибалтийско-немецких и латышских или эстонских деятелей культуры были крайне редким явлением, результатом чего было трагическое по своим последствиям для привилегированных сословий непонимание глубинных социально-экономических процессов, происходивших в Прибалтике, непонимание сущности политического и культурного развития латышей и эстонцев.

Однако и в этих условиях бывали исключения /которые опять-таки подтверждают общее правило/. Одним из таких явлений была дружба известного прибалтийско-немецкого поэта Виктора фон Андреянова с видным латышским писателем Рудольфом Блауманнсом и личные контакты Андреянова с рядом видных деятелей латышской литературы и культуры.

В. Андреянов /псевдоним - Ливониус/ родился в 1857 году в семье генерала, начальника жандармерии Лифляндской губернии. В юности Андреянов совершил путешествие по Германии, Швейцарии и Франции. Он окончил губернскую гимназию в Риге и некоторое время учился в университете в Дерпте /Тарту/. Университетские занятия он продолжил в Германии /Мюна/. Начиная с 1882 года он живет в Риге, потом уезжает в Берлин, где умер в 1895 году¹.

Некоторые данные об отце Андреянове дают нам возможность лучше понять происхождение взглядов этого прибалтийско-немецкого поэта. В книге М. Духанова о роли немецких привилегированных сословий в исторических судьбах народов Прибалтики /в середине XIX века/ приводятся выдержки из вальсов для понимания взглядов Андреянова-отца

документов — донесений от 1863 года.

Андреянов призывает быть осторожным в обращении с крестьянами, "дабы не давать повода к взрыву страстей". Позже он констатирует: "к сожалению, осложне и воярнисе ... не видит или не хочет заметить ни потребности коренных изменений в быту крестьян, ни признаков новых понятий и тревожного духа их.

Можно безошибочно предсказать, что ... дворянство ... ничего не решит в пользу крестьян, оно ... в крайнем случае сделает такие незначительные уступки, которые ... не будут соответствовать современному прогрессу в России и не удовлетворят крестьян." Андреянов далее писал, что умы крестьян "заняты соображениями, заключениями и желаниями, которые со временем облекутся в требовательные формы и тогда сделаются опасными для помещиков"².

Мы находим в книге М. Духанова еще один важный факт, свидетельствующий о позиции этого жандармского офицера. В начале 60-х годов известный млицолатышский деятель Каопаро Биезбардис подвергся преследованиям за составление крестьянской жалобы Александру Г. Андреянову было поручено дать справку о поведении К. Биезбардиса. В этой связи он написал, что жалобу подписали лишь 33 крестьянина, т.е. составители жалоб знали, как внимательно за ними следят и не хотели собрать большое количество подписей. Андреянов добавляет, что в этих условиях такую жалобу подписал бы миллион катышей.

После того, как К. Биезбардис был выслан в Калужскую губернию, Андреянов безрезультатно обращается к начальнику корпуса жандармов князю В.А. Долгорукову с просьбой разрешить К. Биезбардису вернуться в Эстляндский край и поселиться в Эстляндской губернии. Он указывает, что для К. Биезбардиса характерны увлеченность идеями просветительства, любовь к родной нации, стремление развить родную литературу. М. Духанов замечает, что один из авторов объясняет такое отношение Андреянова к К. Биезбардису тем обстоятельством, что последний был учителем первого в

школе города Виллянди /Феллины/³. Факт, что сын канцармского офицера — впоследствии генерала — поэт Андреянов уже в семейной среде мог приобрести более реальное представление об аграрных и национальных отношениях в Прибалтике, нежели юноша в обычной остзейской семье.

В последующие годы развитие таланта молодого поэта и формирование его взглядов происходит в дружбе с Рудольфом Блауманисом и другими латышскими деятелями культуры и искусства. Мы находим подробные сведения об этом в одной из работ известного латышского историка литературы Антона Биркертса⁴.

Поэзия Андреянова подвергалась весьма острой критике со стороны остзейских авторов, которые высказывали свое недовольство "его позицией, его соучастием в известной агитации". Выказывалось пожелание, чтобы Андреянов "воздержался от обсуждения актуальных вопросов, т.к. он не обладает внутренней гармонией для успешного разрешения этих вопросов"; указывалось также, что он "потерял доброжелательное отношение своих земляков" в связи с публикацией произведений, являющихся "сатирой на различные явления и личности в Прибалтийских провинциях"⁵.

В начале 90-х годов четко обозначилось отчуждение поэта от остзейского общества. Это "общество", в свою очередь, откровенно предупреждает Андреянова. В 1894 году прибалтийско-немецкий журнал "Балтисше монатсшриффт" опубликовал критическую статью Г. фон Глазенаппа, в которой критик "отечески" поучал Андреянова, что поэт должен считаться со взглядами общества. Он писал, что "некоторая отыдливая чопорность общества незаметно оказывает давление на писателя"; нельзя "писать так, как движется перо". Глазенапп напоминал, что "всегда надо думать о том, к какой публике писатель обращается". Кроме этого, напоминал критик, "писатель должен руководствоваться мыслями о том, что его читатели способны перенести и что их может неприятно затронуть. Это все ограничивает деятельность прибалтийско-немецкого художника; за границей же каждый может писать

по своему усмотрению"⁶.

После смерти В. фон Андреянова Рудольф Блауманис опубликовал некролог, в котором он отмечал "поистине леденящее равнодушие" прибалтийско-немецкой "публики" к поэту. Р. Блауманис писал, что "в своей общности эта публика в данное время очень сплоченна; ее политическая окраска — упорный консерватизм; ее эстетические взгляды — перестоявший стародавний идеализм, ее общественная позиция — равнодушие".⁷

Далее Р. Блауманис отмечает, что в этих условиях "более развитые таланты стремились покинуть эту душную атмосферу", и называет в этой связи Виктора фон Андреянова, который в 1894 году переселился в Берлин.

В Германии Андреянов нашел возможности более свободно выразить собственное мнение о своей прибалтийской родине. Он публикует в приложении к либеральной газете "Берлинер тагеблатт" статью "Картины из Латвии"⁸. Уже само заглавие статьи звучало как вызов не только "прибалтийской публике", но и правому лагерю Германии. Как известно, на рубеже столетия германская печать неоднократно обращалась к прибалтийской тематике. При этом наблюдались определенные различия в трактовке тех или иных проблем. Не трудно разглядеть, например, разницу между реакционным журналом Пангерманского союза "Алдойче блеттер" и относительно либеральным журналом "Треннботен". Однако, оба издания, а также вся остальная дворянская и буржуазная печать Германии писали о "Лифляндии, Эстляндии и Курляндии" /или, как часто писали, о "русских Остзейских провинциях", или же о "немецких Остзейских провинциях России"⁹. О Латвии и Эстонии никогда не говорилось. Наряду с "принципиальными причинами" /враждебное отношение к национальному движению эстонцев и латышей/ была еще одна причина — Лифляндская губерния состояла из 4-х латышских и 4-х эстонских уездов. Разделение трех прибалтийских губерний на две национально-административные единицы могло создать неприятные осложнения для лифляндского рыцарства.

Напомним, что еще в начале 20-х годов XX века германский правый социал-демократ А. Винниг писал "республика Латвия" и "республика Эстония" в так называемых "иронических" кавычках¹⁰. В 1938 году орган реакционных студентов Латвии возмущался тем, что в германской печати и даже в научной литературе продолжают игнорировать существование Латвии и Эстонии, употребляя выражение "прибалтийские провинции России"¹¹.

Такого рода отдельные сравнения о терминологией немецких националистических авторов дают возможность лучше понять, как сильно статья Андреянова о Латвии должна была поразить немецких консервативных и реакционных читателей.

Однако, Андреянов не ограничился лишь заглавием: вся его статья выдержана в тоне, резко отличавшимся от традиционной немецкой публицистики.

"Современный мир обходится и без них /т.е. без священников и рыцарей - П.К./, - пишет Андреянов. - Напомним, что в том же 1895 году относительно самокритично настроенный остзейский дворянин - анонимный автор брошюры "Будьте сбительны, дворяне! Предупреждение, адресованное остзейскому дворянству от одного из его членов", - характеризовал любого критика дворянства как человека "полуобразованного" или же "испорченного образованием", как человека, который "не способен понять сущность человека и его характер"¹². Как остро звучат слова Андреянова о том, что народы Прибалтики в результате немецкого завоевания были превращены в "крепостных, в домашних животных, которых больше не считали людьми". В отличие от прибалтийско-немецкой печати, которая враждебно относилась к К. Ваддемару, Андреянов характеризует последнего как "пламенного патриота". Краткий обзор истории Прибалтики, данный в статье Андреянова, по сути дела был настоящим вызовом остзейскому общественному мнению. Андреянов пишет о том, что Прибалтика в течение столетий была "раем для помещиков"; характеризуя остзейцев, автор говорит о "бескрайнем чванстве, властолюбии, о жажде обогащения и разгуле" дворян и о "надменности

пасторов".

В. фон Андреянов подчеркивает, что за короткий срок выросла латышская интеллигенция — врачи, адвокаты, журналисты, чиновники, появились латышская литература, театр, печать. Но одновременно, напоминает автор, "большая часть этого несчастного народа и сегодня состоит из крестьян"; "безземельный крестьянин и сегодня чувствует себя рабом ... барона". Он с возмущением отмечает, что бароны и пасторы и в конце XIX века требуют, чтобы крестьянин целовал им руку. В статье содержится также характеристика латышских народных песен и дается обзор развития латышской литературы.

Кем же был Виктор фон Андреянов? По нашему мнению, к прибалтийскому немецчеству нельзя отнести слова В.И. Ленина о "двух нациях в каждой нации", о "двух национальных культурах в каждой национальной культуре". В целом настроение и взгляды прибалтийских немцев формировались под влиянием их привилегированных сословий.

Однако в истории немцев Прибалтики был Гарлиб Меркель, были остзейские участники восстания декабристов, другими словами, личности, порвавшие со своим сословием.

Были и такие представители привилегированных сословий, которые, не порывая со своей средой, выступали за гуманное отношение к угнетенным.

Жизнь Виктора фон Андреянова свидетельствует о том, что он не ограничивался личными отношениями с представителями латышской интеллигенции, а пошел дальше — в известной мере отмежевался от консервативных и реакционных высокомерно-националистических взглядов своей среды.

Остзейские авторы иногда отмечают, что семья Андреяновых не принадлежала к так называемому имматрикулированному остзейскому дворянству, что поэт не был вхож в замкнутый круг высшего остзейского общества, поэтому к его мнению не прислушивались.

Но, думается, умение остзейских "верхов" прислушаться к тому, что им мог сказать такой человек, как Виктор фон Андреянов, было одним из проявлений той социально-

политической глухоты и слепоты, которая вскоре привела остзейцев к совершенно неожиданной для них /и/, опять-таки не понятой ими/ катастрофе - к "латышской революции" 1905 года.

Примечания

¹ Deutsch-baltisches biographisches Lexikon 1710-1960. Köln-Wien, 1970.

² Духанов М.М. Остзейцы. Явь и вымысел. О роли немецких помещиков и бюргеров в исторических судьбах латышского и эстонского народов в середине XIX века. - Рига, 1970, с.97.

³ Высоцкий И. Очерки по истории объединения Прибалтики с Россией. - Рига, 1910. I, с.14. - Цит. по кн.: Духанов М.М. Остзейцы ... Рига, 1970, с.292-293.

⁴ Birkerts A. Rūdolfa Blaumanis un Viktora fon Andrejanova ģimene. - Izglītības Ministrijas Mēnešraksts, 1926, N 8, 97.-105.lpp.; N 9, 205.-213.lpp.

⁵ Das Baltische Dichterbuch. Eine Auswahl deutscher Dichtungen aus den Baltischen Provinzen Russlands mit einer literar-historischen Einleitung und biographisch-kritischen Studien, herausgegeben von Jeannot Emil Freiherrn von Grothuss. Reval, 1894, S.336, 338.

⁶ Glasenapp G.v. M.R.v.Stern und V.vbn Andrejanoff. - Baltische Monatschrift, 1894, S.722.

⁷ Blaumanis R. Viktors fon Andrejanovs. Biogrāfiska skice. - Kopoti raksti 8 sējums. R., 1959, 7.sēj. 12.lpp.

⁸ Berliner Tageblatt. Beilage "Der Zeitgeist", 17.6. und 10.10.1895.

9 Напомним, что Ф.Энгельс в 90-х гг. XIX века, незадолго до своей смерти, анализируя международное положение и перечисляя те факторы, которые могут впоследствии вызвать мировую войну, писал о том, что "немецкий буржуазноинист" стремится присоединить к Германии так называемые "немецкие" прибалтийские провинции России. Ф.Энгельс знал, насколько "немецкой" была Прибалтика.

10 Winnig A. Am Ausgang der deutschen Ostpolitik. Persönliche Erlebnisse und Erinnerungen. Berlin, 1921.

11 Dreimaris A. Russische Ostseeprovinzen. - Students, 1938, N 7, 206.lpp.

12 Caveant mobiles ! Ein Mahnruf an den Baltischen Adel von einen Standesgenossen. Riga, 1895.

ЛЕОНГАРД ФОН БУДБЕРГ, РОМАН БУДБЕРГ-БЕННИНГХАУЗЕН,
КАРЛ ФРИДРИХ ФОН ДЕР БОРГ И ПРОЦЕСС ВОСПРИЯТИЯ РУССКОЙ
ЛИТЕРАТУРЫ В ГЕРМАНИИ В 20-30-Х ГОДАХ XIX ВЕКА

Прибалтика с конца XVIII в. выступает в роли своеобразного посредника в культурном общении между Востоком и Западом, в развитии русско-немецких и, в более широком плане, русско-западноевропейских литературных и культурных связей. Особую роль играют прибалтийская немецкая пресса и литературные деятели в знакомстве немецких читателей с русской литературой в первой половине XIX века. В настоящее время в центре внимания ученых-славистов ГДР - исследование процесса восприятия русской литературы в Германии с точки зрения его обусловленности общественно-политическими, а также литературно-эстетическими факторами воспринимаемой и воспринимающей сторон. Если рассматривать с этой точки зрения восприятие русской литературы в Германии в 20-е и 30-е годы XIX в., то нельзя не отметить огромные заслуги некоторых прибалтийских немецких публицистов, переводчиков и литераторов в формировании начал системного изучения русской литературы в Германии. Их труд - уникальное явление в международном духовном и культурном общении.

В том, что именно прибалтийские немцы ознакомили образованные слои германского общества с лучшими образцами русской словесности того времени, нет ничего удивительного. Прибалтийские города Рига, Дерпт /теперь Тарту/ Ревель /теперь Таллин/ были в то время научными и культурными центрами Прибалтики, поддерживавшими не только тесные связи с важнейшими центрами науки и культуры России / Академия наук в Петербурге и Московский университет/, но и с научными центрами в Европе, особенно в Германии. Напомним, что многие прибалтийские деятели науки и культуры учились в университетах Германии - в Иене, Галле, Лейпциге и Геттингене¹. По возвращении на родину они продолжали поддерживать связь с

учеными "своих" университетов. Факты этого постоянного процесса обмена научной информацией и "перемещения" особенно деятелей культуры из Прибалтики в Германию и обратно засвидетельствованы в известных справочниках Й.Ф.Рекке и К.Э.Напперского², а также в биографическом словаре Г.В.Леницкого³. Кроме этого чисто внешнего фактора, позволявшего прибалтийским немцам служить посредниками в литературном общении между Россией и Германией в первой трети XIX в., необходимо выделить и то обстоятельство, что высокий уровень журналистики и книготорговли в Прибалтике обеспечивал образованным слоям местного общества обширные познания по истории России, давая возможность знакомиться с передовыми идеями в различных областях знания.

На страницах отдельных немецких прибалтийских периодических изданий регулярно печатались и обсуждались лучшие произведения русской словесности. Такие журналы, как, например, "Der Zuschauer" /1807-1856/, редактировавшийся и издававшийся с 1831 года прибалтийским немецким писателем и замечательным публицистом Гарлибом Меркелем, известным в Германии того времени своей литературно-критической деятельностью в Берлине /журнал "Ernst und Scherz", Berlin, 1803, позже вместе с А.Копебу журнал "Der Freimüthige", Berlin, 1803-1806/; еженедельники "Inländische Blätter" /1813-1814, 1817/ и "Ostsee-Provinzen-Blatt" /1823-1827/⁴, издававшиеся прибалтийским писателем и общественным деятелем Карлом Готтлибом Зоннтагом, а также журнал "Esthona" /1829-1830/, редактировавшийся Францем Шлейхером, и "Der Refraktor" /1836-1837/, редактором которого был Герман Шмалыц⁵. В Германии того времени, напротив, обстоятельства в этом плане складывались далеко не так удачно: в начале XIX века образованные слои германского общества проявляли мало интереса к российской действительности. В периодической печати тех лет редко можно было встретить публикации о России. Имеющиеся немногочисленные источники свидетельствуют о том, что Россию было принято считать огромной и неведомой

восточной державой, любые описания которой, сколь фантастичными бы они ни казались, всегда могли претендовать на правдоподобие. Общественный интерес в Германии был все еще направлен на Францию, где со времени революции 1789 г. берет начало новый этап социального и политического развития Европы и откуда Наполеон I оказывал постоянно растущее влияние на исторические судьбы европейских государств. Однако уже тогда встречались суждения о России, послужившие впоследствии предпосылками для тех предрассудков и предвзятых оценок русской действительности и культурной жизни, с которыми мы постоянно сталкиваемся, имея дело с выпадами в печати мелкой германской буржуазии в адрес России. Некий Д. Христиан Мюллер, совершивший путешествие по России, по возвращении в Германию опубликовал свои впечатления и наблюдения. Довольно обстоятельно он описывает характер русских, отмечая целый ряд положительных черт: добродушие, гостеприимство, храбрость, патриотизм и некоторые другие. Не ускользнули от внимания Мюллера и такие национальные черты, как сообразительность, способность быстро применяться к изменившимся обстоятельствам и даже, что особо подчеркивает автор, способности и стремление к изучению иностранных языков. Вместе с тем, однако, тот же Мюллер упоминает и целый ряд весьма сомнительных качеств, якобы присущих русским, называя в их числе такие, как склонность к подражательству, хитрость и лживость, лень и распущенность, неблагодарность, отсутствие национальной гордости и т.п. Далее Мюллер выражает сомнение в пользе европеизации России, говоря о том, что не следует превращать азиатов в "европейских кукол", нужно сделать из них сначала настоящих русских. "Мне кажется, что какое промежуточное состояние образования дало бы для духовной культуры русских в настоящем и будущем гораздо более полезные результаты; правда, приступить к "европеизации" русских можно было бы только ныне. В дальнейшем образованные русские, руководимые гениальными умами, могли бы в один человеческий век достичь более высокого уровня европейской культуры по форме и духу, чем при их нынешнем извра-

шенном образовании позволят осуществить несколько веков⁶. Учитывая подобные высказывания, можно легко объяснить тот факт, что немецкая общественность считала фактор влияния за границей в целом и отдельных иностранцев, в частности, на общественное развитие России весьма сильным, если не вовсе решающим на все ее прошлое и будущее. В таком понимании существа дела и заложены, на наш взгляд, основания для аргументов против России и русских, которые в дальнейшем становятся постоянным лейтмотивом большинства публикаций по данной тематике. Гибучесть и повсеместное влияние упомянутых выше утверждений объясняются прежде всего тем, что они вышли из-под пера очевидца, человека, рискнувшего отправиться в опасное путешествие в неведомые края, а таких смельчаков в тогдашней Германии находилось крайне мало. Кроме того, кажущаяся неоспоримостью подобных утверждений подкреплялась высокомерными, уничтожающими высказываниями в адрес русских таких высокопоставленных особ, чье мнение для каждого немца было абсолютно авторитетным, например, Фридриха II Прусского.

Лишь в ходе развития исторических событий в связи с освободительными войнами 1812-1813 гг. представления о ранее неизвестном восточном соседе конкретизировались. Немецко-русское братство по оружию выступает как результат общих национальных интересов, оно было ознаменовано охватившим обе нации подъемом национального духа, сопровождавшимся некоторым ростом симпатий к русским со стороны немцев. Вскоре, однако, военная мощь и политический авторитет восточного соседа, долгое время дававшие надежду на избавление от французской экспансии, стали все чаще рассматриваться как непосредственная угроза, а реакционно-консервативная политика русского самодержавия, его поддержка вассалов в Германии очень быстро свели на нет все положительное по отношению к России. Растущее недовольство политикой царизма охватило вскоре всю Германию, причем недовольство это — из-за неосведомленности о действительной ситуации в России — стало перерастать в

неприязнь к русским как к славянам. Реакционные силы и настроения, процветавшие в Германии под сенью Священного союза, стали рассматриваться либералами и демократами как результат альянса реакционно-феодалных кругов Германии и русского царского самодержавия. Сильно потрясения в общественной жизни Германии начинают серьезным образом воздействовать на духовные и культурные взаимосвязи между двумя народами и, тем самым, на восприятие творчества отдельных писателей и поэтов, в частности. Процесс восприятия национальной литературы в другой стране неизбежно несет на себе отпечаток социального и культурно-исторического бытия последней. Немецко-русские контакты отражают конфликт между германским национализмом и стремлением германской буржуазии к единству, с одной стороны, и действительным или мнимым влиянием русского царизма на политическое развитие Германии, отдельных ее земель, в частности восточной Пруссии, препятствующим этому единству — с другой.

В журналах этого времени можно встретить самые различные высказывания немецких публицистов о России и ее политике, о взаимоотношениях Германии и России. Различия в высказываниях обуславливались, в первую очередь, классовой позицией авторов, но также и внутриполитической ситуацией в том или ином немецком государстве. Растущее недоверие к восточному соседу привело к тому, что немецкую общественность стала интересовать любая информация о России и ее общественно-политической и культурной жизни. Немецкие литературные газеты отвечают потребностям своих читателей: освободительная война дала возможность установить личные контакты с представителями духовной жизни России и возобновить существовавшие некогда связи с российскими и прибалтийскими немцами⁷. Таким образом возникают благоприятные условия для постоянного и интенсивного потока информации из России. Вместе с ростом числа корреспондентов и рецензентов в редакциях журналов и газет растет и количество сообщений из России о ее социальном и культурном развитии. В этом плане выделяется газета "Blätter für

gebildete Leser", которая была первым немецким печатным органом, выступившим с относительно регулярными сообщениями о литературной жизни России. С 1824 по 1826 год прибавлял-ский немец Леонгард фон Будберг присылает из Петербурга свои статьи о состоянии русской литературы; так, например, передает в Германию содержание январского номера "Полярной звезды" на 1824 г., где, наряду с Державиным, Батюшковым, Крыловым, Жуковским и Глинкой, упомянут Пушкин и его поэма "Кавказский пленник"⁸. В последнем сообщении Будберга /июль 1826 г./ говорится о литературных новинках таких писателей и поэтов, как Пушкин, Баратынский, Крылов и Дельвиг, а также о предстоящем издании "Торя от ума" Грибоедова. Оценивая новые альманахи, среди них и новый выпуск "Полярной звезды", он намекает на связь Рылеева и Бестужева с восстанием декабристов. Хотя Будберг редко комментирует новые литературные произведения, его публикации отражают правильные пропорции: он называет видных современников, представителей русской литературы и их произведения. Его сообщения для читателя в Германии имеют большое значение, поскольку они основываются на его собственном знании процессов литературного развития России — отсутствие этого знания лишило германскую критику определенности в оценке русской литературы. Русская литература рассматривается Будбергом как многообещающая, но находящаяся все еще на начальном этапе своего развития. Заслуга Будберга именно в том, что он, давая оценку русской литературе, осознавал свою ответственность перед ней и считал своим долгом способствовать созданию адекватных представлений у немецкого читателя. Говоря о литературных процессах, протекавших в русском обществе, и о значении некоторых русских писателей, он подчеркивал, что особой симпатией с русской публикой пользуется Пушкин⁹. Чтобы еще раз подчеркнуть значение публицистической деятельности Леонгарда фон Будберга для становления процесса восприятия русской литературы в Германии вообще и восприятия творчества А.С.Пушкина, в

частности, напомним, что она протекала на фоне все возрастающих антирусских настроений в Германии.

Другой прибалтийский немец Роман Будберг-Беннингхаузен во время своего пребывания в Германии с 1840 года использовал любую возможность для литературной деятельности. Он подружился с немецким писателем Н.Ленау, стал членом литературного общества "Туннель через "поре", снискав любовь и уважение его участников. Он регулярно читал не только собственные стихи, но и переводы произведений М.Ю.Лермонтова, причем делал это так выразительно и с таким душевным подъемом, что постоянно увлекал своих слушателей. Его выступления вызвали одобрительные отклики и оживленные дискуссии об уровне развития русской литературы, в ходе которых молодые немецкие литераторы и публицисты пришли к выводу, что русская поэзия в Германии до сих пор явно недооценивалась и что она на самом деле отличается яркой национальной самобытностью, в чем ей упорно отказывали до сих пор. За любовь к русской литературе и ее пропаганду Роман Будберг-Беннингхаузен получил прозвище "Пушкин". Есть предположение, что на Лермонтова его внимание обратил Бернхард Икскуль¹⁰, который с 1839 по 1840 гг. изучал в Берлине логику и философию и был лично знаком с М.Ю.Лермонтовым, И.С.Тургеневым и М.А.Бакуниным.

Вызванная Р.Будберг-Беннингхаузенем полемика вокруг русской литературы и отдельных ее представителей являла собой большой шаг вперед в процессе преодоления предвзятости и высокомерия в оценке русской литературы германской общественностью.

Выше уже говорилось о том, почему именно прибалтийские немецкие литературные деятели содействовали формированию начал систематического изучения русской литературы в Германии. В Прибалтике, особенно в ее культурных центрах Риге, Ревеле и Дерпте, имелось много периодических изданий, в редакциях которых сотрудничали корреспонденты, поддерживавшие постоян-

ные связи с ведущими литературными журналами России того времени "Московским вестником", "Сыном отечества"; "Северной пчелой" и "Московским телеграфом". Немецкая читающая публика в Прибалтике зачастую была обязана своим знакомством с произведениями русской литературы отдельным местным печатным органам или отдельным лицам, являвшимся искренними почитателями русской литературы, каким был, к примеру, Карл Фридрих фон дер Борг, который в 1823 году издал первую антологию произведений русской поэзии на немецком языке¹¹. Содержание антологии верно отражало современны фон дер Боргу уровень развития русской литературы; в сборнике представлены 32 русских автора с различным количеством их произведений, а также 14 народных песен в переводе на немецкий язык. Главная заслуга К.Ф.фон дер Борга состоит в том, что он впервые представил в переводе целый ряд крупных русских писателей и поэтов, дал соответствующие биографические и библиографические справки, а также литературно-теоретические пояснения. К.Н.Батюшкова и В.Я.Жуковского он выделяет как представителей русского романтизма, сравнивая последнего с Ф.Шиллером. Его комментарии к отдельным авторам и произведениям пронизаны глубоким пониманием и любовью к русской литературе. Его антология приобретает такое большое значение еще и потому, что она, помимо всех прочих ее преимуществ, содержит первое стихотворение А.С.Пушкина в немецком переводе: эпиграмму "История стихотворца", а также первый положительный отзыв о Пушкине, напечатанный в немецкой книге. Переводы К.Ф.фон дер Борга отличаются верностью замыслу автора оригинала и большим мастерством исполнения¹². Актуальные сведения о развитии литературного процесса в России, о новых произведениях художников слова К.Ф.фон дер Борг получал из рук русского поэта Н.Языкова¹³.

Карл Фридрих фон дер Борг, Р.Будберг-Беннингхаузен и Л.Будберг в своей переводческой и публицистической деятельности исходили из того, что с самобытные черты и

внутренняя сущность нации чужде так отчетливо не проявляется, как в литературе; они считали своим долгом способствовать ознакомлению зарубежного читателя с Россией через ее передовую художественную литературу. В рамках претворения в жизнь идеи об общеевропейской литературе их деятельность представляется еще более важной. Благодаря им и деятелям их типа каждое выдающееся явление в художественном творчестве одной нации вскоре становится достоянием всех остальных, приживается на их почве и продолжает там развиваться далее.

История восприятия русской литературы в Германии в 20-30-е годы XIX в. тесно связана с борьбой за прогресс, за распространение и освоение русской литературы в Германии. Труд прибалтийских немецких литературных деятелей, их наиболее ярких представителей содействовал созданию условий для преодоления недоверия, для дружбы и взаимопонимания русского и немецкого народов.

Примечания

1 Rietz H. Z dziejow zycia umyslowego Rygi w okresie oswiesceniã. Torun, 1977, с.72.

2 Recke J.F., Napiersky K.E. Allgemeines Schriftsteller- und Gelehrten-Lexikon der Provinzen Livland, Esthland und Kurland. Bd.I-IV. Mitau, 1827-1832; Nachträge und Fortsetzungen. Bd.I-II. Mitau, 1859-1861.

3 Биографический словарь профессоров и преподавателей императорского Юрьевского, бывшего Дерптского, университета за 50 лет его существования /1802-1903/ / Под ред. Г.В.Леницкого. -Крѳев, 1902-1903, Т.1-2.

4 Иоанов С.Г. Русская культура и литература на страницах некоторых немецких прибалтийских периодических изданий 1810-1830 гг. - В кн.: Ученые записки Тартуского государственного университета, 1973, вып.306. Труды по

русской и славянской филологии, XXII, Литературоведение, с.392-430.

⁵ Исаков С.Г. Журналы "Esthona"/1828-1830/ и "Der Refraktor" /1836-1837/ как пропагандисты русской литературы. - В кн.: Ученые записки Тартуского государственного университета, 1971, вып.266. Труды по русской и славянской филологии, XVIII. Литературоведение, с. 4-15.

⁶ St.Petersburg. Ein Beitrag zur Geschichte unserer Zeit i. Briefen aus den Jahren 1810, 1811 und 1812. Mainz, 1813, S.70.

⁷ Reissner E. Deutschland und die russische Literatur 1800-1848. Berlin, 1970, S.6-7.

⁸ Literarische Nachrichten aus St.Petersburg vom Januar 1824. - In: Literarblatt, N 23 vom 19.03; N 33 vom 23.04. 1824.

⁹ Morgenblatt für gebildete Stände. N 115 vom 15.05, 1826.

¹⁰ Uexküll В. Erinnerungen an Iw.Turgenejew. - Baltische Monatsschrift, Bd.31, 1848, S.1.

¹¹ Poetische Erzeugnisse der Russen. Ein Versuch von Karl Friedrich von der Borg. 2 Bände. Riga-Dorpat, 1823.

¹² Die schönwissenschaftliche Literatur der Russen. Ausgewählt aus den Werken der vorzüglichsten russischen Poeten und Prosaisten alterer und neuerer Zeit. Von C.Wilhelm Wolfschn. Leipzig, 1843. Vorrede, S.13.

¹³ Письмо Н.М.Языкова А.М.Языкову от 13.II.1822 /старого стиля/. - В кн.: Языковский архив. I-й вып. Письма Н.М.Языкова родным /1822-1829/. СПб., 1919, с.19.

¹⁴ Статья К.Э.фон дер Борга в: Der Refraktor, 25.VII. 1836, N 13, S.101.

DAŽAS PIEZĪMES LATVIJAS TĒLOTĀJAS MĀKSLAS
VĒSTURISKĀ MANTOJUMA JAUTĀJUMĀ
(18. GADSIMTA BEIGAS, 19. GADSIMTA PIRMĀ PUSE)

Šodien, kad Latvijas mākslas vēstures kopaina, pateicoties iepriekšējo paaudžu un mūsdienu mākslas zinātnieku pētījumiem, ieguvusi visumā jaušamas aprises, jāturpina ikdienas darbs, izziņot atsevišķus sektorus un iedziļinoties to sarežģītajās kopsakarībās. Tādēļ līdztekus dažādos karos un ar tiem saistītajās kolīzijās daudz cietušā feodālisma posma tēlotājas mākslas mantojuma empīriskai apzināšanai jācenšas dot arī tā vietas un nozīmes vērtējums attiecīgā perioda vispārējo kultūras un mākslas dzīves norišu lokā. Īpaši svarīgi to ievērot, strādājot ar materiālu, kas veidojies privileģēto kārtu un ekspluatētās pamattiedzīvotāju masas būtiski atšķirīgo kultūru saskarēs. Šādi piemēri salīdzinēši daudz redzami kā 18. gadsimta beigās, tā 19. gadsimta pirmās puses mākslas mantojumā, kura sarežģītība sakņojas vairāku apstākļu kopumā. Pirmām kārtām jāuzsver specifiskie kultūras attīstības priekšnoteikumi tā laika Baltijā, kuri izrietēja no asajām, ar pastāvošo nacionālo šķirtni akcentētajām pretrunām starp valdošo sabiedrības vācisko virsslāni un ekspluatētajiem zemes pamattiedzīvotājiem. Otrkārt, ar teikto cieši saistās jautājums par to, kāda bijusi privileģēto kārtu loma vietējās kultūras veidošanā un kā tās izpratušas šīs kultūras jēdzienu un uzdevumus. Ne mazāk svarīgi ir izsekot arī tām pozīciju maiņām, kas līdz ar laikmetu griežiem atspoguļojas baltvācu ideologu publikācijās. Tas nepieciešams gan mākslas mantojuma vēsturiskās piederības precizēšanai, gan tā vietas un nozīmības noskaidrošanai Latvijas un latviešu kultūras un mākslas kopainā. Tādēļ ir derīgi ie-

skatīties kaut nedaudzos baltvācu apcerējumos, kuri izdoti atšķirīgos vēstures posmos un kuros ar tēlotājas mākslas parādībām saistītās problēmas skartas vai nu tieši vai pakārtoti lielākiem kultūrvēsturiska rakstura vispārinājumiem.

Viens no sava laika aktīvākajiem baltvācu publicistiem Jūliuss Eckarts (Eckardt) pirms vairāk nekā simt gadiem rakstīja: "Ko gan var darīt mākslinieks zemē, kur mūžīgi pelēkās debesis neļauj izpausties krāsu izjūtai, kur saule tikai izņēmuma kārtā izlaužas cauri biežajai miglai, ko izgaro necaurejami purvi un meži, kur vasara ir it kā laimīga nejausība un "zaļi iekrāsota" ziema, kur iedzīvotāji tik ļoti aizņemti cīņā par savas eksistences elementārajām pr'ekšnosacījumiem, ka viņiem gandrīz pilnīgi zudusi interese par dzīves skaistajām balvām"¹. Šajā gadījumā iecelinājums ir īss un nepārprotams: Baltijas provincēs tēlotājai mākslai iespējas attīstīties ir ierobežotas un pamatiedzīvotāji ir tiktāl apspiesti, ka viņu dalība mākslas radīšanā un baudīšanā vispār nav pārspriežama. Bet, kā redzēsim, jautājums par baltvācu virsslēpa interesēm šajā jomā arī ir visai sarežģīts un pretrunīgs. 20.gadsimta sākumā, vērtējot 19.gadsimta Baltijas mākslas bilanci, pazīstamais arhitekts un mākslas vēsturnieks Vilhelms Neimanis (Neumann) sniedza šādu - patiesajai īstenībai visai atbilstošu - vietējās mākslas dzīves raksturojumu: "Baltijas provinču un Vācijas garīgo kopotaku uz ilgāku laiku neapēja pārtraukt pat smagie kari. ... No pirmā acu uzmetiena var likties pārsteidzoši, ka, neraugoties uz grūtajiem ceļojšanas apstākļiem, pastāvēja tik dzīva migrācija, bet tam ir savs izskaidrojums, jo no ārzemēm Baltijas provincēs ieceļojušie zinātnieki un mākslinieki tikpat kā neizjuta svešuma iespaidu. Viņi te atrada tieši to, ko bija atstājuši savā dzimtenē: vācu tikumus, vācisku izglītību un pilsētisko dzīves veidu..."² Pēdējais teiciens, protams, attiecināms uz sabiedrības vācisko virsslēni, kas, kā to konstatē arī citātais autors, noteica mākslas dzi-

ves norisi Baltijā: "Tas, ka māksla šajā zemē, neskatoties uz plaukstošajiem garīgajiem sakariem ar Vāciju un uz visu mākslas mīlestību, nerasniedza augstāku pacēlumu, neaptvēra plašāku sabiedrību, un spējīgākie mākslinieki atsvešinājās no dzimtenes, izrietēja un diemžēl daļēji vēl šodien ir atkarīgs no mūsu sabiedrības sociālā rakstura, kā arī no vispārsabiedriskas mākslas dzīves trūkuma. Mākslas intereses palika ierobežotas izglītoto kārtas lokā, tikai reti tās izlausās ārpus šīm robežām, bet zemes iedzīvotāju zemākos slāņus nerasniedza, jo to kavēja asās kārtu atšķirības un iedzīvotāju īpašās savstarpējās sociālās attiecības."³ Kā redzams, arī paši baltvācu vēsturnieki bija spiesti konstatēt savas kultūras un mākslas stingro norobežotību, gan atturīgi, taču pietiekami atklāti parādot pamatiedzīvotāju masas patiesi nopiesto stāvokli, tās kultūras (un mākslas) attīstības iespējas vai, pareizāk sakot, neiespējamību konkrētajā saimnieciskajā un politiskajā situācijā.

Tamlīdzīgi atzinumi baltvācu publikācijās nav izņēmums. Savstarpēji apspriežot šīs problēmas, viņi kopš sendienām bija nonākuši līdz tādai atklātībai, kas, pēc mūsu ieskatiem, uztverama jau kā atkailināts cinisms. Tam spilgtu piemēru sniedz reakcionārā baltvācu literāta Viktora Hēna (Hehn) 19.gadsimta pirmajā pusē deklarētā un turpmāk atkārtoti pārspriestā koncepcija: "Vācieši Austrumu provincēs (Baltijas zemēs - R.B.) ... kopš seniem laikiem valda pār kalpojošiem un strādājošiem iedzīvotājiem, kas atšķiras no viņiem pēc asinīm, tikumiem, apģērba un valodas. Šīs zemes iedzīvotāju divu sastāvdaļu pretstatījums, kas gan nebija tik krass kā starp melnajiem - nēģeriem - un baltajiem - plantātoriem, tomēr izrādījies daudz noteicošāks nekā tas sliksnis, kurš Vācijā noņēma lauku ļaudis no sabiedrības augstākajiem slāņiem."⁴ Tālāk V.Hēns runā par to, ka aristokrātiskās kultūras "skaistākie ziedi" saplau-

kuši gan Rietumindijas plantāciju īpašnieku mājās, gan Ungārijas augstmaņu dzimtās, gan angļu aristokrātijā, kas balstās uz ķeltisko Iru paverdzināšanu, kamēr visrupjais un zemiskais palicis apspiestajai tautai. Norādījis uz līdzīgu ainu arī Baltijā, viņš turpina: "Tikai tādēļ Grieķijā bija tik daudz cildena krietnuma un gara, ka viss posts un darbs palika vergu kārtas ielejā, bet pats grieķis dzīvoja vienīgi savu cilvēcisko dotību izteikšanai un jaukajam pašatklāsmes baudījumam. Aristokrātijai savu pilno spožumu ir izvērsusi visur tur, kur tā sevi pretstatījusi kādai pakļautai svešai nacionalitātei."⁵ Kā izriet no teiktā, šajā gadījumā bez sociālās robežotības uzsvērts arī nacionālā nošķirtība un līdz ar to klaji - bez aizplūvurojuma - konstatētas lietu un parādību patiesās savstarpējās attiecības.

Baltvācu vēsturnieku tradicionālās skolas vadošais reprezentants pēdējā pusgadsimta laikā profesors Reinhard Vitrams (Wittram), kas līdz 1945. gadam bija traktējis vēsturi no nacionālsociālistiska viedokļa, 60. gadu beigās lielās līnijās ieskicēja paša pārstāvētās historiogrāfijas attīstības gaitu: "No krievu lielvalsts apdraudēto zemes un kārtas (baltvācu feodālās aristokrātijas - R.B.) vēsturisko tiesību aizstāvēšanas tiešs ceļš veda uz vācu tautības vidzemnieku, igauņu un kurzemnieku nacionālpolitiskās pašapziņas mošanos, uz zemes tiesību un tās piederības jautājuma nacionālīvēšanos. Šie nacionālpolitiskie pūliņi radās kā kaut kas jauns, apgaismība tos vēl nepazīna. ... No šejienes vairs bija tikai daži soļi līdz Baltijas vēstures nacionālīdeoloģiskam tulkojumam tādā izpratnē, ka ... vācu tautības iedzīvotāju kopība ar Vāciju un vācu varas idejām vienkārši tika pieņemta par pašsaprotamu ..."⁶ Citāts dod uzskatāmu priekšstatu par to areālu, kurā attīstījās kultūras veidotāju mentalitāte un mūs īpaši interesējošie spriedumi par šīs kultūras raksturu, mērķiem un iespējām.

Erudītie un polemiskā veidā baltvācu vēsturnieki neatkarīgi no piederības tā saucamajai liberālajai vai konservatīvajai ievirzei savā darbībā sekoja vienam nolūkam - baltvācu muižniecības un visas vāciskās minoritātes īpašo tiesību un priekšrocību aizstāvēšanai. Nelielas atšķirības atsevišķu momentu traktējumā neskāra pamatjautājuma būtību, bet baltvācu vienotība izpaudās kā jebkuras citas, tā īpaši viņu idejisko pretinieku nostādnes apkarošana. Latviešu un igauņu intereses šajos procesos tika ignorētas vai arī pilnīgi pakārtotas valdošā virsslāpa iecerēm. Nedaudzu humāni noskaņotu personu vai grupu centieni nespēja kaut cik jūnami ietekmēt pastāvošo situāciju un notikumu norisi.

19. gadsimta otrajā pusē - sevišķi tā beigās - jau bija izveidojies un reljefi izņēmējās virziens, ko raksturoja vāciskā virsslāpa vēsturiskās lomas un privilēģiju apoloģizēšana. Šī virziena galvenie pārstāvji nekastrējās apgalvot, ka vācu iekarošanas politika bijusi vietējo tautību nacionālās eksistences glābiņš, ka baltvācu muižniecības intereses atbilstot visu Baltijas iedzīvotāju vēlmām un tam līdzīgi. Izvērsās jau agrāk aizsāktie uzbrukumi apgaismības laikmeta vēsturniekiem un latviešu un igauņu nacionālās atbrīvošanās kustībai. Ap šo laiku tad arī sākās baltvācu historiogrāfijas jaunais posms, kas turpinājās līdz tās pilnīgai ieplūšanai nacionālsociālistiskās ideoloģijas gultnē. Tā laika baltvācu ideologu nostāja ir tik tendencioza, ka pat viņu adepti spicēti atzīt tās aprobežoto konservatīvismu un reakcionārās potences⁷.

20. gadsimta 30. gadu beigās nacionālsociālistiski noskaņotais baltvācu mākslas vēsturnieks Nīlss Holsts (Holst) apcerējumā "Baltijas māksla - vācu koloniālā māksla" dod šīs koloniālās mākslas teorētisko skaidrojumu⁸. 1942. gadā, kad Padomju Latvijas un Igaunijas republiku bija okupējis fašistiskās Vācijas karaspēks, izdots pla-

šāks N.Holsta sastādīts pārskats par Baltijas mākslas vēsturei veltītām publikācijām laikposmā starp abiem pasaules kariem⁹. Atsevišķiem rakstiem N.Holsts sniedz komentārus. Tajos neslēpti atklājas pārskata sastādītāja attieksme pret katrā autora koncepciju. N.Holsta vērtējums, protams, ir labvēlīgs tām vācu mākslas vēstures autoritātēm, kas dod viņa koncepcijai izdevīgu izejas pozīciju, kā, piemēram, G.Dehio (Dehio), V.Puiders (Puider), D.Freijs (Frey) u.c., bet ar kultūrtrēģerisku neiecietību viņš vērsās pret autoriem, kuriem ir atšķirīgs viedoklis. Kādā atkārtoti publicētā saceršumā, vērsot plašumā savus neobjektīvos spriedumus par Baltijas kultūru un mākslu, N.Holsts deklarē, ka augstākās kultūras jomas - rakstu valoda, tēlotāja māksla, visa garīgā dzīve, arī civilizācija un vīreslāpa dzīves stils te bijis vācisks, kamēr viss lietišķais, tautiskais - tautas dziesmas, tautas ticējumi, latviešu un igauņu sarunvaloda kupli un dzīvi attīstījušies it kā tiešā vācu kundaības aizsardzībā (pasvītrojums mans - R.B.). Tādēļ arī, kā viņš uzsver, tēlotājā mākslā vācieši bijuši vienīgie devēji¹⁰. Šajā N.Holsta darbā mēs jau sastopamies ar tik skaidri izteiktu un pašpārliecinātu vācu kultūrtrēģerismu, kas nekādu nolaidi vai piekāpšanos nepieļauj.

Reizēm baltvācu kultūrpolitikas pārstāvji tomēr nav noraidījuši arī domu par savas un latviešu un igauņu kultūras abpusējām saskarēm. Bet tad kā galvenais un virzošais faktors arvien tika izcelts vāciskais elements. Šo domu viņi pauduši atkārtoti, taču vienmēr citā redakcijā, elastīgi piemērojoties faktiskajiem apstākļiem, tas ir - precīzi sekojot politiskās situācijas un tendenču izmaiņām.

Līdzīgai laikam mainās arī baltvācu ideologu nostāja, bet konsekventa paliek vēlēšanās saglabāt prioritāti Baltijas kultūras un mākslas mantojumā. Pēc otrā pasau-

ies kara noslēpti "koloniālās mākslas" un vācu kultūrtrēģerisma saukļi vairs nav izmantojami, jo ir zaudējuši jebkādu sabiedriski politisko pamatu. Konkrētā vēstures gaita, kā to rāda arī konservatīvā baltvācu vēsturnieka Arveda Taubes (Taubes) šķietami objektīvie, taču izteikti tendenciozie pārspriedumi, liek meklēt kompromisu ar agrāk neievērotajiem vai apkarotajiem spēkiem¹¹. Savus iepriekšējos uzskatus baltvācu ideologi tagad izskaidro kā vēsturiski nosacītu nepieciešamību pirašm kārtām šauri šķirisko un arī nacionālistisko ideālu īstenošanā; viņi gatavi pat atzīt savus maldus un atsevišķas kļūdas nostādnes, runājot par latviešu un igauņu tiesībām, centieniem un sasniegumiem, bet dara to ar atpakaļejošu datumu un tikai tad, kad reālā vēstures attīstība neatkarīgi no viņu gribas radījusi situāciju, kam nav citas alternatīvas. Par galveno uzdevumu kļūst iedragātā vēsturiskā prestiža restaurēšana, baltvācu kultūras tradīciju normas pārvērtēšana un piemērošana jaunajiem sabiedriski politiskajiem apstākļiem. Tas viss izpaužas ne tikai nostāstgiskās rūpēs par aizgājušo "zelta laiku" piemējas saglabāšanu, bet arī sareģītos prātojumos par baltvācu stimultās kultūras pārnacionālo raksturu, par tās "tilta" loma rietumu un austrumu kultūru sakaros¹². Šie prātojumi un visi no tiem izrietošie secinājumi savukārt kļūst par jaunu ideoloģiskās cīņas ierocū modifikāciju.

Baltvācu vēsturnieks profesors Hanss Rimša (Rimscha) jau 1955.gadā, rakstot par "Baltiskās kultūras" un "Rietumvācu kultūras" jēdzienu pretstatījumu, konstatē, ka visaptverošs "pārnacionālas" kultūras apzīmējums "ir mūsu baltiskajai dzimtenei kā Rietumzemju robežapgabalam ļoti piemērots"¹³. Viņš secina, ka kultūras dzīves norises kādreizējās Baltijas provincēs nebūtu pa vīzi dēvēt par patstāvīgu kultūru, bet atbilstošs te ir visvācu kultūras "baltiskās savdabības" jēdziens. H. Rimša raksta: "Tas, ka pie šīs savdabības attīstīšanas un izveidošanas

savu daļu ir ieguldījušas visas Baltijas zemju tautas un tautību grupas, nav apšaubāms. Bet arī citi faktori, kas sirdij tuvi - ainava, zeme un debess, - tikpat neapšaubāmi tur pēmuši dalību. ... Šī visa kopīgā apzīmēšanai vārds "baltisks" ir tieši pareizais lietojums"¹⁴. H. Rimša pēc būtības skar to pašu jautājumu, ko bija risinājis N. Holsts - tikai citā laikā un situācijā. Tāpēc tiek izdarīta spēku pārgrupēšana, izstrādātas jaunas cīņas formas un meklēti jauni sabiedrotie. Tiek mīkstināti agrākie nacionālie un šķiriskie aizspriedumi un novēlta ideoloģiskās frontes līnija, kam vienā pusē zem pārnacionālās Rietumu kultūras un kopīgās dzimtenes lozungiem kā potenciāls spēks tiek pulcināta arī latviešu un igauņu emigrācijas nacionālistiski noskaņotā daļa. Autora spriedumiem par "baltisku savdabību" ir savs pamatojums, ja ar šo jēdzienu saprotam agrāk valdošā virslāpa vēlēšanos vietējās kultūras procesā virzīt pa savām šķiriskajām un nacionālistiskajām interesēm atbilstošu gultni.

Jo vairāk tuvojamies mūsdienām, jo uzskatāmāka kļūst baltvācu apoloģētu tendence šī tiešām sarežģītā mantojuma vērtējumā savu koncepciju izcelt kā vienīgi pareizo un objektīvi saistošo arī Baltijas padomju republiku zinātniskajai domai. Absolutizējot kādreizējos baltvācu nopelnus Rietumu un Austrumu kultūras sakaru jomā, ideoloģiskām pretenzijām tiek pakļauta padomju zinātnieku, Baltijas kultūras pētnieku tiešās darbības sfēra. Tādēļ tiek meklētas iespējamās un šai koncepcijai vēlamās, bet patiesībā tikai šķietamas uzskatu sakritības padomju publikācijās. Tamlīdzīgi centieni atspoguļojas arī A. Taubes 1973. gada priekšlasījumā sakarā ar baltvācu kultūras centra atklāšanu Līneburgā: "Rūpes par pagātnes pieminekļu saglabāšanu, baltiskā gara un baltiskās mākslas liecību vākšana, mūsu kultūras vērtību pasargāšana no iznīcības un izpostīšanas izvirzās kā pašsaprotams pienākums pret mums pašiem, kā pietātes akts attiecībā pret iepriekšē-

jām paudzēm. ... Mūsu krājumiem par visu vairāk jākalpo baltvācu kultūras mantojuma saglabāšanai. Bet jau ar to, ka pie nama fasādes likām izvietot Hanzas pilsētu gērboņus no Lībekas līdz Rōvelei, esam apzinājušies savus tautas vienojošos, Baltijas jūras zonu aptverošos uzdevumus. ... Un vai vispār iespējams ... mūsu baltiskās kultūras mantojumu aplūkot tikai viena nacionālā loka skatījumā? Vai tas nav savijies ar to tautu kultūru, ar kurām mēs gadsimtiem ilgi vienā zemē vai vienā valstī kopā dzīvojām? ... Vai tie varējuši būt virskundzība un feodālie spaidi, kapitālistiskā ekspluatācija vai nacionālā atsvešinātība, kuru pieminekļi izraisa tēdu mīlestību un aizgādību? Un vai kaut kādā veidā netiek aizkustināta mūsu sirds, ja pat igauņu padomju publikācijās, kādam autoram meklējot liegu un lirisku apzīmējumu savas dzimtenes raksturošanai, nejauši uzpeld vārds "Maarjamaa" (tas ir - Māras zeme)? Tas viss ... norāda uz to, ka baltiskās kultūras mantojums pastāv nevis kā kāda desmittūkstoš baltiskas izcelsmes VFR pilsoņu pulciņa šaurširdīgi sargāts īpašums, nevis kā vienīgi vācu tautas nacionālais piederums, bet kā testaments, kurā dalību ņem vairākas tautas.¹⁵

No visa teiktā varam secināt, ka, meklējot jaunu - reālajai situācijai atbilstošu platformu vēsturiskā mantojuma nozīmīguma izceļšanai un saglabāšanai, tiek absolūtizēti relatīvi pozitīvie momenti un, neskatoties uz pagātnes kļūdu atzišanu, notušētas un apletas būtiskās pretrumas starp baltvācu kultūrpolitiku un latviešu un igauņu nacionālās kultūras vitālajām vajadzībām. Vēl vairāk tuvojoties mūsdienām, baltvācu publicētajos pārspringumos izteiktas arī domas, kas jau pretendē uz objektīvu tās attieksmes izpratni, kāda par kultūras un mākslas mantojumu šobrīd veidojas Baltijas padomju republikās¹⁶. Tajā pašā laikā, krasi norobežojot zemes (resp. valdošo virsslāņu - R.B.) vēsturi no tās pamat-

iedzīvotāju vēstures, tiek deklarēti mums nepieņemami uzskati, problēmas būtība paliek neskarta, un tajā slēptais pretrunīgums ir tikai aptuveni iezīmēts.

No marksistiskās metodoloģijas viedokļa raugoties, tieši šī pretrunīguma atsegšana ļauj atrast pareizo mērķa punktu, palīdz noteikt baltvācu snieguma patieso ipatsvaru un vietu visas Baltijas un arī Latvijas kultūrā. Tāpēc tēlotājas mākslas mantojuma vērtējumā izvirzās citi kritēriji. Nevar noliegt internacionālā mākslinieku sastāva radītās vērtības Baltijā, taču, raksturojot viņu devumu Latvijas kultūras veidošanā, jāvadās pēc konkrētu parādību sakarībām katrā noteiktā vēstures posmā. Svarīga ir arī profesora Borisa Vīpera izvirzītā un vairākās Latvijas mākslas senākajiem poēmiem veltītajās publikācijās akceptētā atziņa par to, ka ikvienas attīstītas tautas mākslai piemīt neizsīkstošs vitāls potenciāls, kas, neskatoties uz jebkādiem nelabvēlīgiem apstākļiem, lielākā vai mazākā mērā spēj ietekmēt lielā stila (profesionālās - R.B.) mākslas evolūciju¹⁷.

Vācu valdošās aprindas Latvijā kopš sāka gala ienācēja kolonizatorisku pozīciju. Tādēļ īstenībā visaptveroša vietējās kultūras un mākslas izaugsme tām nekad nav rūpējusi. Arī tēlotājas mākslas virzību noteica privilēģēto kārtu kultūras dzīves vispārējās tendences. Šis process norisēja stihiski, smagi un pretrunīgi. Tomēr vienlaikus jāatceras, ka vietējo un iebrucisko mākslinieku radošās darbības objektīvie rezultāti un viņu individuālie centieni ne vienmēr un ne pilnībā pakārtojami valdošo virsslāņu kultūrpolitikai. Līdz ar to arī 18. gadsimta beigās un 19. gadsimta pirmās puses mākslas mantojuma pētīšanā nozīmīga ir leņķiskā tēze par visa vērtīgā, kas radīts cilvēces vēsturē, apgūšanu un pārstrādāšanu¹⁸.

Grūti runāt par kādām īpašām Kurzemei, Vidzemei un Igaunijai raksturīgām tēlotājas mākslas attīstības ten-

dencēm šajā posmā, jo tās pēc būtības visās cariskās Krievijas Baltijas guberņās bija ļoti tuvas un iespējamās atkāpes bija tikai nianse. Tomēr, pētot tā laika mākslas mantojuma eventuālo nozīmi latviešu un igauņu kultūrā, rodas objektīva nepieciešamība to sadalīt atbilstoši abu tautu dzīves regionam. Latviešu un igauņu vēsture attīstījusies līdzīgos ekonomiskos un sabiedriski politiskos apstākļos, ģeogrāfiski tuvās, bet etniski atšķirīgās robežās, izveidojoties divām patstāvīgām nacionālām kultūrām. Viss minētais arī ir noteicis gan kopīgos, gan savrupos faktorus Latvijas un Igaunijas kultūras un mākslas veidošanās gaitā. Tāpēc arī, apcerot vienas vai otras tautas un zemes mākslas vēsturi, daudzas norises aplūkojamās nevis izolēti, bet gan savstarpējā saistībā, pirmām un galvenām kārtām balstoties tieši uz katra apcerētā reģiona konkrēto mākslas mantojumu.

Latviešu pirmspadomju mākslas vēsturnieki, pārņemdami baltvācu apzinātos materiālus, dažkārt tos konspektīvi vienkāršoja, vienlaikus iezīmējot atsevišķus lokālus akcentus¹⁹. Citos gadījumos bija vērojami centieni pārmentot iespējami plašu baltvācu mākslas vēstures materiālu viena atsevišķa apgabala ietvaros²⁰. Tādējādi, izsmelot kādu noteiktu mākslas dzīves parādību loku, tika radīti pamati mantojuma tālākai izvērtēšanai Latvijas un latviešu mākslas vēsturē. Padomju mākslas zinātnē sastopamies ar vairākiem šī vērtējuma aspektiem, kuru atšķirības izriet no katra konkrēta darba galvenā uzdevuma. Apvērsošākajos PSRS tautu mākslas vēstures izdevumos tagadējo Baltijas republiku teritorijā toreiz koptā tēloāja māksla likumsakarīgi tiek aplūkota kā provinciāla un savdabīga nianse tā laika Krievijas mākslas attīstībā, pie tam vielas izklāsts ir pakārtots pašreizējam teritoriālajam iedalījumam²¹. Atsevišķi pētījumi veltīti mākslas dzīvei noteiktos lokālos centros²². Tie apveicami kā nopietns ieguldījums tiešā mākslas mantojuma apzināšanā un sistematizēšanā, taču ne vienmēr spēj atklāt tā patieso

svaru visas vietējās kultūras evolūcijā, tās iekšējās un ārējās pretrunās. Padomju Latvijas autoru darbos, kuros sniegts vispārējs Latvijas un latviešu mākslas vēstures pārskats, 18.gadsimta beigū un 19.gadsimta pirmās puses tēlotājas mākslas mantojuma reģionālais dalījums izriet no dialektiskās kopsakarības ar iepriekšējiem un sekojošajiem laikmetiem²³. Toties grūti atrast loģisku pamatojumu mēģinājumiem iekļaudināt Latvijas mākslas vēsturē visu baltvācu glezniecību, grafiku un tēlniecību²⁴.

Ņemot vērā pieredzi un latviešu padomju mākslas vēstures uzdevumus, 18.gadsimta beigū un 19.gadsimta pirmās puses Baltijas guberņu tēlotājas mākslas mantojums izvērtējams gan pēc mākslinieku dzimšanas vietas un galvenās darbības vietas, gan daiļrades interešu sfērām un citiem priekšnosacījumiem, kas viņus vairāk piesaista vai nu Latvijas vai Igaunijas teritorijai. Vienlaikus jāpatur arī tiesības atsevišķu parādību noskaidrošanas labad iziet ārpus šīm robežām.

Ar visu minēto cieši ir saistīts jautājums par 18. gadsimta beigū un 19.gadsimta pirmās puses tēlotājas mākslas mantojuma pašreizējo atrašanās vietu, juridisku piederību un saglabāšanu. Arī no šāda viedokļa raugoties, savdabīgā veidā atklājas šī mantojuma pretrunīgais raksturs. Abu pasaules karu laikā vairums gleznu, kas atradās privātā īpašumā un dažreiz veidoja visai respektējamas kolekcijas, tika izvestas uz Vāciju un daļēji ir pasudušas vai arī gājušas bojā. Jādomā, ka tiem darbiem, kas vienmēr palika izolēti privileģēto kārtu aprindās baltvācu un latviešu tautas kultūras saskarēs nebija īpaši liela un svarīga nozīme. Tie gan varētu papildināt mūsu priekšstatus par elitārajā baltvācu vidē uzkrātajām mākslas vērtībām, un viņu trūkums negatīvi ietekmē mākslinieku daiļrades vispusīgākas izpētes iespējas. Mūsu tiešajā rīcībā un atbildībā lielākoties ir tie mākslas darbi, kas savā laikā jau bija nonākuši vietējos muzejos.

Tomēr arī šis kolekcijs gan abos pasaules karos, gan ar tiem saistīto pārorganizēšanās pasākumu dēļ ir cietušas zaudējumus. Ņemot vērā aplūkojamā mantojuma savdabīgumu un diezgan nevienādo māksliniecisko līmeni, citi - aktuālāki uzdevumi tā apguvi līdz šim bija atvirzījuši uz vēlāku laiku. Tādēļ arī pagaidām nevar runāt par jau pilnībā sistematizētu materiālu, taču, iepazīstoties ar konkrēto mākslas mantojumu pat šādā sadrumstalotā veidā, iespējams būt pietiekami uzskatāmu un krāsainu priekšstatu par 18. gadsimta beigu un 19. gadsimta pirmās puses glezniecību un grafiku toreizējās Baltijas guber., kas kopumā un tagadējās Latvijas PSR teritorijā atsevišķi. Galvenais uzdevums ir tuvoties objektīvam tā laika vietējās tēlotājas mākslas mantojuma vērtējumam, lai konstatētu, kas no šī mantojuma iegājis latviešu nacionālās kultūras pūrā, jo tajā varam sastapt kā respektējamus tā laika lielās mākslas piemērus, tā visai bagāt, ar tēlotājas mākslas līdzekļiem fiksētu kultūrvēsturisku materiālu, kas pēc savas nozīmes jau kļuvis par divu vai pat vairāku tautu nacionālās kultūras piederumu. Kopumā šie darbi atklāj tēlotājas mākslas izaugsmes iespējas un raksturu noteikta vēstures posmā un īpašos ekonomiskos un sabiedriski politiskos apstākļos. Vienlaikus tie ir mūsu zemes vēstures un tās likteņa neatņemama sastāvdaļa un kā tādi neapšaubāmi iņem savu vietu Latvijas kultūrā un mākslā.

Visbeidzot jāpiebilst, ka latviešu kultūra un māksla savā evolūcijā nekad neizolējusies no Latvijas kultivētās cittautiešu kultūras un mākslas progresīvajām parādībām un patiesajām vērtībām, kuru atlasē un izvērtēšanā mums, pirmkārt, jāvadās no tās nozīmes latviešu tautas kultūrā.

Literatūras un avotu norādes, piezīmes

- 1 Eckardt J. Baltische Aus- und Einwanderer. - In: Baltische und russische Culturstudien aus zwei Jahrhunderten. Leipzig, 1869, S.97.
- 2 Neumann W. Baltische Maler und Bildhauer des XIX Jahrhunderts. Riga, 1902, S.10.
- 3 Turpat, 11.-12.lpp.
- 4 Hehn V. Über den Charakter der Liv-, Est-, Kurländer. - Das Inland, 1848, N 1, Sp.2.
- 5 Turpat; sk.ari: Hehn V. Über den Charakter der Liv-, Est-, Kurländer. - Baltische Monatschrift, 1928, N 10, S.587-596; Hehn V. Über den Charakter der Liv-, Est- und Kurländer. - Baltische Hefte, 1966, Bd.12, S.103-112.
- 6 Wittram R. Die moderne Geschichtsforschung und die baltische Tradition. - Jahrbuch des baltischen Deutschtums, 1968, Bd.15, S.49-50.
- 7 Sk.: S.v. Der zwanzigste Carl-Schirren-Tag. - Baltische Briefe, 1969, N 10, S.6-7. Tuvāk par to sk.grām.: Луханов М.М. Оотземи. Рига, 1978, с.33-100.
- 8 Sk.: Holst N.v. Kunst des Baltenlandes - deutsche Kolonialkunst. - In: Der Deutsche im Osten, 1938/39, I, H.5, S.20 ff.
- 9 Holst N.v. Die deutsche Kunst des Baltenlandes im Lichte neuer Forschung. - München, 1942. - 160 S., 10 Tafelmes.
- 10 Holst N.v. Baltenland. 4-Aufl. Berlin, 1943, S.9-10.
- 11 Sk.: Taube A.v. Deutsch-Baltisches Kulturerbe in nationalem und zwischenvölklichen Bezug. - Jahrbuch des baltischen Deutschtums, 1975, Bd.22, S.203.

- 12 Piem.,ari: Böckler E. Vorspann. - In: Homburger Gespräch, Bad Homburg, (o.J.), Hft.4, S.4.
- 13 Rimscha H.v. Balten, Deutsch-Balten und "Baltische Kultur". - Baltische Hefte, 1955, H.1, S.4.
- 14 Turpat, 5.-6.lpp.
- 15 Taube A.v. Deutsche-Baltisches Kulturerbe in nationalem und zwischenvölklichem Bezug. - Jahrbuch des baltischen Deutschtums, 1975, Bd.22, S.196, 204.
- 16 Sk.: Mählendahl K.E.v. Das deutsche Erbe in Letland. - Baltische Briefe, 1982, N 10, S.5.
- 17 Vipers B. Latvijas māksla baroka laikmetā. - Rīga, 1937, 8.lpp.
- 18 Ļepins V.I. Par proletārisko kultūru. - Raksti, 31. sēj., 274.-275.lpp.
- 19 Vispārējā mākslas vēsture / Prof.V.Purviša red. 3. sēj. Rīga, (b.g.), 2.sēj., 604.lpp.
- 20 Silīņš J. Piezīmes par mākslas dzīvi un māksliniekiem Jelgavā kopā 19.gs. - Senatne un Māksla, Rīga, 1937, 3, 109.-149.lpp.
- 21 Искусство народов СССР. - М.: 1976, т.4. 472 с.; 1979. т.5. 464 с.
- 22 Vaga V. Kunst Tartus XIX sajandil. - Tartu, 1971, 140, 128 S.; Vaga V. Kunst Tallinnas XIX sajandil. - Tallin, 1976, 213 216 S.
- 23 Целава С. Искусство Латвии. - Л.: 1979. - 308 с.
- 24 Silīņš J. Latvijas māksla. 1800-1914. - Stockholm, 1979, 1.sēj., 288 lpp.

Резюме

Теперь, когда работа над историей изобразительного искусства Латвии в известной мере закончена, параллельно с эмпирическим осмыслением художественного наследия эпохи феодализма необходимо определить его место и значимость в культурной жизни своего времени. Особенно важно это соблюдать по отношению к материалу, созданному в конце XVIII — начале XIX веков, в период обостренных и особо сложных соотношений между привилегированным сословием прибалтийских немцев и основной массой коренного населения.

Исследуя развитие взглядов прибалтийско-немецких авторов по вопросам культуры в ряде публикаций XIX века и по настоящее время, можно констатировать, что в статьях и очерках, посвященных непосредственно вопросам изобразительного искусства, нередко высказываются откровенные и объективные мнения о неблагоприятных условиях для развития изобразительного искусства региона. Однако в большинстве случаев о роли прибалтийских немцев в развитии местной культуры активно развивалась концепция так называемого культуртрегерства, достигшая своей кульминации в национал-социалистической идеологии.

После второй мировой войны, когда прежние догмы прибалтийско-немецких идеологов теряют смысл, происходит активная переоценка прежних взглядов и приспособление их к новой общественно-политической ситуации. Это проявляется в рассуждениях о сверхнациональном характере культуры и ее роли как моста между западной и восточной культурами. Одновременно абсолютизируются положительные явления и, несмотря на признание отдельных ошибок прошлого, сглаживаются противоречия в культурной политике прибалтийских немцев и жизненно важные потребности для развития латышской и эстонской национальных культур.

Но с позиции марксистской методологии именно в

раскрытия этих противоречий заключается оуть определен-
ния действительного вклада прибалтийских немцев в культу-
туру Прибалтийского края в целом и в культуру Латвии,
в частности.

Правящие немецкие круги в Прибалтии с самого на-
чала занимали колонизаторскую позицию. Поэтому их ни-
когда не интересовало развитие местной культуры в це-
лом и искусства, в частности. Процесс развития местной
культуры региона протекал стихийно. Разумеется, что
развитие изобразительного искусства определялось общи-
ми тенденциями культурной жизни привилегированных со-
слоний. Было бы неправильным отождествлять объективные
результаты творческой деятельности и индивидуальные
стремления местных и приезжих художников с культурной
политикой "верхов". Следовательно, в изучении худо-
жественного наследия Латвии конца XVIII - первой поло-
вины XIX в. важно руководствоваться ленинским тезисом
об увоении и сохранении всего ценного, что было
создано в истории человечества. Нельзя отрицать цен-
ностей, созданных интернациональным составом художни-
ков, работавших в это время в Прибалтике. Однако ха-
рактеризуя их вклад в художественную культуру Латвии
и стонии, надо руководствоваться взаимосвязями
конкретных явлений всеобщего исторического процесса.

Наша задача - приблизиться к наиболее объектив-
ной оценке художественного наследия региона того вре-
мени, позволяющей определить, что из этого наследия
явилось вкладом в культуру Латвии того времени и ла-
твийскую национальную культуру, ибо здесь можно обна-
ружить достойные примеры большого искусства, и весь-
ма значимые культурно-исторические ценности, выра-
женные средствами изобразительного искусства, став-
шие уже достоянием национальных культур по крайней
мере нескольких народов. В целом это же наследие
свидетельствует о характере и возможностях развития
изобразительного искусства на определенном историче-
ском этапе, в особых внешнеэкономических и общественно-
политических условиях региона.

НЕКОТОРЫЕ ОТГОЛОСКИ РЕВОЛЮЦИИ 1848 ГОДА
В ПРИБАЛТИКЕ

Изучение отголосков революции 1848 года в Прибалтике до сих пор велось недостаточно, несмотря на важность этого вопроса. В исторической литературе встречаются упоминания об отголосках революции 1848 года с указанием, что волею за подавлением революции на 3-й стадии и здесь возникла новая волна реакции¹. В опубликованных за рубежом статьях вне исторического контекста говорится о деятельности отдельных лиц дворянского происхождения и ощущается стремление изобразить ряд предостанителей привилегированных прибалтийско-немецких сословий того времени более передовыми, чем они были на самом деле².

Однако выявление путей проникновения в Прибалтику революционных идей, а также их распространение и влияние среди крестьян, городского населения и помещиков, имело бы большое значение для дополнительного уяснения политических настроений в крае. Изучение влияния революции 1848 года на социально-экономическую, политическую и идеологическую жизнь Прибалтики на так называемом "низовом" уровне является задачей дальнейших исследований. В данной же статье на основе материалов, обнаруженных в архиве III отделения³, хотя они и раскрывают лишь верхушечную часть айсберга, сделана попытка охарактеризовать влияние идей и событий революции 1848 года на крестьян и помещиков в крае и обрисовать действия царского самодержавия, не касаясь более подробно общественной мысли⁴ и аграрного законодательства⁵, которым были посвящены специальная работа.

Неправильно было бы считать, что революционные идеи 1848 года распространялись в Прибалтике как бы в вакууме, совершенно не подготовленном к их восприятию; не были они и лишь механическими отголосками в этой цитадели не-

мецкого дворянства, еще сохранившей свои привилегии, каких уже больше не было нигде в Европе. Некоторые перемены имели место и здесь. Во-первых, экономика как в городах, так и в деревне переживала трудности: для их преодоления правящие слои общества вынуждены были под видом улучшения феодального хозяйства отказаться от его основ /начало перехода от барщины и вольнонаемному труду в деревне/. Во-вторых, с начала 40-х годов XIX в. Лифляндская губерния была охвачена крестьянскими волнениями, которые, принимая невиданные до того массовые формы /переселение в "теплые" края, переход в православие/, продолжались в следующих десятилетиях. В-третьих, антифеодальные настроения распространялись как на отдельных лиц верного царизму господствующего класса /проект Буденброка/, так и на средние слои⁶.

Судя по документам жандармерии, в Прибалтике непосредственные отклики на революцию 1848 года наблюдались уже в первые дни после начала революционных событий в Германии. В марте 1848 года рижскому купцу Харбу из г. Мемеля /Клайпеда/ было доставлено анонимное воззвание "К остзейскому народу"⁷. На стене крытого перехода рижского кафедрального собора появились две записки с текстом на немецком языке: "Да здравствует Ливонская республика!", "Долой царя! Да здравствует республика!"⁸. В конце марта в Риге, по данным жандармерии, было получено обращение "К курляндскому дворянству"⁹ из г. Данцига.

В упомянутом выше воззвании "К остзейскому народу" говорилось о поддержке царской Россией реакционных сил в Германии. Воззвание заканчивалось призывом: "Оружие в руках народов, и народы не обратят это оружие против самих себя"¹⁰.

В обращении "К курляндскому дворянству" говорилось об ограниченных целях революции в Германии. В нем указывалось, что германская революция "не следует коммунистическим направлениям и не угрожает миру в Европе ...

Мы, напротив, будем только иметь в виду развитие собственного нашего быта"¹¹. Основной задачей обращения, видимо, было разоблачение порочности ориентации прибалтийских помещиков на царское самодержавие и разъяснение губительности их узкосословной политики по отношению к коренному населению — латышам и эстонцам. "В дворянстве преимущественно заключено немецкое начало, дворянство же стоит за Россию, поскольку последняя льстит ему ... Покуда крестьянин не приобрел собственного наследственного надела и вместе с тем отчизны, каждый день приближает вас к гибели." Таким образом, чтобы успокоить народ, обращение призывало к наделению крестьян землею, о выкупе при этом умалчивалось. Показав, что Остзейские провинции при существующем положении не способны к нормальному развитию, авторы обращения апеллировали "к суду истории", говоря, что "будущие потомки напишут в толстых томах: "Если бы немецкое дворянство в Прибалтийских провинциях не было ослеплено русскою ласкою и одурманено опасенным эгоизмом; если бы оно протянуло руку помощи безвестным эстам и латышам; если бы оно не отделилось из ревности от горожан, то нынешние русские губернии — Митава /Булгав/, Юрьев /Гарту/ и Ревель /Таллин/ — составили бы сильное, самостоятельное и свободное национальное единство"¹².

Стремление расторгнуть единый фронт царизма и остзейского дворянства, обратить внимание на необходимость наделения коренного населения землею стало одним из отзвуков событий 1848 года в Европе.

На данном этапе изучения темы мы не знаем, дошли ли эти обращения до народа или дворян, были ли какие-то иные обращения из Германии или от имени местных сторонников революции и какое влияние они имели. Но письменные обращения не были единственным источником информации о европейских событиях и идеях 1848 года. Судя по докладу рижского генерал-губернатора Грловина от 14 марта 1848 года начальнику III отделения графу Орлову, важным источником информации "простого народа Балтийской гу-

бернии и рабочего класса" в Риге служили газеты и "разговоры на рынках". В результате, - указывалось в докладе, - в отдельных уездах, например, в Якобштадтском и Верровском, латыши и эсты, обыкновенно столь равнодушные к событиям заграничным, знают о современных происшествиях и толкуют о них"¹³. Хотя Головин пытался убедить начальство, что "толки эти дооселе не обнаруживают никакого сочувствия к преступным действиям", он тем не менее указывал, что "обезземеливание крестьян продолжается и крестьяне ожидают улучшения своего положения, обещанного уже в 1840 году. Я смею думать, - писал Головин, - что было бы весьма полезно, если бы меры по улучшению быта крестьян были ускорены"¹⁴.

Курляндский губернатор 18 марта, а жандармский полковник Нотгофт 19 марта доносили из Елгавы "о беспокойном духе и разных толках крестьян в имениях Полангене и Руцава, близ границ ... Ковенской губ." Крестьяне старались распродавать лен, так как в случае войны он достался бы неприятелю; на ярмарках толковали о войне с французами. Крестьяне спешили изъять свои вклады из сберегательной кассы в Лиепаяе; видимо, для выкупа рекрутов в ожидаемом наборе "скупали порох и оружие"¹⁵. Из донесения от 31 марта жандармского подполковника Щербачева из Тарту Орлофу следовало, что крестьяне во многих местностях Остзейского края неблагонадежны. Крестьянское восстание против помещиков, по мнению Щербачева, вполне возможно "по личной к ним ненависти и в предположении, уничтожив их, иметь впоследствии во владении своем все земли"¹⁶. Поэтому полковник Нотгофт в Елгаве сделал вывод, что "для отклонения могущих быть беспорядков необходимо в тех местах придвинуть некоторое количество войск"¹⁷. Такого же мнения придерживался и подполковник Щербачев в докладе от 24 марта 1848 года: "Все дворяне местные постоянно твердят, что для душевного своего спокойствия они желали бы, чтобы расположили у них войска, Пшибо побе заются крестьян..."¹⁸

31 марта Щербачев снова доносит: "Дворянство здешнее объято каким-то паническим страхом, спасаясь за возмущение крестьян своих, зная, что они к ним не только не расположены, но даже питают вражду вековую, и потому при малейшем восстании они господа помещики, будут первыми жертвами ..." Так как восстание может, "как электричество, передаться по всей губернии". - Щербачев просил прислать войска¹⁹. Хотя возможно, что "обидительная охрана престола" для возвышения собственного значения и стужала краски, тем не менее можно сделать вывод о том, что борьба крестьян за землю обострилась.

Для смягчения обострившегося кризиса самодержавно-крепостнического строя самодержавие и помещики приняли ряд мер с целью сохранения существующих социально-экономических отношений, изменения которых требовали крестьяне.

Во-первых, литовские помещики обязались в середине марта поставить за собой отчет дюжину лошадей для артиллерии, а подполковник Щербачев 18 марта рапортовал о готовности помещиков "встать в случае нужды ... к защите отечества"²⁰.

Убедившись в преданности дворян, Николай I уже в апреле пошел на уступку дворянству, замечив слишком усердного в деле русификации края генерал-губернатора Головина более гибким и симпатизирующим немецкому дворянству князем Суворовым. Это, как следовало из канцарских донесений, еще более укрепило кровную связь местного дворянства и русского самодержавия²¹.

Во-вторых, для подавления крестьянского движения в западных губерниях и предотвращения такового в Прибалтике Николай I во второй половине марта готовился послать войска, а в линапский порт - эскадру, хотя не был вполне убежден в успехе этой меры и надеялся "на одного только бога"²². В директиве от 16 марта 1848 года генерал-фельдмаршалу Паскевичу император предлагал использовать войска в качестве полицейской силы

там, где намечался подъем крестьянского движения.

В-третьих, в Риге 14 марта была утверждена должность цензора иностранных газет и журналов, а 20 мая создан временный цензурный комитет и увеличена пошлина на ввоз западных журналов и газет²³.

В-четвертых, в Тартуском университете был усилен полицейский надзор за студентами и профессорами, в результате чего из университета были удалены либеральные и демократически настроенные преподаватели²⁴.

Если первые из перечисленных выше мер оказались достаточными, то последние две не достигли цели. Уже 27 октября полковник Гильдебрандт доносил шефу жандармов графу Орлову, что рижская буржуазия слишком занята стремлением увеличить свои доходы и поэтому, по его мнению, совершенно равнодушна к событиям "сумасшедшего" года за границей. Более опасными, по мнению полковника, были некоторые молодые прибалтийские помещики.

В ноябре 1848 года жандармам стало известно, что "усерднейшая покровительница демократов" баронесса Мария /Мэри/ Бруининг /1818-1853/, владелица имения Гелленурм в Лифляндской губернии²⁵, поддерживала тесные контакты с лицами левых убеждений - революционером Р.Е. умом /1807-1848/ и прогрессивным поэтом И.Г. Кинкелем /1815-1882/ в Западной Европе и, по данным III отделения, пожертвовала крупные суммы на постройку немецкого военно-морского флота²⁶. В зимней резиденции М.Бруининг в Тарту собиралась группа "друзей дома", среди которых были преподаватель немецкого языка Тартуского университета В.Ген /1813-1890/; профессор юриспруденции Э.Озенбрюгген /1802-1879/; учитель рисования художник А.Гаген /1794-1878/; профессор статистики и географии К.Блум /1796-1869/; профессор Я.Эрдман /1809-1858/; ассессор бауского окружного суда О.Брунов и др.²⁷. Группа М.Бруининг не намеревалась пока бороться на баррикадах, однако, судя по письмам М.Бруининг профессору Э.Озенбрюггену, ее радовали вы-

стрелы, раздававшиеся в Западной Европе²⁸. По данным III отделения, М.Бруининг получила секретные инструкции от прогрессивно настроенных лиц из Западной Европы, призванных "работать за победу нашего дела". Эта "миссионерка свободы", как ее называл упомянутый выше В.Ген, обещала революционерам: "Мы делаем все, что в силах наших, и будем ко времени битвы на поле сражения"²⁹.

Доступные нам материалы недостаточно раскрывают деятельность этой группы. Полиция, по-видимому, тогда даже не знала, что М.Бруининг через Карла Шурца /1829-1906/ финансировала бегство И.Г.Финкеля из Шпандауской тюрьмы в Берлине. Однако полиция в Берлине, Дрездене и Вене следила за поездками М.Бруининг и сообщала III отделению о ее связях с демократами и о денежных субсидиях³⁰. М.Бруининг, видимо, знала о слежке - в 1850 году она внезапно продала имение Галленурм и вместе с семьей направилась якобы для лечения астмы ... в отнюдь не пригодную для этого Англию. Для поездки ей было получено разрешение в Петербурге через генерал-адъютанта И.Анрепа. Поэтому не соответствует действительности утверждения дворянской историографии, что М.Бруининг ничего не угрожало³¹. По распоряжению российского консула в Гамбурге все бумаги М.Бруининг в Гамбурге были задержаны³². После этого начался разгром ее группы в Прибалтике - аресты Э.Озенбрюггена, В.Гена, а также увольнение³³; в Лондоне дом М.Бруининг стал важным местом встреч эмигрантов: здесь бывали Луи Блан, Александр Герцен, Карл Шурц, Аугуст Виллих и др.³⁴ Карл Маркс в Лондоне не был лично знаком с М.Бруининг, но переписывался с ее мужем Аугустом Бруинингом³⁵. К.Маркс был хорошо осведомлен о деятельности баронессы в Лондоне; в его письмах к Ф.Энгельсу 19 раз упоминается имя М.Бруининг³⁶, но прямой характеристики ее политических взглядов К.Маркс не дал. К.Маркс выступил против объявления М.Бруининг русской шпионкой³⁷.

Итак, материалы архивов свидетельствуют о том,

что в Прибалтике в 1848 году наряду с известным обострением антифеодальной борьбы крестьян наблюдались и выступления некоторых либеральных немецких помещиков и представителей интеллигенции, которые находились под влиянием идей революции 1848 года.

Несомненно, дальнейшие исследования в архивах позволят уточнить размеры этого влияния. В любом случае можно с уверенностью сказать, что крестьянское движение оставалось постоянно действующим фактором общественного развития Прибалтийских губерний, а отдельные проявления прогрессивных настроений в среде привилегированных сословий — лишь переходящим фактором.

Примечания

1 *Latvijas PSR vēsture. 1.vēj. R., 1953, 418.lpp.*; История Эстонской ССР. Таллин, 1961. т. I, с. 772; История Литовской ССР. Вильнюс, 1976, т. I, с. 198; Нифонтов А. С. Россия в 1848 году. — М., 1949.

2 Rauch G. Der Widerhall der Revolution von 1848 im baltischen Deutschland. — *Hamburger mittel- und ostdeutsche Forschungen*, 1964, Bd. IV, S. 9-29.

3 О лекторе Ген. — ЦАОР ССР, ф. 109, III отд., I экзп. 1848 г., д. 491, ч. 2, л. 1-45; О баронессе Бруннинг. ур. Ливен. — Там же, д. 491, ч. 1, л. 1-130; О профессоре Озенбритцене. — Там же, д. 491, ч. 2, л. 1-60; О учителе Мейера. — Там же, д. 491, ч. 5, л. 1-35; О дворянине Бруноне. — Там же, д. 491, ч. 4, л. 1-19; О тайном обществе в Остзейских губерниях. — Там же, д. 49, л. 1-94; д. 51, ч. IV и др.

4 Строще X. Отзывки идей революции 1848 года в Тартуском университете. — В кн.: Доклады и сообщения по науке и технике в Прибалтике. Таллин, 1982.

5 Strods H. Vidzemes muižnieku cīpa XIX gs. 40-es gads
pret G.Budenbroka projektu par klanšu atcelšanu un zemes
pārdošanu zemniekiem. - Latvijas agrārā vēsture (XVI-
XIX gs.). Rīga, 1966, 53.-77.lpp.

6 О тайном обществе в Остзейских губерниях. - ИГАОР
СССР, ф.109, IV отд., I экзп. 1848, л.49.

7 Там же, III отд., I экзп. 1848 г., л.51, ч.4, л.3-4.

8 Там же, л.1.

9 Там же, л.67-74.

10 Там же, л.7-8.

11 Там же, л.67.

12 Там же, л.67-74.

13 Там же, л.1.

14 Там же, л.13.

15 Там же, л.397, ч.III, л.22-23.

16. Там же, ч.II, л.38; л.51, ч.4, л.59-60.

17 Там же, л.14.

18 ИГАОР СССР, ф.109, III отд., I экзп., 1848 г., л.51,
ч.4, л.39.

19 Там же, л.99.

20 Там же, л.31.

21 Набоков А.С. Россия в 1848 году, с.221, 242, 246,
247.

22 Там же, с.222.

22 ПСБ, II, т.XXII, № 22060, 22060.22367.

24 Стродс Х. Отзвуки революции 1848 года в Тартуском
университете. - В кн.: Доклады и сообщения... Таллин, 1982.

- 25 ЦГАОР СССР, ф.109, III отд., I экзп., 1848 г., д.491, ч.1, л.75-76.
- 26 Там же, л. 4-II.
- 27 Bruining H. Das Geschlecht von Bruining in Livland, S.260.
- 28 ЦГАОР СССР, ф.109, III отд., I экзп., 1848 г., д.491, ч.1, л.29-32.
- 29 Там же, л.49-50.
- 30 Там же, л.29-32.
- 31 Bruining H. Das Geschlecht von Bruining in Livland, S.260.
- 32 Там же, с.260-261.
- 33 Подробнее см.: Стродс Х. Отзвуки революции 1848 года в Тартуском университете. - В кн.: Доклады и сообщения ... Таллин, 1982.
- 34 Schurz C. Sturmjahre Lebenserinnerungen 1829-1852. Berlin, 1973, S.312, 401-408; Rüdiger W., Schurz C. Revolutionär und Staatsmann. München, 1979.
- 35 Маркс К., Энгельс Ф., - Сочинения. - 2-е изд., т.28, с.184.
- 36 Там же, с.61, 64, 75, 83, 176, 184, 197, 441, 447, 448, 463, 464, 475, 484, 495, 539, 540; т.29, с.305; т.30, с.123.
- 37 Там же, т.28, с.434

DAS VERHÄLTNISS DER STADT RIGA ZU DEN BAUERN
IHRES PATRIMONIALGEBIETES (16. BIS 18. JH.)

Die Quellenlage zur Behandlung dieses Themas ist recht günstig, da in den 20-er Jahren eine Herausgabe der "Vier Bücher der Landvogtei der Stadt Riga" durch A.v.Bulmerincq erfolgt ist¹. Diese Quellenpublication entspricht auch neueren Anforderungen, während die Erläuterungen von Bulmerincq kritisch betrachtet werden müssen.

Die ersten beiden Bücher der Landvogtei enthalten Angaben über die Einnahmen aus dem Patrimonialgebiet a) 1382-1478, b) 1576-1578 sowie einen Bericht über die Verwaltung der Kapitelgüter. Die beigelegten Erläuterungen enthalten zahlreiche Hinweise darüber, wie und wann einzelne Teile der Stadtmark in den Besitz der Stadt gelangten. Das dritte Buch, "Das Grundzinsbuch" (1438-1693)", verzeichnet den Besitz und das Eigentum Rigaischer Bürger im Patrimonialgebiet, wie Höfe, Heuschläge, Gärten, Scheunen, Äcker u.a. Von den bisher genannten Quellen ist im Zentralen Historischen Staatsarchiv der Lettischen SSR (HSAL) das "Landbuch der Konstadt Riga 1591" zu finden².

Für die Behandlung unseres Themas ist das Dritte Buch der Quellensammlung besonders wichtig. Das Dritte Buch enthält verschiedene Quellengruppen: 1) Verhandlungen zwischen Rat und beiden Gilden über die Verwaltung der Landgüter der Stadt, 2) Bestellungen der Amtmänner und Pachtverträge, 3) Rechenschaftsberichte der Amtmänner, 4) Protokolle über Revisionen der Stadtgüter, 5) Protokolle des Rates über Streitsachen und 6) Protokolle über Kirchenvisitationen. Diese genau-

ten Quellen sind zum Teil verloren gegangen. Einzelnes findet sich jedoch noch im Archiv, dem ehemaligen "Äusseren Ratsarchiv der Stadt Riga", z.B. ein Bericht "über die Verwaltung der Stadtgüter" ³ sowie ein Auszug "aus dem Vergleich über die Verwaltung der Stadt-Gründe und der Stadt-Güter" zwischen dem Rat und den Gilden ⁴.

Für die vorliegende Untersuchung wurden weitere ungedruckte Quellen, zur Besitzgeschichte einzelner Teile der Stadtfeldmark, vor allem Kaufverträge und das Liv-, Est- und Kurländische Urkundenbuch herangezogen.

Riga erhielt mit der Erteilung wichtiger städtischer Rechte auch ein Patrimonialgebiet verliehen ⁵. Das geschah 1225 mit der Verleihung von Pinkenhof und Holmhof und 1226 mit der von Klein Jungfernhof durch den päpstlichen Legaten Wilhelm von Modena ⁶. Das Patrimonialgebiet hatte für die sich entwickelnde Stadt vor allem politische Bedeutung. Im Besitz des Patrimonialgebietes versuchte die Stadt, ein Partner des Erzbischofs und des Ordens zu sein. Die günstige geographische Lage liess Riga zur wichtigsten Handelsstadt an der baltischen Ostseeküste werden. Die Stadt errang weitgehende Selbständigkeit, besass ein Stadtrecht, schloss selbständig Handels- und Bündnisverträge mit umliegenden Mächten ab. Sie war aber auch aktiv an der Eroberung Livlands durch die deutschen Feudalherren beteiligt. Die günstigen Entwicklungsmöglichkeiten zogen viele deutsche Kaufleute und Handwerker in die Stadt, diese bildeten über Jahrhunderte die Oberschicht der Stadt. Der Zustrom aus dem deutschen Reich war aber nicht so gross, dass auch das Patrimonialgebiet von Deutschen hätte besiedelt werden können. Die Stadt stand den Liven und Letten des Patrimonialgebietes als kollektiver Feudalherr gegenüber. Gleichzeitig bestanden nationale und religiöse Unterschiede zwischen der Stadt und den Bewohnern des Patrimonialgebietes. Mit

der Verleihung des Patrimonialgebietes wurde die Stadt Riga zu einem feudalen Ausbeuter der Bauern. Die Bauern waren der Gerichtsbarkeit des Rates unterworfen, und sie mussten der Stadt Abgaben zahlen und Dienste leisten. Die genannten Faktoren, soziale, nationale und religiöse, wirkten in den einzelnen Jahrhunderten unterschiedlich auf das Verhältnis der Stadt zu ihren Bauern. Zu diesen inneren Faktoren kamen äussere. Im 13. und 14. Jh. musste die Stadt ihre Rechte und die Grenzen des Patrimonialgebietes besonders gegen die Ansprüche des Ordens verteidigen. In diesen beiden Jahrhunderten kam es zu zahlreichen Streitigkeiten und Vergleichen mit dem Orden⁷. 1330 musste die Stadt schliesslich zeitweilig die Oberhoheit des Ordens anerkennen⁸. Nach diesen Machtkämpfen, die zum Teil auch bewaffnet ausgetragen wurden, wandte sich der Rat der Stadt stärker ökonomischen Problemen des Patrimonialgebietes zu. Ende des 14. Jh. wurde die Landvogtei eingerichtet, Landvögte und andere Beamte für die Verwaltung des Landgebietes bestimmt. Über die Anfänge der Verwaltung des Landgebietes gibt das Erste Buch der Landvogtei 1382-1478 Auskunft. Dieses Buch verzeichnet die Einkünfte aus dem Patrimonialgebiet in Geld, in Naturalabgaben der Bauern sowie deren Arbeitsleistungen⁹. Die Einnahmen von 1382-1478 waren recht unterschiedlich. Sie stiegen langsam, aber nicht kontinuierlich an. Das stimmt mit der Feststellung von Zulmerincq überein, dass die Abgaben und Leistungen der Bauern bis ins 17. Jh. nicht genau festgelegt waren und sich nach dem jeweiligen Ergebnis der Ernte richteten¹⁰.

Das 16. Jh. brachte insofern Neuerungen, dass neue Gebiete erworben wurden. Es handelt sich dabei vor allem um ehemalige Kapitelgüter. Die Stadt brachte diese im Gefolge der Reformation an sich. Mehrere Jahrzehnte musste sie um diesen Besitz kämpfen, bis sie

1572 den Steinholm¹¹, 1573 die Marienmühle käuflich erwerben konnte. 1621 erhielt sie schliesslich den Kellers-Acker von Gustav Adolf geschenkt¹². Trotz dieser Erweiterung des Patrimonialgebietes änderte sich zunächst nichts an seiner Verwaltung. An Einkünften 1576-1578 werden genannt: bares Geld, Grundzins, Pachtgeld, Müh-
lengeld, Fährgeld, Strafgelder, Gebühren des Landgerichts, Zahlungen der Bauern für ihnen gewährte Korndarlehen, Erlöse aus verkauftem Korn¹⁴.

Die beiden ersten Bücher der Landvogtei gestatten kaum Einblicke in das Verhältnis der Stadt zu ihren Bauern. Bis ins 17. Jh. beschränkte sich der Rat darauf, die Wirtschaft der Bauern zu beaufsichtigen, die Abgaben und Leistungen zu fordern und die Gerichtsbarkeit in den Gemeinden auszuüben. Als Beamte der Landvogtei fungierten der Landknecht und der Landwachtmeister. In den Gemeinden sorgten der Gemeinde-Älteste und der Schlichter für Ordnung. Die Bauerngemeinden (Pogaste) hatten in dieser Zeit eine gewisse Selbstverwaltung¹⁵.

Die Stadt und ihr Rat waren für die Bauern Grund- und Gerichts- aber auch Schutzmacht. Das Patrimonialgebiet bedeutete für die Stadt: Ausdruck ihrer politischen und ökonomischen Macht. Es war Lieferant von Lebensmitteln und Rohstoffen und Absatzmarkt für handwerkliche Erzeugnisse. Daneben besass es militärische und strategische Bedeutung für die Stadt. Es muss auch darauf hingewiesen werden, dass das Landgebiet die Stadt stark belastete. Sie musste seinetwegen zahlreiche Streitigkeiten aufrechten, ständig um seinen Erhalt und Ausbau kämpfen und grosse finanzielle Mittel aufbringen. Der Besitz eines solchen Landgebietes hatte für die Stadt widersprüchliche Bedeutung. Trotz dieser Widersprüchlichkeit hat die Stadt im 17. und 18. Jh. ihren Grundbesitz über das Patrimonialgebiet hinaus erweitert. Das geschah durch Schenkungen¹⁶ vor allem aber durch

Kauf¹⁷. Begünstigt wurde diese Erwerbspolitik des Stadtrates durch die wechselvolle Geschichte des Landes. Nach der Zerschlagung der Ordensherrschaft im 16. Jh. gelangte die Stadt zunächst unter die Oberherrschaft des polnisch-litauischen Staates, dann des schwedischen, bis sie zu Beginn des 18. Jh. dem russischen Zarenreich eingegliedert wurde.

Der Stadt gelang es in dieser Zeit, sich von jedem neuen Herrscher, ihre Privilegien bestätigen zu lassen, einschliesslich des Patrimonialgebietes¹⁸. Ihre Bedeutung als wichtigste Handelsstadt Liv- und Kurlands konnte sie behaupten. Das gab ihr auch die Möglichkeit, weiteren Grundbesitz zu erwerben.

Um die Mitte des 17. Jh. kommt es zu Veränderungen in der Verwaltung des Landgebietes und der Stadtgüter. Diese Veränderungen wurden begleitet und hervorgerufen von Auseinandersetzungen zwischen dem Rat und den Gilden um die Schaffung einer Stadtkasse¹⁹. 1675 wird das Kassa-Kollegium berufen, das alle Einkünfte der Stadt verwalten sollte. Es bestand aus Mitgliedern des Rates, der Ältestenbänke und der Bürgerschaften beider Gilden²⁰. Die Auseinandersetzungen zwischen Rat und Gilden betrafen Fragen der Erhöhung der Einnahmen aus dem Grundbesitz und der Verwaltung der Einkünfte. Diese Einkünfte sollten nicht mehr wie bisher nur den Ratsherrn zufließen. Der Grundbesitz bekam für die Stadt und ihre Bürger eine grössere ökonomische Bedeutung. Er besass jedoch weiterhin politisches Gewicht, da Riga 1646 wegen seiner Landgüter landtagsfähig wurde²¹.

Wie sahen die Veränderungen in der Verwaltung des Patrimonialgebietes aus und wie wirkten sie sich auf das Verhältnis der Stadt zu den Bauern aus? Zunächst einige Bemerkungen zum Umfang des Gebietes. Es umfasste 12 Gemeinden (Pagaste), in denen 1607 285 Bauerngesinde existierten²². Neben den bäuerlichen Gemeinden unter-

standen der Stadt Höfe, Heuschläge, Waldstücke, Wege u. a. Ein Teil der Höfe und Ländereien in der Stadtmark war an einzelne Bürger verlehnt oder zu Grundzins vergeben. Im 17. Jh. wurde das Gebiet in vier Ämter eingeteilt, vier Amtshöfe mit dazugehörigen Gemeinden gebildet und vier Amtmänner eingesetzt²³. Diese Zinse und Abgaben der Bauern wurden genau festgesetzt. Sie richteten sich nach der Grösse der bäuerlichen Wirtschaften. Ebenso wurde genau bestimmt, wieviel Holz und Heu die Bauern abliefern mussten. Die Selbstverwaltung der Bauerngemeinden wurde aufgehoben. Die Bauern setzten sich gegen diese Neuerung zur Wehr. Die Neuerungen beschränkten zwar die persönliche Freiheit der Bauern nicht. Die Bauern wurden jedoch stärker an den Boden gefesselt, ihre Freizügigkeit wurde eingeschränkt. Die Stadt war jetzt an stabilen und ständigen Einnahmen aus dem Landgebiet interessiert. In den Veränderungen in der Verwaltung des Patrimonialgebietes spiegelt sich die Herausbildung und Festigung der Leibeigenschaft in Livland wider. Auch die Stadt entzog sich nicht der Tendenz, Ackerhöfe einzurichten, zu denen die Bauern fronen mussten, die Abgaben und Leistungen der Bauern festzusetzen und auch zu erhöhen. Im Patrimonialgebiet der Stadt Riga wurde die Leibeigenschaft nicht so weitgehend durchgesetzt wie im Gebiet des Grundbesitzes der kleineren Feudalherren. Soweit sich feststellen liess, kam es im rigaischen Landgebiet nicht zu solchen Erscheinungen wie dem Raub von Bauernland und der völligen Fesselung des Bauern an die Person des Feudalherren. Die Lage der Bauern im Patrimonialgebiet der Stadt Riga war somit günstiger als in anderen Teilen des Landes²⁴. Das hängt vor allem damit zusammen, dass die Stadt im Grundbesitz nie die Hauptquelle ihres Reichtums sah. Sie war in dem behandelten Zeitraum vor

allen Handelsstadt. Als Stadt von Kaufleuten war sie jedoch auch an der bestmöglichen Nutzung des Landgebietes interessiert.

Die allgemein günstige Lage der Bauern im Patrimonialgebiet schloss ständige kleinere und grössere Auseinandersetzungen zwischen dem Rat und den Bauern mit ein. Der Rat hatte das Verhältnis der Amtmänner zu den Bauern genau geregelt und zwar in den Bestellungen. Der Amtmann hatte "die Gewalt und Macht über die Arbeiter, dieselbe nach Gestalt der Verbrechen mit der Festsche zu züchtigen und zum Gehorsam zu bringen. Die ungehorsamen Wirte soll er pfänden und die Pfände dem Herrn Oberlandvogt einbringen, da dann in seiner Gegenwart die Sache verhört und die Verbrecher gestraft werden sollen."²⁵ Diese Festlegung verdeutlicht, dass dem Amtmann nur in bestimmten, nicht so schwerwiegenden, Fällen ein Strafrecht zustand. Die Obergerichtsbarekeit hatte die Stadt inne. Die Amtmänner mussten über die Verwaltung der Amtshöfe und der dazugehörigen Gemeinden jährlich Rechenschaft ablegen. Solche Rechenschaftsberichte sind von Pinkenhof 1541-1542, von Poelenhof 1676-1677, von Holmhof 1588-1592, von Godelhof 1637-1637 und Klein-Jungfernhof 1676-1677 und 1699-1700 erhalten²⁶. In diesen Berichten mussten die Amtmänner Rechenschaft über die Anzahl der dazugehörigen Gemeinden und die Anzahl und die Grösse der Bauernwirtschaften ablegen. Weiterhin gaben sie Auskunft über den Umfang der Abgaben und Leistungen der Bauern sowie über das Verhältnis von Einnahmen und Ausgaben. Die Stadt verliess sich nicht auf die Angaben der Amtmänner. Sie liess 1637-1675 Revisionen in Holmhof, in Pinkenhof, in Godelhof und in Klein Jungfernhof und 1680-1700 in Holmhof, in Pinkenhof und in Klein Jungfernhof durchführen²⁷. Die Protokolle über diese Revisionen sind einerseits Inventare der einzelnen Höfe. Die Revisionen dienten anderer-

seits der genauen Feststellung der Grösse der bäuerlichen Wirtschaften. Es wurde nämlich festgestellt, dass die Bauern zum Teil mehr Land bearbeiteten als sie angegeben hatten. Die Grösse der Wirtschaften war jedoch von entscheidender Bedeutung für den Umfang der Abgaben und Leistungen der Bauern. Um das an einem Beispiel zu verdeutlichen: ein Vollhäkner musste wöchentlich einen Arbeiter stellen, ein Halbhäkner jede 2. Woche, ein Viertelhäkner jede 4. Woche und ein Drittelhäkner jede 3. Woche²⁸. Die Revisionsprotokolle widerspiegeln den Kampf, den die Bauern mit den Amtmännern und damit mit der Stadt um die Höhe der feudalen Abgaben und Leistungen führten. Sie waren immer daran interessiert, weniger Land anzugeben als sie tatsächlich bearbeiteten. So finden sich in den Protokollen sehr viele Klagen der Bauern, dass sie zu wenig oder zu schlechtes Land hätten, um allen Forderungen nachkommen zu können²⁹. Andererseits beschwerten sich die Verwalter der Amtshöfe über die Bauern. So berichtete der Verwalter von Pinkenhof, "dass viel Bauern wären, die der Herrschaft ihre Pflicht nicht leisteten."³⁰

Aus der Tatsache, dass die Bauern mehr Land besaßen als aufgezeichnet war, zogen die Revisionskommissionen den Schluss, die Leistungen der Bauern zu erhöhen. Eine solche Erhöhung erfolgte 1654 für 60 Bauern von Godelhof, für 15 blieben sie gleich³¹. Auch für 30 Bauern aus Holmhof erhöheten sich die Abgaben und Leistungen, während sie für 10 gleichblieben³². Die Revisionen hatten somit für die Bauern nachteilige Folgen. Sie boten ihnen aber auch die Möglichkeit, ihrerseits Beschwerden und Klagen vorzubringen. Diese wurden in einzelnen Fällen zu ihren Gunsten entschieden. So beschwerte sich ein Bauer aus Holmhof darüber, "dass sie ausser ihrer Arbeit und über C bühr von dem ... waren gezwungen und getrieben worden, das Heu,

welches er in Kurland aufgekauft, anhero zu holen, welches nimmermehr gebräuchlich, dadurch ihre kraftlose Pferde ganz und gar abgemattet und gänzlich ruiniert wurden."³³ Die beiden Hauptargumente der Bauern waren, sie hätten zu wenig Land, um alle Forderungen erfüllen zu können, und sie würden über Gebühr beansprucht.

So weit aus den Revisionsprotokollen deutlich wird, bemühten sich die Vertreter des Rates um eine gerechte Behandlung der Bauern. Diese Gerechtigkeit ging natürlich nur soweit, wie nicht ökonomische und politische Interessen des Rates berührt wurden. Eine weitere Veränderung in der Verwaltung der Stadtgüter trat auch mit dem Pachtsystem ein. Über die Frage der Verpachtung der Stadtgüter hatte es schwerwiegende Auseinandersetzungen zwischen dem Rat und den Gilden gegeben. 1677 legte der Rat seine Bedenken gegen die Verpachtung der Güter vor³⁴. Sein Hauptwiderspruch bestand darin, dass "ein Arrendator nimmer das Absehen allein hat, nur die Summa der Arrende wieder aus den Gütern zu lösen, sondern vielmehr daneben einen guten Vorteil daraus zu erzwingen, wozu gemeiniglich Land und Bauern erhalten müssen ..." ³⁵ In den Pachtverträgen hieß es zwar, dass die Bauern über die alte Gerechtigkeit hinaus nicht beschwert werden sollten³⁶. Gleichzeitig wurde dem Pächter die Ausübung der niederen Gerichtsbarkeit übertragen: "wenn sie aber mit Leistung der Arbeitspflicht seumig und ungehorsam sich bezeigen, auf den Fall ist ihm hiermit zugelassen, sie mit Peitschen und Ruten in gebührender Masse zu zwingen und zum Gehorsam zu bringen, auch sie sonst an ... Vieh nicht aber an Milchkühen zu pfänden ..." ³⁷. Im Gegensatz zum Amtmann und Verwalter unterstand der Pächter nicht der Kontrolle durch den Rat. Er besass weitgehende Rechte gegenüber den Bauern. Die Lage der Bauern konnte sich mit der Verpachtung verschlechtern. Das kommt auch in den Klagen und Beschwerden der Bauern zum Ausdruck. So klagten

die Bauern von Holzhof 1662 darüber, dass "der Arrendator sie unaufhörlich zur Arbeit triebe, ihre Pferde und Kühe gebrauchte, bis sie ganz abgemattet seien, falls sie dawider sprächen, tractiere er sie mit Ruten und den Degen, wünschten derowegen lieber immediate unter R. Ehrb. Rat zu sein, als dem Arrendator zu parieren..."³⁸ Die ferne Stadt und ihre Beamten waren den Bauern lieber als der "allgegenwärtige" Pächter. In dieser Klage wird etwas von der Denkweise der Bauern deutlich. Sie erkannten durchaus die Gegensätze, die innerhalb der Stadt bestanden und versuchten diese für sich auszunutzen. Die im Dritten Band ebenfalls abgedruckten Auszüge aus den Protokollen des Rates und seiner Unterbehörden zeigen, dass die Bauern ihre Klagen, Beschwerden und Streitfälle vor dem Gericht der Stadt verhandeln liessen. Das setzte eine gewisse Kenntnis des Rechtsweges voraus. Auch mussten die Bauern über genügend finanzielle Mittel verfügen, um sich ihre Gesuche aufsetzen zu lassen. Die Bitten, Klagen und Beschwerden der Protokolle des Rates zeigen einen ähnlichen Inhalt wie die Revisionsprotokolle. Es geht immer wieder um die Höhe der Gerechtigkeit der Bauern sowie um die Art und Weise ihrer Ableistung. Einige Beispiele dafür: die Bauern aus Godelhof und Schadding beklagen sich 1660 darüber, "weil die Schaddingsche Jagast bei 6 Meilen von Jungfernhof abgelegt, dass sie also nicht füglich zur Arbeit kommen konnten..."³⁹ oder 1671 Bitte der Stindseeschen Bauern, um Erlassung der verdoppelten Gerechtigkeit an Gänsen, Hähnern und Ziern wird abgelehnt."⁴⁰ Die Aufzählung liesse sich fortsetzen, das ist jedoch nicht nötig. Es wird auch so deutlich, dass das Verhältnis der Stadt Riga zu den Bauern seines Stadtgebietes nicht "väterlich" war. Die Reibungspunkte waren so lange gering, wie die Stadt Riga das Landgebiet noch nicht unter foster Kontrolle hatte. Das war so von 1225/26 bis etwa 1330, als das Patrimonialgebiet vor allem politische

und militärische Bedeutung für die Stadt hatte. In den nachfolgenden Jahrhunderten, besonders mit der Einführung der Ämter und der Verpachtung im 17. Jh., rückte der Grundbesitz stärker in das Blickfeld nicht nur des Rates sondern auch der Gilden. Die zwischen dem Rat und den Gilden geführten Auseinandersetzungen beeinflussten ebenso das Verhältnis zu den Bauern wie ökonomische Erwägungen. Tendenzen zur Verschlechterung der Lage der Bauern gab es auch im Patrimonialgebiet der Stadt Riga. Das betraf vor allem die Festsetzung und teilweise Erhöhung der Abgaben und Leistungen der Bauern und die Einschränkung ihrer Freizügigkeit. Wie die überlieferten Klagen und Beschwerden der Bauern aus dem 17. Jh. verdeutlichen, nahmen auch die Auseinandersetzungen zwischen Untertanen und Rat bzw. seinen Vertretern zu. Die Stadt Riga war im behandelten Zeitraum feudaler Grund- und Gerichtsherr der Bauern ihres Patrimonialgebietes. Dieses Verhältnis einer Stadt zu ihren feudally abhängigen Bauern unterschied sich im Wesen nicht von dem anderen feudalen Grundeigentümer zu deren Bauern. Der bürgerliche Grundbesitz auf dem Lande beseitigte die feudalen Produktionsverhältnisse nicht. Im Patrimonialgebiet der Stadt Riga gestalteten sich diese lediglich etwas günstiger für die Bauern. Als Mitglied des Livländischen Landtags musste sich die Stadt auch den Beschlüssen desselben unterwerfen. Das betraf vor allem den sogenannten Bauernhandel, d. h. die Frage des Zugangs der Bauern auch anderer Feudalherren zum städtischen Markt.⁴¹ Ein weiteres Problem, das sehr häufig auf den Landtagen behandelt wurde, war das der gegenseitigen Auslieferung entlaufener Bauern.⁴² Wegen des Bauernhandels und der Auslieferung entlaufener Bauern kam es zu heftigen Auseinandersetzungen zwischen den Vertretern der Ritterschaft, der Stadt Riga und den beiden anderen bedeutenden Städten Liv- und Estlands Reval (Tallin) und Dorpat (Tartu). Dieser zuletzt genannte Aspekt bestimmte

ebenfalls das Verhältnis der Stadt Riga zu ihren Bauern. Während die Stadt der Frage der Auslieferung von Bauern durchaus positiv gegenüberstand, wandte sie sich gegen die Verdrängung der Bauern vom Städtischen Markt.

Bemerkungen

- 1 A.v.Bulmerincq. Vier Bücher der Landvogtei der Stadt Riga. Erster Band, Erstes Buch 1382-1478. Zweites Buch 1576-1578. Riga, 1923; Zweiter Band, Drittes. Das Grundzinsbuch 1478-1693. Riga, 1925; Dritter Band (1604-1710). Riga, 1931.
- 2 Zentrales Historisches Staatsarchiv der Lettischen SSR, Riga, Fonds 8, op.1, d.18.
- 3 HSAL F.673, op.1, d.160, Fol.85-101.
- 4 HSAL F.673, op.1, d.1672.
- 5 Vgl. Liepiņa. Agrārās attiecības Rīgas lanku novadā vēlā feodālisma posmā (17.-18.g.). Riga, 1962, S.4.
- 6 HSAL F.8, op.2, Kap. 1 3 N 73 und 41.
- 7 Schon 1226 verglich sich die Stadt Riga mit dem Schwertbrüderorden, vergleiche: Liv-, Est- und Curländisches Urkundenbuch, hrsg. v. F. v. Bunge. 5. Band, Nachträge. Riga, 1873, Regest 301 a, S.142, 1255 Vergleich zwischen der Stadt und dem Deutschorden, ebenda, Regest 314 o, S.150, 1304 Schiedsurpruch im Streit Stadt-Orden wegen der Stadtmark, ebenda, 2. Band, Reval, 1855, Regest 700, S.5.
- 8 Ebenda, 2. Band, Regest 975, S.83, Regest 878, S.86.
- 9 Bulmerincq. Vier Bücher der Landvogtei der Stadt Riga. Erstes Buch 1382-1478, S.216-229.
- 10 Ders. Dritter Band (1604-1710), S.1.

- 11 Bulmerincq. Vier Bücher der Landvogtei der Stadt Riga. Dritter Band (1604-1710), S.255.
- 12 HSAL F.3, op.2, Kap.B, N 39.
- 13 HSAL F.3, op.2, Kap.B, N 2
- 14 Bulmerincq, Erster Band, Zweites Buch, S.127.
- 15 Ders, Dritter Band, S.1.
- 16 HSAL F.3, op.2, Kap.D N 15, Gustav Adolf schenkt der Stadt 1621 das Amt und das Hackelwerk Lemsal.
- 17 Zwischen 1586 und 1757 erwirbt die Stadt 36 Objekte, vgl. HSAL F.3, op.2, Kap.B, C und D.
- 18 HSAL F.673, op.1, d.1001.
- 19 HSAL F.673, op.1, d.1165.
- 20 Bulmerincq. Vier Bücher der Landvogtei. Dritter Band, S.3.
- 21 A.v.Richter. Geschichte der dem russischen Kaiserreich einverleibten deutschen Ostseeprovinzen bis zur ihrer Vereinigung mit demselben. 2.Bd.1629-1721. Riga, 1858, S.15.
- 22 A.v.Bulmerincq. Die Besiedlung der Mark der Stadt Riga 1201-1600. Riga, 1921, S.28; vgl. Liepapa, Karte S.16.
- 23 Bulmerincq. Vier Bücher der Landvogtei. Dritter Band, S.2.
- 24 Vgl. H.Bosse. Der livländische Bauer am Ausgang der Ordenszeit (bis 1561). - In: Mitteilungen aus der livländischen Geschichte, 24.Band, H.4. Riga, 1933, S.282-511.
- 25 Bulmerincq. Vier Bücher der Landvogtei. Dritter Band, S.47.
- 26 Ebenda, S.80-400.
- 27 Ebenda, S.401-590.

- 28 Bulmerinoq. Vier Bücher der Landvogtei. Dritter Band. Auszug aus dem Bauern- Zins- und Wackenregister von Pinkenhof 1676, S.627.
- 29 Ebenda, S.403.
- 30 Ebenda, S.462.
- 31 Ebenda, S.475.
- 32 Ebenda, S.483.
- 33 Ebenda, S.494.
- 34 Ebenda, S.20.
- 35 Ebenda, S.21.
- 36 Ebenda, S.52.
- 37 Ebenda, S.52.
- 38 Ebenda, S.813.
- 39 Bulmerinoq. Vier Bücher der Landvogtei. Drit'er Band, Publica, Bd.5, S.303, S.781.
- 40 Ebenda, Public, Bd.16, 3.270, S.790.
- 41 В.В.Дорошенко. О при аграрной истории Латвии в VI веке. Рига, 1960, с.302.
- 42 Н.Боссе. Der livländische Bauer, S.368.

Резюме

В статье излагается мало изученная проблема положения феодально-зависимого крестьянства на землях позднефеодальной Риги. Впервые введены в научный оборот источники, извлеченные из Центрального Государственного исторического архива ЛатвССР. На основании критического анализа этих источников, а также соответствующей литературы показано, почему магистрат г. Риги в этот период был особенно заинтересован в более эффективном использовании сельского хозяйства патримониального округа и труда феодально-зависимых крестьян на его землях. Автор обоснованно считает, что положение крепостных крестьян на землях патримониального округа было относительно лучше положения помещичьих крестьян.

Коротко об авторах

- М. Вирсио - аспирант кафедры новой и новейшей истории ЛГУ им. П. Стучки.
- Е. Шимкува - преподаватель Рижского политехнического института им. А. Пельше.
- А. Лейт - профессор Стокгольмского университета, директор Центра прибалтийских исследований.
- М. Духанов - профессор кафедры новой и новейшей истории ЛГУ им. П. Стучки.
- Г. фон Нистолькоре - преподаватель Геттингенского университета, председатель Прибалтийской исторической комиссии.
- М. Козин - старший научный сотрудник Института истории АН ЛатвССР.
- П. Крушников - доцент кафедры новой и новейшей истории ЛГУ им. П. Стучки.
- Г. Эршофф - преподаватель Берлинского университета им. Гумбольдта.
- Р. Бемс - доцент кафедры эстетики и искусствоведения Академии художеств ЛатвССР им. Т. Залькална.
- Г. Стродс - профессор, заведующий кафедрой истории СССР ЛГУ им. П. Стучки.
- Р. Шиллинг - преподаватель Ростокского университета им. В. Пика.

Содержание

Вирсис М. Влияние германской "политики нечестива" на германо-латышские отношения /1929-1932 гг./	3
Шимкува В. Некоторые аспекты политической деятельности прибалтийских немцев буржуазной Латвии в 20-30-е годы в работах Вольфганга Вахтсмута	14
A. Loit. Die Konzeption der schwedischen Herrschaft im Baltikum in der deutsch-baltischen Geschichtsschreibung /А. Лойт. Прибалтийско-немецкая историческая литература о периоде шведского господства в Прибалтике/	26
Духанов М. Первое марксистское исследование проблем прибалтийско-немецкой историографии /Зутис Я. Очерки по историографии Латвии. Ч. I. Прибалтийско-немецкая историография/ ...	62
S. von Pistohlkors. Die Baltischen Provinzen Russlands im 19. Jahrhundert und die deutsch-baltische Geschichtsforschung /Г. фон Пистолькорс. Прибалтийские провинции России в XIX веке и прибалтийско-немецкая историческая наука/	65
Козин М. "Дюна-цайтунг" об аграрном вопросе в Прибалтийских губерниях в революции 1905-1907 гг.	98
Крупников П. Прибалтийско-немецкий поэт Виктор фон Андреянов: в оппозиции к остзейскому "обществу"	107

Ершофф Г. Леонгард фон Будберг, Роман Будберг-Беннингхаузен, Карл Фридрих фон дер Борг и процесс восприятия русской литературы в Германии в 20-30-е года XIX в. I15

Bēns R. Dažas piezīmes Latvijas tēlotājas mākslas vēsturiskā mantojuma jautājumā (18.gadsimta beigās, 19.gadsimta pirmē pusē

/Бемо Р. Некоторые примечания к вопросу об историческом наследии в изобразительном искусстве Латвии /конец XVIII-первая половина XIX вв./ I25

Стродс Х. Некоторые отголоски революции 1848 года в Прибалтике I42

Schilling R. Das Verhältnis der Stadt Riga zu den Bauern ihres matrimonialgebietes (16.-18.Jh.)

/Шиллинг Р. Отношение города Рига к крестьянам городского патримоняльного округа /XVI-XVIII г.г./ I52

ГЕРМАНИЯ И ПРИБАЛТИКА:
проблемы политических и культурных связей
СБОРНИК НАУЧНЫХ ТРУДОВ

Рецензенты:

Л.Балевица, канд. ист. наук;
А.Зунда, канд. ист. наук;
В.Павуланс, канд. ист. наук;
К.Сондор, канд. ист. наук

Редакторы: П.Крупников, О.Гордеева
Технический редактор И.Балоде
Корректор И.Балоде

Подписано к печати 30.08.85. ЯТ 08403. ф/б 60x84/16.
Бум. №1. П, 0 физ. печ. л. 10,2 усл. печ. л. 8,2 уч.-изд. л.
Тираж 500 экз. Зак. № 1033 Цена I р. 30 к.

Латвийский государственный университет им. П.Стучки
226098 Рига, б. Райниса, 19
Отпечатано в типографии, 226050 Рига, ул. Вейденбаума, 5
Латвийский государственный университет им. П.Стучки

THE UNIVERSITY OF CHICAGO

DEPARTMENT OF CHEMISTRY

RESEARCH REPORT

1950

- 1. [Illegible]
- 2. [Illegible]
- 3. [Illegible]
- 4. [Illegible]

Prepared by [Illegible]
 Department of Chemistry
 University of Chicago

Published by the University of Chicago Press, Chicago, Illinois, 1950.
 Copyright © 1950 by the University of Chicago Press.

Reprinted from [Illegible] Vol. [Illegible], No. [Illegible], 1950.
 Original published in [Illegible] Vol. [Illegible], No. [Illegible], 1950.

~~353555~~

754263

LATVIJAS UNIVERSITĀTES BIBLIOTĒKA

0509061674

457

1 р. 30 к.

85

06

PT-4560

1985

88